

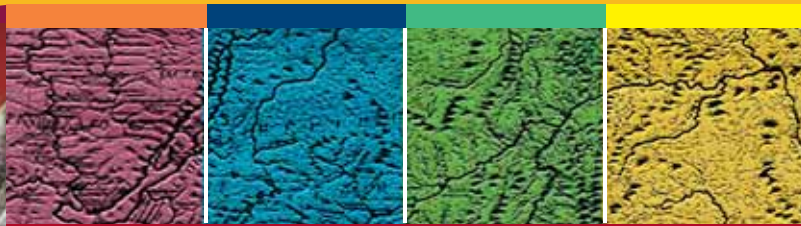
Познавательный журнал для хороших людей

НАУКА

из первых рук

6

6⁽¹⁸⁾
● 2007

«ОХОТА МОЯ
К УСЛУЖЕНИЮ
ОБЩЕСТВУ...»

ПРОБЛЕМЫ БРАКА
И СЕМЬИ
У НАРОДОВ СИБИРИ

РУССКИЕ СИБИРЯКИ
XVIII ВЕКА И АЛКОГОЛЬ

РЫЦАРИ ТАЙГИ

**ПО СЛЕДАМ
АКАДЕМИЧЕСКОГО ОТРЯДА
ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ**

www.sciencefirsthand.ru

НАУКА ИЗ ПЕРВЫХ РУК

№ 6 (18) 2007

Дорогие читатели!

Этот специальный выпуск журнала мы посвящаем одному из крупнейших отечественных научных предприятий, положившему начало академического изучения Сибири. Проект Второй Камчатской экспедиция (1733—1743 гг.) был разработан Петербургской Академией наук совместно с Сенатом и Адмиралтейств-коллегией в соответствии с задачей Академии, которая наиболее ярко была сформулирована ученым секретарем, академиком А. Ф. Миддендорфом в записке «О мерах к извлечению из Академии наук непосредственной пользы для государства»: «Нигде более, нежели у нас, одною из важнейших задач Академии должно быть исследование отдельных стран обширного нашего Отечества и изыскание сокрытых в них, безо всякого сомнения, новых производительных сил и источников государственного богатства».

Многочисленные сухопутные и морские отряды, в составе которых работали сотни человек из разных стран (русские, немцы, шведы, датчане, французы), провели комплексное исследование всей территории Сибири и прилегающих к ней морей, первыми совершили плавания к берегам Северной Америки, Японии, Алеутским и другим островам Тихого океана, совершив крупнейшие географические открытия.

Вторая Камчатская экспедиция стала одним из самых грандиозных научных мероприятий за всю историю полевых исследований. Неслучайно у нее есть и другое название — «Великая Северная».

Один из отрядов экспедиции возглавляли профессоры Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин. Этот скромный по численности

отряд сыграл огромную роль в научном открытии Сибири, изучении ее географии, естественных богатств, экономики, истории, археологии, этнографии.

Наш журнал, начиная с первого выпуска, неоднократно обращался к научному наследию участников этого отряда, их непростым, подчас трагическим, судьбам.

В очерках, посвященных жизни и деятельности Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, Г. В. Стеллера, ученые предстают естествоиспытателями с большой буквы, людьми с разными характерами, привычками и пристрастиями и не укладываются в «устоявшиеся» схемы и оценки.

Многие ценные документы и рукописи экспедиции: письма, путевые журналы, географические описания и т. д. — лишь недавно увидели свет, и многое из хранящегося в архивах и фондах еще только готовится к изданию.

Специальный выпуск журнала включает коллекцию статей, посвященных участникам Великой Северной экспедиции, и фрагменты из их путевых дневников и фундаментальных работ, расшифрованных и опубликованных впервые. Сборник улучшенных и расширенных для издания статей предваряет введение д. и. н. А. Х. Элрта, перу которого также принадлежат переводы и расшифровки рукописей участников экспедиции. В публикации этого выпуска «Великая Северная экспедиция» мы видим свой долг перед предшественниками, жизнь и деятельность которых могут служить примером беззаветного служения науке и обществу.

академик Н. Л. Добрецов,
главный редактор

.01

«...ОХОТА видеть много НОВОГО побудила нас к этому ДАЛЬНЕМУ и ТРУДНОМУ путешествию.» С. 14

«...Почти все РЕМЕСЛЕННИКИ в ИРКУЦКЕ — промышленные. Иногда трудно определить, в Москве или в Иркутке выполнена работа ЗОЛОТЫХ и СЕРЕБРЯНЫХ ДЕЛ МАСТЕРОВ по литью, ковке, чеканке и гравировке. Они изготавливают даже математические инструменты — КВАДРАНТЫ, АСТРОЛЯБИИ, ЦИРКУЛИ, — и так умело, что скорее МОЖНО БЫЛО БЫ ПРЕДПОЛОЖИТЬ, что они СДЕЛАНЫ в АНГЛИИ, нежели в Сибири русскими.» С. 40

ОТКРЫТИЕ СИБИРИ

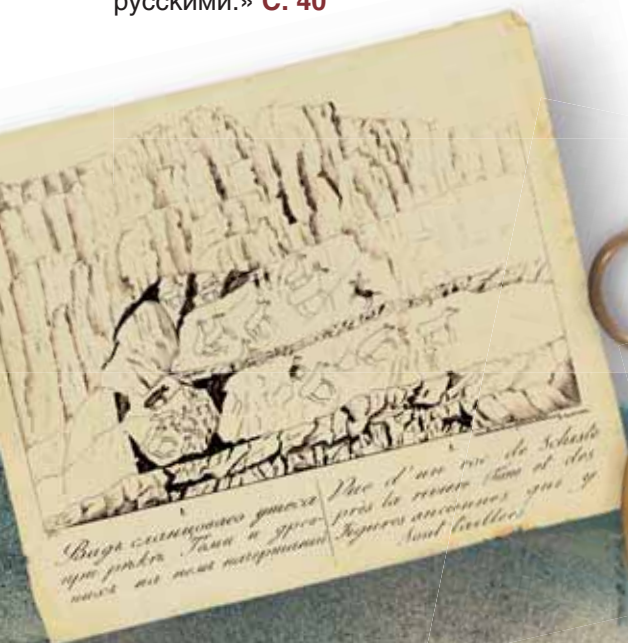
- 6 **А. Х. Элерт**
По следам академического отряда Великой Северной экспедиции
- 12 **И. Г. Гмелин**
Путешествие по Сибири
Тюрки Красноярского уезда и их шаманы.
Перевод, вступительная статья
А. Х. Элерта
- 24 **А. М. Панфилов**
Невозвращенец.
История одного побега
- 32 **Г. В. Стеллер**
Описание города Иркутка и окрестных местностей
Иркутские нравы и образ жизни.
Перевод, вступительная статья
А. Х. Элерта
- 42 **А. М. Панфилов**
Идущий за горизонт, или молитва о преодолении
- 52 **В. Хинтцше**
Вторая Камчатская экспедиция — научный подвиг XVIII столетия
- 54 **Г. Ф. Миллер**
Описание сибирских народов.
Рыцари тайги.
Перевод, вступительная статья
А. Х. Элерта

...Миллер первым из отечественных ученых смог увидеть в БЕДНЫХ КОЧЕВНИКАХ тайги ПОДЛИННЫХ РЫЦАРЕЙ ЧЕСТИ, во многом способных показать ПРИМЕР ИСКУШЕННЫМ в аморализме ЕВРОПЕЙЦАМ. С. 57

«...И когда я заметил, что ОНА на ПОСЛЕДНИХ СРОКАХ БЕРЕМЕННОСТИ, то отец сказал, что у них не считается чем-то особенным ИМЕТЬ ДЕТЕЙ ДО БРАКА, ЕСЛИ ЭТОМУ ПРЕДШЕСТВУЕТ настоящая ПОМОЛВКА.» С. 85

«...По их, ЯКУТОВ, МНЕНИЮ, ШАМАН в своем ЭКСТАЗЕ действительно ПРОХОДИТ вместе с жертвенной скотиной через все ДЕВЯТЬ ЯРУСОВ и, наконец, ДОСТАВЛЯЕТ скотину ГЛАВНЕЙШЕМУ ЧЕРТУ.» С. 97

- 66 **А. М. Панфилов**
«Охота моя к услужению обществу...»
- 74 **Г. Ф. Миллер**
Описание сибирских народов.
Проблемы брака и семьи у народов Сибири.
Перевод, вступительная статья
А. Х. Элерта
- 92 **Г. Ф. Миллер**
Языческие верования и обряды.
Описание якутского обряда жертвоприношения.
Перевод, вступительная статья
А. Х. Элерта
- 102 **А. Х. Элерт**
Русские сибиряки XVIII века и алкоголь.
Вступительная статья
А. М. Панфилова
- 118 **А. Х. Элерт**
Алкоголь и галлюциногены в жизни аборигенов Сибири

По следам АКАДЕМИЧЕСКОГО ОТРЯДА Великой Северной экспедиции

А.Х. ЭЛЕРТ

Вторая Камчатская (Великая Северная) экспедиция 1733–1743 гг. под общим командованием капитан-командора В. Беринга — одно из самых грандиозных в мировой истории научно-исследовательских предприятий, охватившее всю Сибирь от Урала до Тихоокеанского побережья, арктическое побережье от устья Северной Двины до Чукотки, прибрежные районы Северного Ледовитого океана и северную часть Тихого океана. Организована по предложению В. Беринга, представленному в Адмиралтейств-коллегию и Сенат вскоре после окончания Первой Камчатской экспедиции 1725–1730 гг., и в соответствии с указом императрицы Анны Иоанновны от 17.04.1732 г. Многочисленными инструкциями перед экспедицией и ее отдельными отрядами был определен ряд задач: морское путешествие к берегам Америки; поиск морского пути к Курильским и Японским островам; разведка и картографическая съемка прибрежных районов Северной и Северо-Восточной Сибири; выяснение наличия или отсутствия пролива между Азией и Америкой; изучение природы, истории и народов Сибири. Решение этих задач имело как научное, так и большое политическое значение, поэтому информация о целях, ходе и результатах экспедиции являлась секретной. В состав отрядов входило более 500 ученых, офицеров, матросов, солдат, геодезистов и других участников; вспомогательный персонал, задействованный на разных этапах, насчитывал несколько тысяч человек.

Для выяснения практической возможности плаваний Северным морским путем, а также изучения Северного Ледовитого океана и арктического побережья Азии было организовано четыре северных отряда (Двинско-Обский, Обско-Енисейский, Ленско-Хатангский, Восточно-Ленский), каждый из которых имел задачей исследование определенного участка. Плавания по рекам и морям осуществлялись на крошечных даже по меркам XVIII в. судах (кочи, боты, дубель-шлюпки, обычные весельные лодки), путешествия по суше — на оленьих и собачьих упряжках, пешком. В результате самоотверженного труда участников северных отрядов и ценой многих жизней был собран колоссальный по объему и значимости материал. Описано и картографировано более 13 тыс. км берега Северного Ледовитого океана,

описаны участки нижнего, и частично среднего течения всех крупных рек от Печеры до Колымы, нанесены на карту значительные части морей Карского и Лаптевых, собраны данные о ледовой обстановке в морях, приливах, климате, населении Севера и Северо-Востока. Многие изученные природные объекты повторно были обследованы лишь в XX в. Плавания судов северных отрядов показали чрезвычайную сложность и опасность морских путешествий вдоль берегов Северного Ледовитого океана. Так, в отряде П. Лассиниуса к весне 1736 г. во время первой же зимовки из-за нехватки продовольствия и цинги умерли 40 человек из 53, в том числе и сам Лассиниус. На следующий год большие потери от цинги понес отряд В. В. Прончищева; умер он сам и его жена — первая в мире женщина-полярница. Тяжелая ледовая обстановка не позволила исследователям обойти морем полуостров Таймыр и на востоке продвинуться далее мыса Большой Баранов. Это имело следствием разработку проектов высокоширотных маршрутов от побережья европейской России в бассейн Тихого океана через Северный Ледовитый океан (проект М. В. Ломоносова и др.); практическая реализация этих проектов стала возможной лишь с созданием в XX в. мощного ледокольного флота.

Не менее драматичной была судьба участников первого тихоокеанского отряда, который совершил плавание к берегам Северной Америки. Около трех лет ушло на организацию железодельного завода в Якутии и канатной мастерской, изготовление судового такелажа, заготовку продовольствия и снаряжения. Столько же времени потребовалось на переброску людей и грузов в Охотск, а также строительство здесь судов. Лишь спустя восемь лет после отъезда из Петербурга 4 июня 1741 г. пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел» под командованием Беринга и капитана А. И. Чирикова отправились в плавание. На обоих судах находились сотрудники Академии наук — на «Св. Петре» адъютант Г. В. Стеллер, составивший описание этого путешествия; на «Св. Павле» — профессор Л. Делиль де ла Кройер.

Выставка в музее Института гуманитарных исследований АН РС (Я), посвященная 300-летию первого историка Сибири Г. Ф. Миллера

В XV—XVI вв. Октябрьское именовалось Кодой, представляя собой своеобразный центр территориально-племенного объединения народов ханты и манси по нижнему течению Оби. После покорения Сибири Ермаком на этом месте был построен городок Кодск — крепостное укрепление с казачьей воинской частью

...Кодцкой Троицкой монастырь, являющийся мужским, на правом берегу... Имеет две деревянные церкви — Живо-начальная Троицы и Благовещения Богородицы. На месте первой, так как она старая, сейчас строится каменная двухалтарная церковь. В монастыре имеются обычные монастырские постройки, как-то кельи, погреба и амбары. Вне его в трех дворах живут монастырские служители, а еще здесь имеется 15 дворов бобылей, которые происходят большей частью из крещеных остяков. Они издавна приданы монастырю, который может использовать их для различных работ и за это платит в государственную казну обычные налоги (Г. Ф. Миллер).

Макет Кодского монастыря и этнографические экспонаты, дающие представление о культуре коренных обитателей края и русскоязычного населения, в экспозиции Октябрьского краеведческого музея

Независимо друг от друга, но почти одновременно оба судна, потерявшие друг друга в тумане, достигли берегов Америки, открыли ряд островов (Каяк, Кадьяк, Шумагинские, Командорские, архипелаг Александра, Алеутская гряда и др.).

О трагической гибели Беринга и большинства его спутников хорошо известно. Во время обратного плавания и зимовки после повреждения судна на острове, названном позже именем Беринга, умер капитан-командор и 45 из 77 членов экипажа «Св. Петра». В условиях многочисленных трудностей и лишений свои лучшие качества проявил Стеллер, который, исполняя обязанности врача, не прекращал и научных занятий. Им, в частности, во время зимовки открыты, описаны и зарисованы редкое животное из семейства сирен (Стеллерова корова) и большой очковый баклан, вскоре полностью истребленные. Значительными были и потери экипажа «Св. Павла»: 15 его членов пропали без вести на одном из островов архипелага Александра, вероятно, убитые индейцами, еще шесть человек, в том числе астроном Делиль де ла Кройер, умерли от цинги.

В задачу 2-го тихоокеанского отряда капитана М. П. Шпанберга входило картографирование Курильских островов и установление связей с Японией. Важнейшим результатом плаваний четырех судов этого отряда (командиры Шпанберг, лейтенант В. Вальтон, мичман А. Шелтинг и боцманмат В. Эрт) в 1738–1742 гг. было открытие пути к островам Хоккайдо и Хонсю Японского архипелага; на Хонсю была произведена высадка моряков, радушно принятых японцами. Помимо этого, была произведена опись всей Курильской гряды, впервые пройденной с восточной стороны, а также обследовано побережье Охотского моря до пролива Лаперуза и более 600 км восточного побережья Сахалина.

Изучение природы и естественных богатств внутренних районов Сибири, ее экономики, истории и этнографии коренных народов было поручено участникам академического отряда. В него вошли профессора (академики) Академии наук историк Г. Ф. Миллер, натуралист И. Г. Гмелин и астроном Л. Делиль де ла Кройер, студенты — С. П. Крашенинников, А. Горланов, В. Третьяков, Л. Иванов и Ф. Попов, переводчик И. Яхонтов, художники — И. Х. Беркган и И. В. Люрсениус, геодезисты — А. Красильников, Н. Чекин, А. Иванов и М. Ушаков. Уже в ходе экспедиции отряд пополнили адъютанты Г. В. Стеллер и И. Э. Фишер, переводчик Я. И. Линденау, художник И. К. Деккер. Сопровождали ученых мастеравые и «работные» люди, толмачи, солдаты (в числе которых был и барабанщик!). Должно быть, путешествие отряда, особенно в начале экспедиции, когда он был в полном составе, выглядело весьма внушительно. Из Петербурга отряд отправился

на 62 подводках — профессорам полагалось по десять подводок каждому, художникам по три, геодезистам и переводчику по двум, студентам по одной. Хотя все основные решения профессора должны были принимать коллегиально, фактическое руководство отрядом осуществляли близкие друзья Миллера и Гмелина (при несомненном лидерстве более старшего, опытного, решительного и властного Миллера).

Отряд отправился из Петербурга 8 авг. 1733 г., вернулся сюда 15 февр. 1743 г.; некоторые участники оставались в Сибири до 1746–1747 гг. Маршруты основного состава ученых охватили огромную территорию от Южного и Среднего Урала до Якутии и Забайкалья, от южных границ Сибири до низовьев Иртыша, Оби, Енисея и среднего течения Лены. По подсчетам Миллера, единственного из участников экспедиции, который побывал во всех уральских и сибирских уездах и городах, за десять лет он проехал около 35 тыс. верст. Из-за небезопасности транспортом и продовольствием весь отряд не смог достичь Камчатки, поэтому туда был направлен Крашенинников, к которому позже присоединился Стеллер.

С позиций сегодняшнего дня многое в экспедиции академического отряда выглядит необычным. Во-первых, время, когда она проходила, — период правления Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) и «биرونщины», — не самое благоприятное для столь масштабных и затратных научных проектов. Во-вторых, полномочия, которыми были наделены путешественники, в соответствии с которыми они действовали по «имянному Ея императорского величества указу» и могли не просить, а требовать от сибирских властей всех уровней практически любой информации (и добивались этого), обеспечения транспортом, продовольствием, квартирами и т. д. В-третьих, возраст тех ученых, которые оставили наиболее яркий след в истории изучения Сибири: когда они отправлялись в Сибирь, Крашенинникову был 21 год, Гмелину — 23, Миллеру и Стеллеру — по 27. В-четвертых, интернациональный состав участников (русские, немцы, француз, швед), причем профессора и адъютанты не являлись российскими подданными. Руководители отряда были иностранцами, однако нет никаких оснований говорить об их предвзятом отношении к русским участникам. Об этом, в частности, говорит тот факт, что в целом ряде обращений Миллера и Гмелина в Сенат и Академию наук содержатся чрезвычайно высокие оценки работы студента Крашенинникова, на основании чего они просили увеличить его жалованье до 200 руб. в год (для сравнения: профессор Академии наук получал в то время 600 руб. в год (в экспедиции — 1200 руб.); денежное жалованье сибирского дворянина составляло 12–14 руб. в год). Как огромную потерю восприняли они смерть талантливого переводчика и исследователя Яхонтова в 1739 г.

Молодость ученых во многом предопределяла и их задор, стремление к неизведанному, пусть и опасному. Миллер, рассказывая о путешествии по воде к верховьям Иртыша, сообщает, что из-за угрозы нападений киргиз-кайсаков (казахов) в Омской крепости к сопровождавшим отряд солдатам были добавлены 20 казаков и четыре пушкаря с четырьмя пушками. Особые меры (ночевки посреди реки, дозоры и др.) оказались излишними, и ученый пишет в связи с этим: «Мы иногда желали, чтоб наша предосторожность не вотще употреблена была, токмо из наших неприятелей ни к малейшему нашему обеспокоиванию никто не явился». Находясь в Забайкалье, Миллер узнал от информаторов, что за рекой Аргунь на территории Китая находятся остатки древнего города, и на свой страх и риск нелегально пересек границу, чтобы лично освидетельствовать данный памятник. Никакие трудности и опасности не могли испугать Стеллера, который, похоже, сам стремился к ним и даже ставил над собой эксперименты по выживанию в экстремальных условиях.

Научное наследие участников академического отряда настолько масштабно, что по достоинству оценить его невозможно даже сейчас, когда об этом уже написано множество книг и статей: тысячи страниц экспедиционных рукописей, написанных готической скорописью с многочисленными сокращениями и элементами стенографии еще ждут своих исследователей. Так, колоссальный объем ценнейшей информации содержится в путевых описаниях и дневниках ученых. Они дают уникальные сведения о многих тысячах географических объектов, топонимах, расселении русского и коренного населения, архитектуре городов и острогов, численности и этническом составе жителей ясачных волостей, их истории, миграциях, материальной и духовной культуре, археологических памятниках, хозяйственных занятиях сибиряков, путях сообщения и др. Многие описания ученых проиллюстрированы художниками отряда (рисунки-перспективы и планы городов, зарисовки физических типов коренных жителей Сибири, их жилищ, одежды, быта, предметов культа, рисунки археологических памятников, животных и растений). Поистине уникальными являются неопубликованные этнографические описания, равных которым по информативности и достоверности применительно к XVIII в. не существует.

В ходе экспедиции фиксировались магнитные, барометрические и температурные показатели, в ряде городов были созданы первые метеорологические станции, где обученные учеными служилые люди вели постоянные наблюдения. При несовершенстве приборов участники экспедиции весьма точно определили координаты огромного числа географических объектов, которые послужили опорными пунктами при составлении десятков региональных карт Сибири и карт гео-

графических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах, а также «генеральных», изготовленных под руководством Миллера в 1745–1746 и 1754–1758 гг. Многие европейские ученые не сразу признали достоверность этих карт и другой информации о результатах экспедиции. Швейцарский географ С. Энгель и его сторонники утверждали, в частности, что Миллер, выполняя политический заказ русского правительства, преувеличил суровость ледовой обстановки в Ледовитом океане, отодвинул границы Сибири на востоке на 30°, что Беринг не был у берегов Америки и т.д. Poleмика Миллера с оппонентами, в ходе которой, он, отстаивая честь России и доказывая приоритет русских географических открытий, опубликовал в России и за рубежом цикл специальных трудов, завершилась лишь с плаванием Д. Кука к Берингову проливу в 1778 г. Оно окончательно подтвердило научную добросовестность российских ученых: по измерениям Кука широтную протяженность Сибирь пришлось даже увеличить на 4,5° в сравнении с опубликованными Миллером данными.

Важнейшей стороной деятельности участников экспедиции явилась выработка проектов, направленных на развитие Сибири (проекты Миллера и Гмелина по организации медицинского обслуживания, использованию лекарственных ресурсов Сибири, созданию мощной металлургической базы на основе использования каменного угля и железной руды в Кузнецком уезде (реализовано в 1930-х гг.), и др.). Перу Миллера принадлежит ряд геополитических проектов. Так, им разработаны планы мирного и военного решения вопроса о возврате России Северного Приамурья (реализовано в середине XIX в.), план урегулирования пограничных вопросов на юге Западной Сибири, который включал в себя освоение целинных земель русскими крестьянами из европейской части России, которые должны были в Сибири получить освобождение от крепостной зависимости, и др.

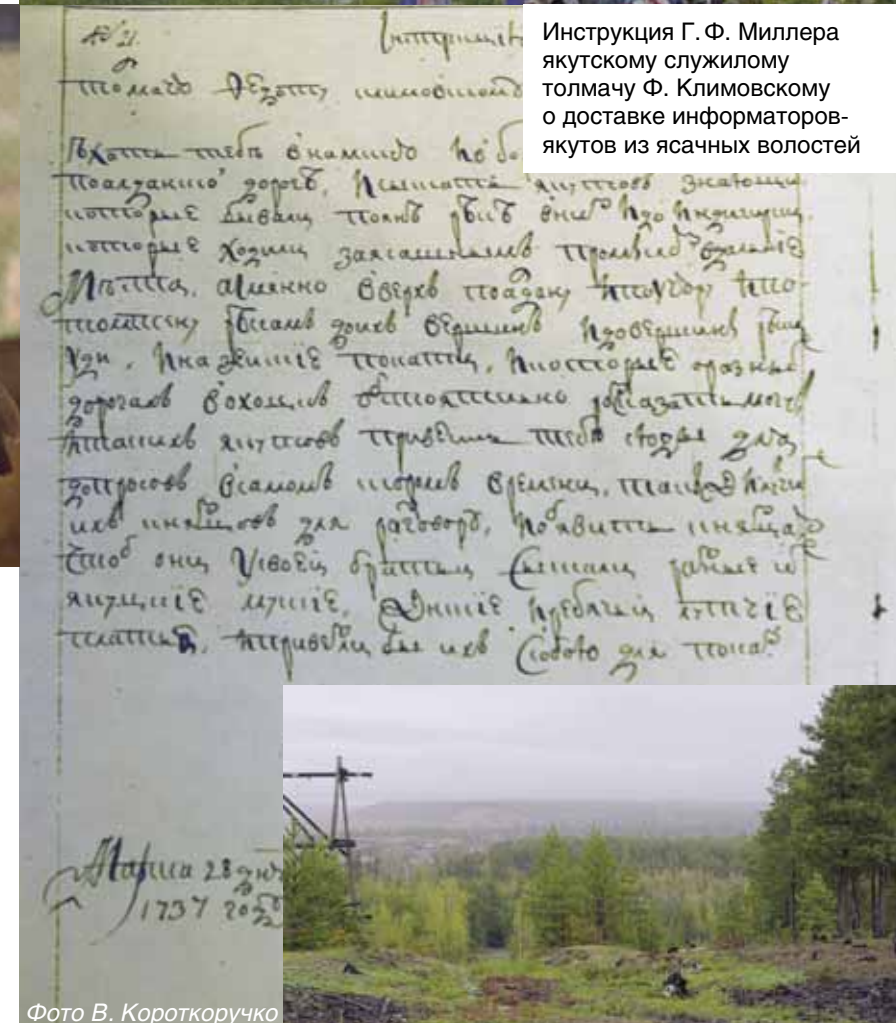
Вторая Камчатская экспедиция потребовала мобилизации огромных финансовых, материальных и людских ресурсов. Грандиозность замыслов и героические усилия путешественников соответствуют масштабности и значимости результатов экспедиции. Она явилась важным этапом в освоении Сибири, предпосылкой и началом присоединения и освоения русскими западной части Североамериканского континента. С нее начинается история русско-японских отношений. Став тихоокеанской державой, включившись в круг европейских государств, соперничавших между собой в Тихоокеанском регионе, Россия кардинально изменила свое внешнеполитическое положение. Благодаря подвижнической деятельности участников академического отряда научное открытие Сибири стало свершившимся фактом.

...Якуты имеют священные места на дорогах, где есть мыс на реке или подъем в гору и где стоит особенно красивая и высокая лиственница или сосна... На них каждый, проезжающий мимо, подвешивает что-нибудь: или тряпочку, или плохое сукно, или что-нибудь от меха, или немного волоса из гривы коня, на котором он едет. Если кто-то идет пешком и у него нет ничего, чтобы дать, он бросает здесь свой посох. При этом он говорит следующим образом: «Моя бабушка, здесь я даю тебе подарок, оставь меня и моего коня довольными на моем пути и неповрежденными»...

...Некоторые якуты почитают орла как божество, другие — лебедей, третьи — воронов. Орлов и воронов не едят ни шаманы, ни простые люди. Лебедей не едят шаманы. Простые люди хотя и едят их мясо, но должны связать все кости в пучок и положить их на маленький лабаз (Г.Ф. Миллер).

Легендарная Ярманка — место, через которое проезжали все участники экспедиции на Камчатку

Инструкция Г. Ф. Миллера якутскому служилому толмачу Ф. Климовскому о доставке информаторов-якутов из ясачных волостей

Фото В. Короткоручко

Путешествие по СИБИРИ

Иоганна
Георга
Гмелина

Выдающийся исследователь Сибири Иоганн Георг Гмелин родился в 1709 г. в немецком городе Тюбингене. Начав посещать университетские занятия в 13 лет, к 18-ти годам он уже написал диссертацию и в 1727 г. отправился в Петербург. Там в 1731 г. 22-летний ученый получил должность профессора Петербургской Академии. Европейскую славу Гмелин приобрел своими научными исследованиями, проведенными во время путешествия в составе Великой Северной (Второй Камчатской) экспедиции 1733–1743 гг. Вскоре после возвращения из Сибири Гмелин вернулся в родной Тюбинген, где до самой смерти, последовавшей в 1755 г., был профессором ботаники и химии.

Название Второй Камчатской экспедиции, возглавленной Витусом Берингом, не совсем точно передает смысл этого грандиозного проекта, аналог которому трудно подыскать в человеческой истории. Начиналось все с постановки довольно узкой задачи — решить вопрос о существовании пролива между Америкой и Евразией. Первая Камчатская экспедиция 1728 года, своего рода завещание Петра Великого, была не слишком успешной и ответа на этот вопрос не дала. Вторая в этом отношении оказалась куда более удачливее. Но по мере подготовки к ней — в том числе и по инициативе совсем юной, но взявшей очень хороший разбег Петербургской Академии (а среди ее членов тогда было несколько по-настоящему великих ученых) — сугубо географическую задачу значительно расширили. Помимо вопроса о проливе, в список основных целей экспедиции добавили картографирование неизученных российских территорий от Северной Двины до Камчатки, классификацию животного и растительного мира этих районов (включая огромную Сибирь), перспективную оценку объемов полезных ископаемых, этнографическое и историческое описание коренных народов, изучение их языков, организацию хозяйственной деятельности и многое другое. Разумеется, без привлечения ученых к этим работам было не обойтись. Поэтому один из семи отрядов экспедиции (их обслуживало 13 специально для этого построенных кораблей, а общее число участников приблизилось к 5-ти тысячам человек, что и по сегодняшним меркам впечатляет) стал академи-

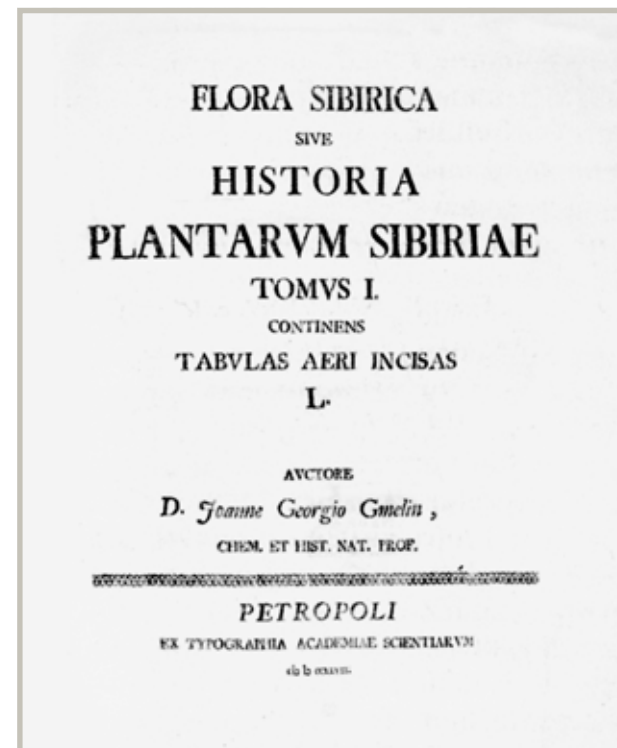
А.Х. ЭЛЕРТ

ческим — он занимался исследованием внутренних областей Сибири. Гмелин входил в его состав.

Материалы, собранные в Сибири, ученый обработал в ряде ботанических трудов — в частности, в фундаментальной «Флоре Сибири», заключительные тома которой были изданы Академией наук в 1760-е годы, уже после смерти ученого. Знаменитый Карл Линней говорил, что в Сибири Гмелину удалось открыть больше новых видов растений, чем всем остальным ботаникам, вместе взятым.

Но «Флора Сибири» — это пусть и блестящий, но результат исполнения академических обязанностей, то есть необходимый отчет о научных трудах, представленный в Академию. А вот четырехтомного «Путешествия по Сибири» («Reise durch Sibirien»), изданного в Германии в 1751–1752 гг. и до сих пор не переведенного на русский язык, от него никто не требовал и не ждал. Описание материальной и духовной культуры сибирских народов не входило в круг непосредственных задач Гмелина (это было поручено его спутнику и другу профессору Г. Ф. Миллеру).

Первый том «Флоры Сибири», написанной Гмелиным на материале сибирских исследований

Из письма Г. В. Стеллера И. Г. Гмелину от 20 августа 1740 г.

Ваше высокоблагородие,
Высокочитимый господин доктор
Высокий покровитель и друг

Ваше любезное письмо и два ящичка с травами получил в Охотске 12 августа и с радостью убедился, хотя к стыду своему тоже, что благородное сердце Вашего высокоблагородия, подобно небожителям, нельзя заставить излучать свет в тени кого-то другого, оно светит лишь по собственной воле или уж совсем скрывается за тучи. За всю жизнь среди часто встречавшихся в ней фатальных обстоятельств я не припомню ничего такого, что заставляло бы меня скорбеть больше, чем необходимость жить с Вашим Высокоблагородием в разладе, и в моем сердце останется самым огорчительным, самым уязвляющим мою честь укором то, что я пред всем светом нанес урон Вашему достоинству, ища себе признания у других людей как Ваш противник, хотя бы и лишь по видимости, и заставляя всех честных людей подозревать, что я, к несчастью, обладаю дурным нравом и не знаю обхождения. Более всего заставляет меня устыдиться величайшая Ваша честность при исполнении долга, равно как и связанная с нею рассудительность; о первом говорит благоразумнейшее различение дела и личности, о втором — то, что Вы выше для себя посчитали сдержать однажды данное слово сообщать обо всех Ваших открытиях, хотя его так легко было нарушить, сославшись на мое непростительное безрассудство. Ввиду Вашего рассудительнейшего и наиболее благороднейшего ко мне отношения, отрешившего меня от всех страстей и предрассудков, душа моя пришла в такое смятение, что я не удовлетворюсь прежде, чем извинившись, как Вы того требуете, и, отплатив за Вашу доброту, снова верну себе Ваше прежнее благорасположение; мною движет вовсе не чувство страха, а подобающее уважение — я так многим обязан Вашему благородному сердцу. <...> Величайшее мое наслаждение состояло бы в том, чтобы на самом краю азиатского материка выстроить навеки нерушимое крепчайшее здание нашей дружбы, основанное на добром обхождении, в котором Вы были мудрым наставником, на общей любви к нашим занятиям и на полной Вам преданности во всем. <...>

Георг Вильгельм Штеллер. Письма и документы. 1740. М., 1998. С. 329—330.

И. Я. Хайд
Портрет Иоганна Георга Гмелина

Но тем не менее эта книга появилась. Более того, она не могла не появиться. Гмелин, подобно большинству своих коллег-современников, являл собой тип ученого-энциклопедиста, не делившего науку на узкоспециальные отделы. Вообще говоря, он интересовался всем. Это был человек, глядевший на мир широко открытыми внимательными глазами. И в любой области, какой бы Гмелин ни касался, он добивался важных результатов. Диссертацию в Тюбингене он защищал по медицине, в Петербурге работал профессором химии и натуральной истории, в академический отряд был зачислен, как ботаник, а его «Путешествие по Сибири» открыло нам дотошного этнографа и замечательного литератора. Это стоит отметить.

«Охота видеть много нового побудила нас к этому дальнему и трудному путешествию...» (И.Г. Гмелин).
Фрагмент Генеральной карты Российской империи 1745 года. Перед нами не музейный экспонат, карта много поработала за свою жизнь, и это отразилось на ее состоянии — какие-то куски оказались утрачены. Но это не мешает нам проследить маршрут гмелинского путешествия по Сибири в 1733—43 гг. и поразиться его масштабу

Содержание «Путешествия...» составляют сведения об обстоятельствах десятилетнего путешествия академического отряда, характеристики различных регионов Сибири, зарисовки быта и культуры аборигенных народов и русских, данные о торговле и промыслах, естественнонаучные наблюдения и археологические материалы.

- 1 — Тюмень; 2 — Тобольск; 3 — Омск;
- 4 — Семипалатинск; 5 — Томск; 6 — Туруханск (Мангазей); 7 — Енисейск; 8 — Красноярск;
- 9 — Абакан; 10 — Иркутск; 11 — Кяхта; 12 — Чита;
- 13 — Нерчинск; 14 — Аргун; 15 — Якутск

Немало страниц в этой книге посвящено описанию шаманской практики, не на шутку, судя по всему, занимавшей путешественника. Как и многие другие европейцы, попадавшие в те времена в Сибирь, Гмелин считал, что шаманизм — своего рода доходное ремесло. Наблюдательный ученый с нескрываемой иронией описывает камлания шаманов, называемых им колдунами. По его мнению, эти камлания представляют собой не более чем набор разнообразных ухищрений, направленных на то, чтобы заставить зрителей раскошелиться в любой форме, будь то скот, одежда, меха или другое имущество. При этом он дает вполне рационалистические объяснения «чудесам», на которые якобы способны «сильные» шаманы.

Ниже мы публикуем два фрагмента из 3-го тома «Путешествия по Сибири» — они связаны с работой академического отряда экспедиции в районах Южной Сибири, заселенных преимущественно ближайшими родственниками современных хакасов — качинцами. Согласно дневниковым записям Миллера, изображенная Гмелиным встреча ученых с шаманами Багдинского (правильнее — Бохтинского) и Ястинского улусов состоялась в ночь со 2 на 3 сентября 1740 г., когда отряд возвращался в Красноярск после обследования археологических памятников Минусинской котловины. Другой фрагмент относится ко времени пребывания отряда в Красноярске (с 7 октября 1739 г. по 2 февраля 1740 г.), а описанное камлание шаманов состоялось в ночь с 13 на 14 ноября 1739 г.

По утверждению Миллера, шаман не был качинцем, как это следует из гмелинского текста, а происходил из енисейских кыргызов: во время увода в начале XVIII в. основной массы кыргызов в Джунгарию он находился в Красноярске в качестве аманата (заложника).

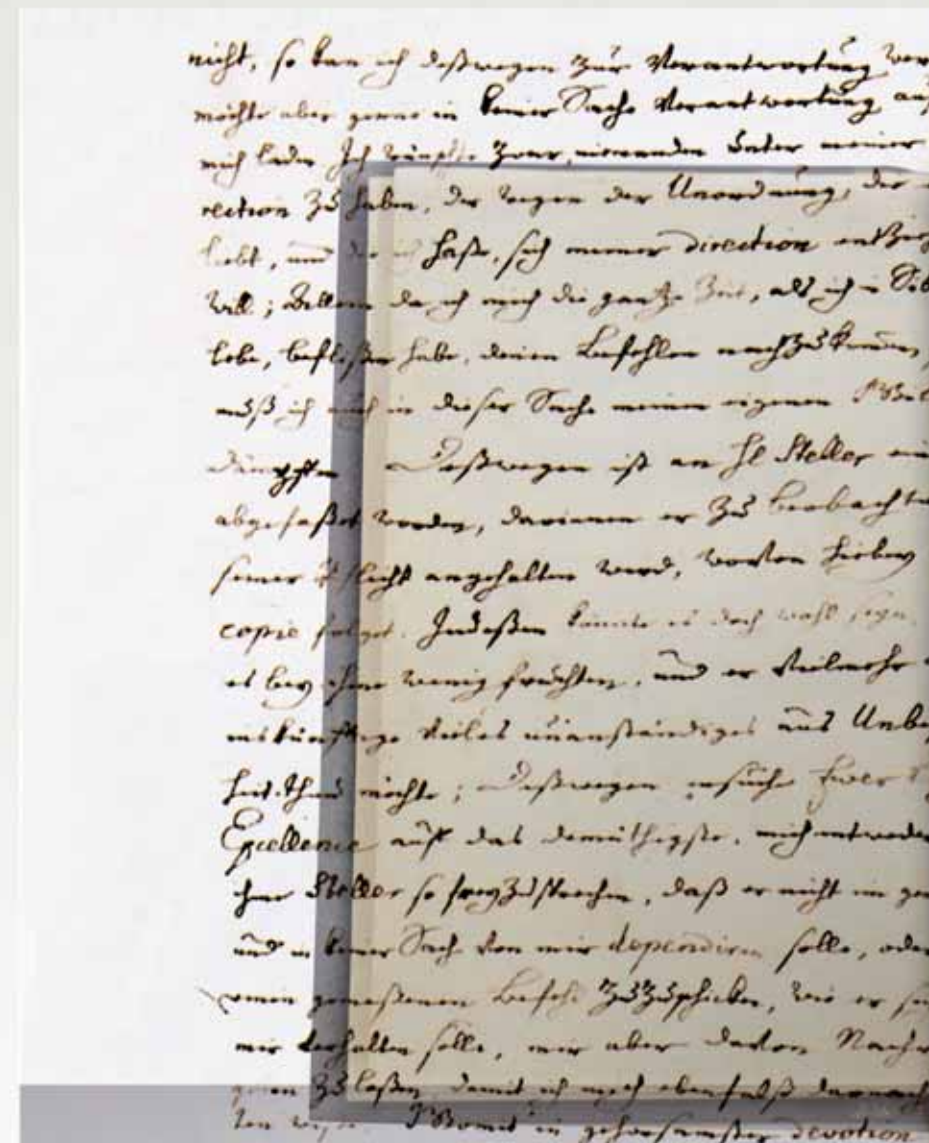
Наконец, последнее замечание. Читая эти отрывки, нужно помнить, что перед нами не строго этнографическое сочинение. Это лишь один из первых подступов к пониманию жизни сибирских аборигенов. Поэтому не стоит удивляться тому, что шаманы в описании Гмелина предстают исключительно корыстолюбивыми обманщиками, претендующими на звание колдунов

(в действительности особенным богатством шаманы никогда в среде своих соотечественников не отличались), а духов, с которыми они якобы, по Гмелину, общаются, он называет чертями, безусловно относя к миру нечистой силы. Тут много неточностей, объясняемых недостаточным знакомством с космогонией и метафизикой шаманизма, равно как и с духовной и социальной структурой общества тех же качинцев. Но при этом Гмелин добросовестно пытается все это узнать и понять. А для начала записать то, что он видел. Всякая серьезная наука начинается с честного наблюдения и описания. Время анализа наступает чуть позже. И очень важно, чтобы писателем выступал человек неравнодушный, любопытный — по-другому, влюбленный в мир, в котором он живет.

Именно таким человеком был Гмелин.

Красноярск в середине 18-го века

Письмо И. Гмелина президенту Академии из Красноярска от 26 января 1740 г.

И. Г. Гмелин Путешествие по Сибири. Первое издание

Тюрки Красноярского уезда и их шаманы

И. Г. ГМЕЛИН

Перевод и публикация
доктора исторических наук А. Х. Элерта

Вскоре после горы Ирджи мы прибыли к Воровской протоке, являющейся рукавом реки возле левого берега. Ее название происходит от енисейских кыргызов, живших вдоль нее в старые времена. Остров, который она образует и который мы также оставили слева, — длиной приблизительно в восемь верст. Ниже конца этого острова за указанной протокой мы высадились на берег. Когда мы прибыли, начало темнеть. Там стояли качинские юрты, и мы пригласили к себе нескольких колдунов и колдуний. Из них, однако, в тот момент здесь были только один колдун из Багдинского улуса и одна колдунья из Ястинского улуса. Ночью они показали нам замечательный спектакль.

Тут я хочу подчеркнуть, что не следует пугаться ужасных названий «колдун» и «колдунья». Исходя из моего

длительного опыта общения с этими людьми, я совершенно уверен в том, что они не замышляют ничего недоброго. Тем более, они, конечно, не панибратствуют с дьяволом и не в состоянии совершать ничего, что противоречило бы законам природы. Если же дьявол не может большего, чем эти люди, то он в высшей степени неумел. Таким образом, они никакие не колдуны. Но вместе с тем они являются сибирскими колдунами, то есть людьми, которые используют владеющие черную суеверия для того, чтобы с их помощью без особых усилий обеспечивать себе безбедное существование. Меня могут упрекнуть — зачем же я тогда при всяком удобном случае снова и снова завожу разговор о колдунах? Я просто хочу показать, какими разнообразными способами они проделывают свои мошенничества, и описать, насколько это возможно, все их профессио-

нальные приемы. Отдельный колдун иногда случайно демонстрирует их не все или же из плутовства старается утаить.

Как теперешний колдун, так и колдунья недавно стали занимать свои почетные должности, о чем можно было судить по их одежде, почти новой. Отец колдуна, равно как и бабушка колдуньи, занимались точно таким же ремеслом. А потому они считали себя знатными и предлагали нарисовать нам родословное дерево, указав свою колдовскую линию, кажется, вплоть до седьмого колена. В глазах языческой черни это действительно почетная должность, которой достойны лишь избранные, и тот, в ком струится кровь многих почтенных предков, всегда считается для этого наиболее способным. Нас, однако, не очень убедил этот довод.

Одежда колдунов мало отличалась от той, что мы видели до сих пор. Они увешали ее сверху донизу множеством шкурок зверьков, орлиными крыльями и парой пудов железных побрякушек. Шапка колдуна была украшена пучком перьев, шапка колдуньи тоже была украшена необычайно большим количеством перьев, и когда она ее надевала, перья почти полностью закрывали ее лицо. Кожаные чулки (унты), которые относились к этой одежде и которые никогда не надевают без нее, у колдуньи были спереди повдоль обшиты красной шерстяной тканью, а по краям этой шерстяной ткани вышиты конским волосом. На чулках колдуна поверх ступней присутствовало такое же украшение в форме креста. Бубен колдуньи был меньше, чем у колдуна. Колотушки для бубнов у обоих были шире, чем обычно, а на их верхней стороне, которою не касаются бубна, для украшения находилось много маленьких железных колец — они во время битья в бубен немало способствовали усилению шума, производимого железками, висевшими на одежде, и бубном.

Колдовство несколько разнилось с виденным нами прежде. Прежде чем приступить к его описанию, прошу моих читателей взять пример с меня и набраться немного терпения — оно им пригодится.

Колдуны выступали по очереди. Оба начали с того, что сели своим обычным татарским манером на землю, а именно: прямо напротив двери. Бубен они держали вертикально перед лицом и били в него без особого шума, сопровождая удары тихим бормотаньем. Бормотанье становилось все быстрее и громче — до тех пор, пока не превратилось в настоящее неистовство. Внезапно колдуны вскочили и, не оставляя в покое бубна, в который они, напротив, продолжали бить страшным образом, принялись скакать на месте, кричать разными голосами, шипеть, свистеть и бубнить. Все это продолжалось около четверти часа. Затем они стали совершать прыжки в сторону двери и по всей юрте, что должно было считаться приманиванием чертей. Самый сильный шум был возле двери. Вдруг крикуны, застыв,

Шаманка в Красноярском уезде.
Eine Schamanka im Krasnojarskischen District.
Une Chamane au Dannereffe du district de Krasnojarsk.

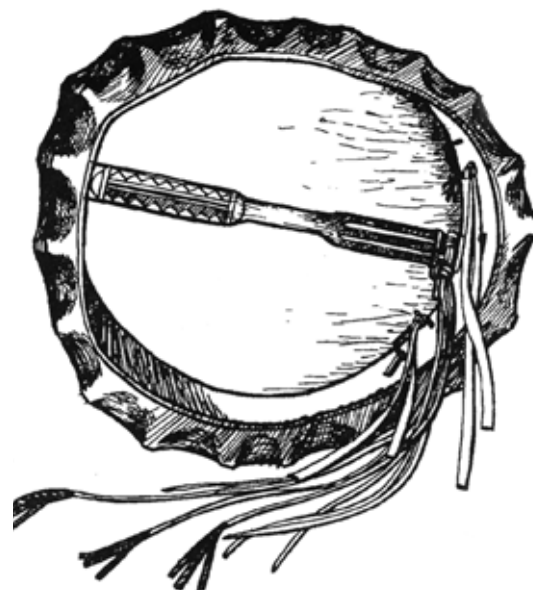
Качинская шаманка. Из книги: Георгий И. Г.
Описание всех обитающих в российском государстве народов. — СПб., 1799

направили свои взоры вверх — туда, где в юрте выходит наружу дым. Это означало, что через дымовое отверстие только что будто бы пожаловали черти. Следившие за этим татары тотчас побрызгали водой из ложек в указанном направлении, предложением питья как бы упрашивая чертей легче склониться к переговорам с их приятелями-колдунами.

Далее последовали фиглярство и новые прыжки, и фигляры на манер своеобразного напева продолжили свои речи. На этот раз эти речи изображали разговоры колдуна и колдуньи с чертями. Колдун особенно часто подражал голосу кукушки, и некоторые татары отвечали ему издали такими же голосами. Время от времени кто-нибудь из участников представления кричал кол-

Костюм хакасского шамана, вид спереди и сзади.
Из книги: Н. А. Алексеев. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск: Наука, 1984

Бубен шамана. Из книги: Л. В. Мельникова. Тофы. — Иркутск, 1994

дуну прямо в ухо, на что он, со своей стороны, отвечал, но при этом издавал столь поразительные звуки, что они должны были казаться слушателям голосом черта. После долгого фиглярства колдун и колдунья выпрыгнули из юрты, которую за ними закрыли. Однако все зрители, как того требовали обычаи или, возможно, суеверия, остались на своих местах. Отсутствие фокусников длилось недолго. Тут нужно заметить, что, начиная именно с этого момента, действия колдуна и колдуньи, до того бывшие одинаковыми, стали отличаться друг от друга.

Еще немного попрыгав по юрте, колдун стал бросать свою колотушку от бубна по очереди каждому из присутствовавших татар. А когда поймавший возвращал ее колдуну, тот предсказывал ему отменное здоровье в будущем. На этом спектакль подошел к концу — в самом финале шапка свалилась с головы колдуна. Татары уверяли, что это случилось лишь благодаря силе колдовства, поскольку ни сам колдун, ни кто-либо из зрителей этой шапки не трогал. Колдун снял колдовскую одежду и переделся в свою обычную.

Теперь на сцену выступила колдунья. Сначала она в точности повторяла то, что делал до нее колдун, как я о том уже упоминал, — не единожды выбегала из юрты и вновь возвращалась, постоянно при этом прыгая и брякая украшениями. А когда она вошла в последний раз, то пропела, что сегодня собирается долго колдовать и веселиться, если только это будет приятно зрителям. Зрители дружно заверили ее в том, что им это будет приятно. Так она спрашивала, а татары отвечали несколько раз. Затем в огонь бросили вид благовонной полыни (по-татарски, ирбен), что, по мнению татар, должно было способствовать удаче в предстоящих действиях.

Раз за разом колдунье подали семь чашек с водой, остающейся после выгонки молочной водки. Выпив очередную чашку, она выпрыгивала из юрты. Далее колдунья получила семь китайских табачных трубок (ганза), набитых китайским табаком, и выкурила их одну за другой, после каждой точно так же выпрыгивая из юрты и точно так же проворно возвращаясь. Когда дело дошло до последней трубки, она притворилась, что совсем лишилась чувств, а потому ее держали, но вскоре она как бы пришла в себя. Однажды колдунья сделала вид, будто у нее трубку украли, и с помощью своего бубна пыталась определить вора среди присутствовавших. Для этого она била в бубен, кружась возле каждого зрителя, но так и не смогла обнаружить преступника. Тогда колдунья заявила, что это черти подшутили над ней, похитив

трубку. После громких и грубых упреков, ею высказанных, черти раскаялись. В доказательство этого трубка неожиданно нашлась в колдовском бубне — к нему, по видимому, черти испытывали особое почтение.

Наконец, зажгли семь лучин, которые колдунья сожрала горящими, вновь выбегая наружу после употребления каждой лучины, как это было и раньше. Вернувшись в последний раз, притворщица прокатила свой бубен по помещению и, напевая, сообщила, что в эту ночь она, если только на то будет воля зрителей, хочет быть веселой. Ей вновь ответили утвердительно. Несколько раз она (все это по-прежнему сопровождалось прыжками и убеганием на улицу) бросала колотушку от своего бубна одному татарину — это было приглашением на танец. Татарин в конце концов поднялся, и парочка встала напротив друг друга: татарин — справа, а колдунья — слева. Они подали руки друг другу и трижды наклонили головы, что мне напомнило немецкие танцы. Затем танцор трижды, прыгая, прошелся вокруг колдуньи, после чего вернулся на свое место. Таким же образом она станцевала с шестью другими мужчинами, а также с семьей бабами. Правда, народу здесь было меньше, чем требовалось для этого, — поэтому колдунье пришлось танцевать с кем-то по два раза. Так как некоторые из танцоров и танцовщиц оказались очень неумелы, а колдунья находилась в крайнем возбуждении, то она много подшучивала над ними. Все это было столь необычно и забавно для европейца, что, пожалуй, рассмешило бы самого Катона со всей его серьезностью.

После танцев наша колдунья с новой силой забарабанила в свой бубен. В огонь вновь бросили вышеупомянутой травы, и колдунья окурила ею свою одежду и бубен. Еще немного попрыгав, она, подобно своему предшественнику по фиглярству, трижды бросила колотушку от бубна каждому из зрителей и предсказала им, что они будут отменно здоровы. Закончив свои

предсказания, она притворилась в высшей степени веселой и стала ждать, не упадет ли ее шапка с головы сама собой. При этом, подсмеиваясь над выступавшим до нее колдуном, трясла головой изо всех сил. Но шапка не хотела падать, и, посчитав, что чуда придется ждать слишком долго, она сняла ее сама, переменила одежду и этим закончила спектакль.

Несмотря на непрерывное четырехчасовое движение, колдунью по внешнему виду никак нельзя было считать утомленной. Быть может, заметив, что мы уже пресытились представлением, она благоразумно решила сократить свое выступление — не дожидаясь знаков нетерпения с нашей стороны. Другие колдуны и высланные за ними люди к тому времени еще не прибыли. А потому мы отправились спать.

< ... >

Многочисленные татары, среди которых мы находились в конце этого года, имеют черты лица, не кажущиеся европейцу неприятными. Глаза у них неглубоко посаженные, лица не плоски и не широки, носы также не плоски, и все это близко к европейскому типу. Большинство татар довольно высокого роста. Среди них редко можно встретить уродливого человека или такого, который бы был чрезмерно толст. В массе своей они худые, при этом бодрые и расторопные, склонные к торговым сделкам, общительные, обходительные, довольно болтливые, но все же честные и искренние. Только, как говорят, при торговле с ними нужно быть осторожным, ибо кого-либо обмануть они считают искусством. Татары объясняют это тем, что никто не обязан совершать торговую сделку с товаром, в котором он не разбирается, а если человек полагает, что знает в этом толк, то у него точно такие же глаза, как и у продавца, и если кто-то позволяет себя обмануть, то это чистейшее простодушие. Нет сведений, чтобы они занимались грабежом на большой дороге, чтобы они обкрадывали друг друга или русских или преднамеренно причиняли кому-либо страдания. Почти ничего не слышно о распутстве и пьянстве среди них, но все же они не совсем свободны от этих пороков — выше я рассказывал о татарине, насквозь пораженном сифилисом.

Поскольку у них довольно много скота, в особенности лошадей, то у них, как и у других язычников, употребительна водка, которую они гонят из кобыльего молока. Когда татарин имеет порядочный запас этой водки, то не может удержаться от того, чтобы не порадовать ею себя. Посещая русские деревни и города, татары иногда заглядывают в кабаки или у знакомого русского выпивают на несколько чашек водки или пива больше, чем в состоянии выдюжить. В целом же будет правильно сказать, и я должен это подтвердить, что они подвержены излишествам лишь в небольшой степени.

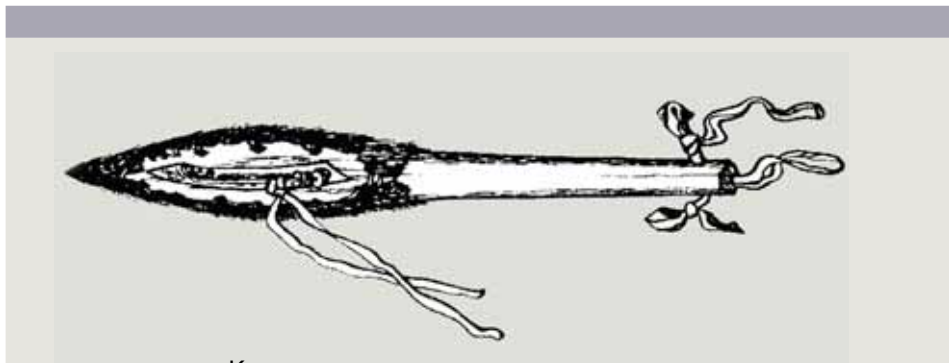
Общим с другими языческими народами у них является то, что они — как мужчины, так и женщины

Качинская девушка. Из книги: Георги И. Г. Описание всех обитающих в российском государстве народов. — СПб., 1799

ны — с удовольствием курят табак и приохочиваются к этому уже с десяти или двенадцати лет. Более всего им приятен китайский табак, а черкасский курят лишь бедные, которые смешивают его с мелкими стружками из березовой коры; это делается отчасти из экономии, а отчасти для уменьшения крепости табака.

Татары испытывают чувство священного благоговения по отношению к умершим, а в особенности — к своим прародителям. Хотя им и известно, что в разграбленных могилах их предков найдено множество сокровищ, все же не было слышно, чтобы у кого-то из них возникло желание обогатиться таким образом. И это несмотря на то, что у них для этого имеются наилучшие возможности, ибо они живут рядом с этими погребениями.

Колотушка шамана. Из книги: Л. В. Мельникова. Тофы — Иркутск, 1994

Они берут двух, трех и до четырех жен, однако бедные довольствуются и одной женой.

О чистоте они не заботятся, и это в некоторой степени лишает приятности их черты лица. Женщины, в том числе и считающиеся у них красивыми, очень похожи на наших нечистоплотных скотниц, а мужчины — на скотников.

Татары до сих пор совершенно не знакомы ни с какой религией и являются самыми настоящими упрямыми язычниками. Вы не встретите магометанина, который мог бы похвалиться тем, что ему удалось склонить к своему неверию хотя бы одного из них; ни один монгол не сумел расположить их к своим суеверным пилюлям, глиняным амулетам или другим кумирам. К сожалению, и христианская религия точно так же еще мало принята ими, несмотря на то, что предпринимались некоторые попытки в этом отношении. Когда их склоняют к какой-нибудь религии, они указывают на могилы своих предков и говорят: грабежи этих могил доказали всем, какие знатные и богатые люди были их предки, и как временами у них все шло как нельзя лучше. Все это было при той вере, которая от этих предков передалась по наследству к ним. Только они, вероятно, в некоторых делах не так строго придерживаются своих старых обычаев и обрядов, что и привело к упадку их жизни, и этот упадок быстро возрастет, если они совсем изменят своей вере.

Как только мы прибыли в Красноярск, господин профессор Миллер позаботился о том, чтобы мы увиделись здесь с несколькими качинскими колдунами и колдуньями, за которыми мы уже послали во время путешествия, но не получили их. Они, говорят, надевали другую одежду, а их ремесло было иного рода, чем у встреченных нами ранее колдунов. Наконец, прибывшие колдун и колдунья пригласили нас на ночь в татарскую юрту, находившуюся в городе, показать свое искусство. Мы отправились туда и встретили значительное собрание татар. Чтобы не терять напрасно времени, мы велели сразу приступать к делу.

Женщина, которая была уже в годах, а потому пользовалась уважением у колдуна, начала первой.

Она сняла свою обычную одежду, но при этом все же осталась, дабы не нарушить благопристойности, в своей скверной рубахе и штанах — поверх она надела колдовское одеяние. Это был халат из голубой китайки (китайская хлопчатобумажная материя), обшитый красной китайкой, а сзади на плечах обвешанный несколькими длинными цветными нитями с прикрепленными к ним маленькими фарфоровыми раковинами. Халат она повязала поясным ремнем, что было достопримечательным, поскольку у татар поясные ремни (кушаки) носят только девушки и мужчины. На ноги колдунья надела кожаные сапоги, окрашенные в красный цвет ольховой корой и не имевшие ни каблук-

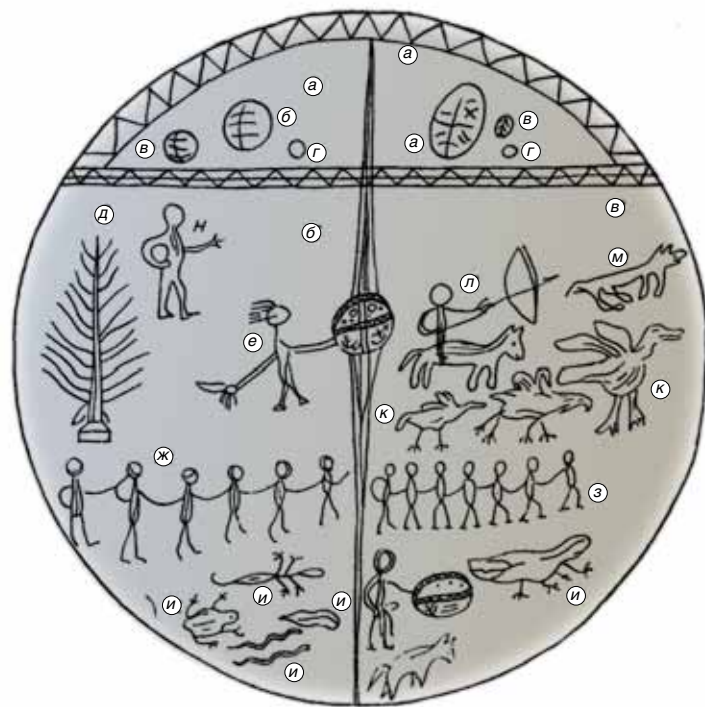
ков, ни каких-либо украшений. Шапка была круглой, сверху заостренной. Она состояла из меха, взятого с живота рыси, и была опушена соболями. А вместо кисти из верхушки шапки торчали совиные перья — точно так же, как они топорщатся у сов. Бубен ничем не отличался от виденных нами до сих пор. Колотушка бубна была отбита бобровой шкурой.

Колдовское действие почти совпадало с тем, что относится ко времени водного путешествия и описано мною, разве что не доставало многого, связанного с бойкостью тогдашней колдуньи. Кроме того, здешние слушатели больше вмешивались в спектакль со своим пением, а колдунья только один раз выбегала из юрты, но зато очень часто выглядывала из нее. Однажды, а именно в тот момент, когда, как сказали, прибыли черти, у нее был вид совершенно лишившейся чувств. Поэтому сзади ее в это время поддерживали зрители и

Бубен енисейской шаманки, описанный

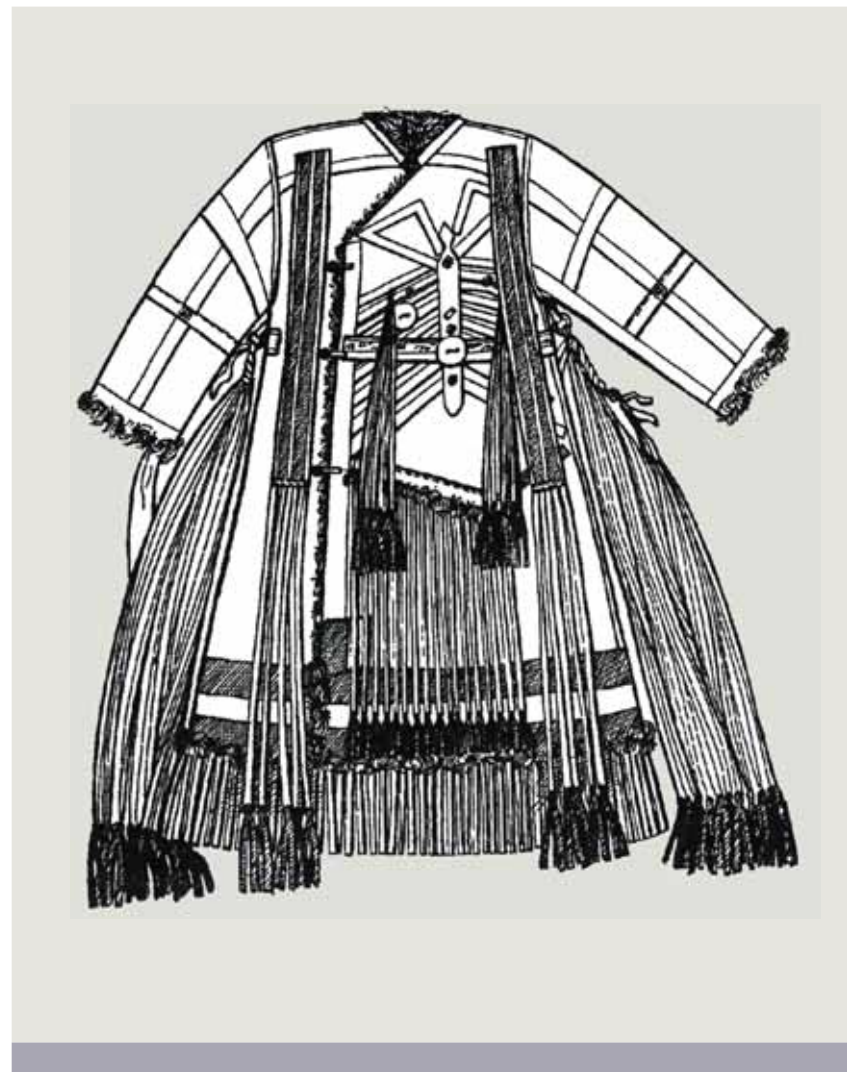
Н. Ф. Катановым в 1897 г.:

- А — небесный мир:*
- а — солнце, б — луна, в — Венера, г — звезды;*
- Б — подземный мир:*
- д — священная береза, е — дух, патрон шамана,*
- ж — желтые девы, русалки, з — черные люди,*
- и — воплощение духов: водяного и горного,*
- к — вещие черные птицы, л — сам шаман,*
- м — волк, н — горный дух;*
- В — три слоя земли, отделяющие небесный мир от подземного*

участники, а спереди производилось окуривание благовонной полынью, к каковому действию прибегали и в вышеупомянутом колдовстве. Чтобы убедиться в действенности помощи, под подошву сапога колдунья просунули нож, и им подняли ее ногу вверх. В эту минуту в огонь бросили горсть китайского табаку. Это тоже соответствовало нашим прежним наблюдениям. Только на этот раз табак бросали трижды, а в направлении колдуньи — дважды. А так как подобным людям их знатное ремесло придает своего рода нахальства, то она попросила бросить в огонь еще немного табака, с тем, чтобы в еще большей степени расположить к себе чертей. Ее просьбу восприняли как приказ. Едва она прозвучала, как табак уже был в огне, после чего колдунья танцами и веселым пением засвидетельствовала всем свое удовольствие. Она также прибавила, что теперь господа черти обходятся с ней совершенно дружески, что бывает тогда, когда учтиво встречают столь больших господ. На том же основании в другой раз она попросила подать рубаху, висевшую около двери юрты, и пообещала ее чертям для увеселения — при условии, что те обойдутся с нею благосклонно. Если не забывать, что рубаха принадлежала не ей, а хозяйке юрты, то, конечно, щедрость колдуньи достойна всяческой похвалы. К тому же она прекрасно понимала, что эта просьба принесет ей больше выгоды, нежели черту.

Наконец, она сняла с себя одежду. А поскольку у колдуна не было с собой собственной колдовской одежды, то он облачился в одежду колдуньи, после чего тотчас начал свою игру, которую вел приблизительно в том же роде, что и колдунья. Кстати, ни он, ни она не подражали голосу кукушки, что обыкновенно входит в программу подобных спектаклей. Это, видимо, объясняется тем, что мы сказали ему прежде, чтобы он не слишком долго

Шуба шамана. Из книги: Л. В. Мельникова. *Тофы*. — Иркутск, 1994

выкидывал свои фокусы. Поэтому до момента, когда колдун должен лишиться чувств, дело не дошло, а именно в этот момент употребителен крик кукушки. Вместо этого он иногда просил брызгать вверх водой, чего не было в выступлении колдуньи. И он, и колдунья в начале своего фиглярства некоторое время держали бубен перед огнем, поворачивались туда-сюда, а также выворачивали руки и ноги, будто бы тем самым увеличивая силу своего колдовства. Колдун закончил свою игру тем, что неподвижно устался

на колдунью и несколько раз громко прокричал ей; бубен он при этом опустил на землю и придерживал рукой. Затем колдунья также несколько раз обращала к нему лицо и корчила шутовские мины. После этого она встала и забрала у колдуна бубен — бубен был ее собственностью. А колдун снял колдовскую одежду.

I. G. Gmelin. Reise durch Sibirien. — Th. 3. — Güttingen, 1752. — S. 329–338, 344–354

А. М. ПАНФИЛОВ

Заговорив о Гмелине, невозможно обойти вниманием один занятный сюжет из его жизни. Условно говоря, это сюжет невозвращения Гмелина в Россию из отпуска и связанных с этим достаточно нервных административных разбирательств.

Да, Гмелин был «невозвращенцем». Быть может, именно этим объясняется столь подозрительное — со стороны Петербургской Академии — отношение к его «Путешествию по Сибири», нежелание переводить ее на русский язык. То есть первоначальное отторжение этого труда было в чем-то «идеологическим», потом, как это бывает, оно продолжилось уже по инерции, а в результате мы до сих пор не имеем русского варианта этой замечательной книги. Это, конечно, только предположение — но довольно вероятное. В оправдание соотечественников заметим, что полного текста «Путешествия...» сегодня нет и на современном немецком языке. В этом смысле Гмелину с его «Путешествием...» вообще не повезло. Нам остается надеяться, что это не окончательный финал, а лишь многоточие, и у этой истории все-таки случится свой хэппи-энд.

Не секрет, что на протяжении всего 18-го века Петербургская Академия почти сплошь состояла из иностранцев, по преимуществу — немцев. В первом ее составе русских вовсе не было — лишь где-то с середины 18-го

века они стали в ней появляться, в нее проникать — сначала это были единичные случаи, потом этот процесс пошел все быстрее и быстрее. Это все понятно — русским академиком в 1725 году взяться было просто неоткуда. Понятно в этой ситуации и другое — рано или поздно, приобретя известность в европейских кругах своими научными трудами, многие петербургские академики получали увольнение и возвращались на родину. Заслуженными, так сказать, героями — в ореоле высоких званий и с почетными пенсиями в кармане.

Это происходило законно и официально. У Гмелина — другой случай. Он, попросту говоря, в Германию «сбежал». Заключил новый контракт с Академией, попросил себе годичный отпуск, прихватил с собой собранные в Сибири материалы (собственность Академии) и из отпуска не вернулся. Причем о том, что не вернется, он, похоже, знал, уже подписывая новый контракт. Налицо — явный обман. Оттого-то этот поступок и вызвал столь сильное возмущение среди академического руководства.

На первый взгляд, Гмелин поступил некрасиво. Но попытаемся разобраться с мотивировками этого поступка. А вдруг автоматические его оценки тогда существенно изменятся?

история одного побега

Невозвращенец

Петербургская Академия

Санкт-Петербург в 1750 году

Но для этого нам придется начать издалека — с момента появления Гмелина в Петербурге. Он приехал в юную российскую столицу в 1727 году восемнадцатилетним неизвестным юношей, защитившим диссертацию по медицине в Тюбингенском университете. Неудивительно, что штатного места в Академии, где среди академиков числились такие великие ученые, как Бернулли и Эйлер, ему не нашлось. Что же Гмелин? А Гмелин не отчаивается и не собирается обратно. «Так как он приехал в Петербург на свой счет, то не требовал никакого жалования, — вспоминал его друг Г. Ф. Миллер, выдающийся российский историк и этнограф. — Его намерение было служить вольноопределяющимся до тех пор, пока не открылось бы для него то, к чему мог он себя употребить». «Намерение» Гмелин осуществлял, работая добровольцем в Кунсткамере, занимаясь еще какими-то текущими делами. Академия не бросила молодого ученого на произвол судьбы — платила ему, «в возмещение необходимых издержек», по 10 рублей в месяц, предоставляла жилье и зимой дрова. Если учесть, что штатные академики получали в те времена в месяц по пятидесяти рублей, то все выглядело не так уж плохо. Но и не сказать, чтобы слишком хорошо.

Такое положение длилось не месяц, не два, не год, а три с половиной года! Это все к тому, что в каком-то чрезмерном корыстолюбии Гмелина никак не упрекнешь. Да и в нечрезмерном тоже. Запомним это — после гмелинского возвращения из Сибири (когда затеялась его ссора с мстительным, сварливым и довольно мелочным И. Д. Шумахером, тогдашним «серым кардиналом» Академии) будет усиленно муссироваться денежный вопрос. Дескать, Гмелин требует себе не по чину. Во-первых, требовал не Гмелин, а господа академики, увидевшие тут несправедливость, а во-вторых, требовали они всего лишь того, чтобы начальство увеличило годовое содержание Гмелина до уровня его одногодков по времени избрания членом Академии. Так что, похоже, этот

вопрос все-таки был несколько надуман и уж, во всяком случае, никогда не играл первой скрипки.

Но — все по порядку. В 1731 году Гмелин объявлен профессором химии и натуральной истории, а два с половиной года спустя в составе академического отряда Второй Камчатской экспедиции отправился в Сибирь. Это характеризует его, как человека мужественного и беззаветно преданного науке. Кстати, у него был повод отказаться от поездки «в неизвестное» — за полгода до отъезда Гмелин почти смертельно заболел и был заменен Г. Ф. Миллером. Но выздоровев (забавный факт — совсем отчаявшись, выпил однажды вечером две бутылки доброго рейнвейна и после этого чудесным образом излечился), настоял на своем участии в экспедиции, из которой, к слову, многие не вернулись назад, найдя вечный покой на суровых российских окраинах. Можем ли мы сказать, что Гмелин искал легких путей и каких-то особых выгод в жизни? Вопрос — явно риторический.

«Охота видеть много нового побудила нас к этому дальнему и трудному путешествию», — писал сам Гмелин. И далее о том, как многие мелкие неприятности, накапливаясь, начинали действовать на дух, а потом и на тело. О болезни Миллера, вызванной, по мнению Гмелина, именно этим. «Мой дух был менее чувствителен, — еще писал он. — Это произвело то, что я долее боролся с неприятностями, и по крайней мере телесно не потерпел от них никаких изменений. Однако, я не мог ни рассчитать, ни измерить, как долго продолжится моя нечувствительность». А неприятностей действительно хватало. Это и досадные задержки, и недоразумения, и склонность Беринга к авторитаризму, и противодействия некоторых сибирских чиновников высшего звена, и настоящие несчастья — вроде пожара в 1736 году, случившегося гмелинском доме в Якутске, в огне при этом сгорели материалы годовой работы.

Енисейск в середине 18-го века

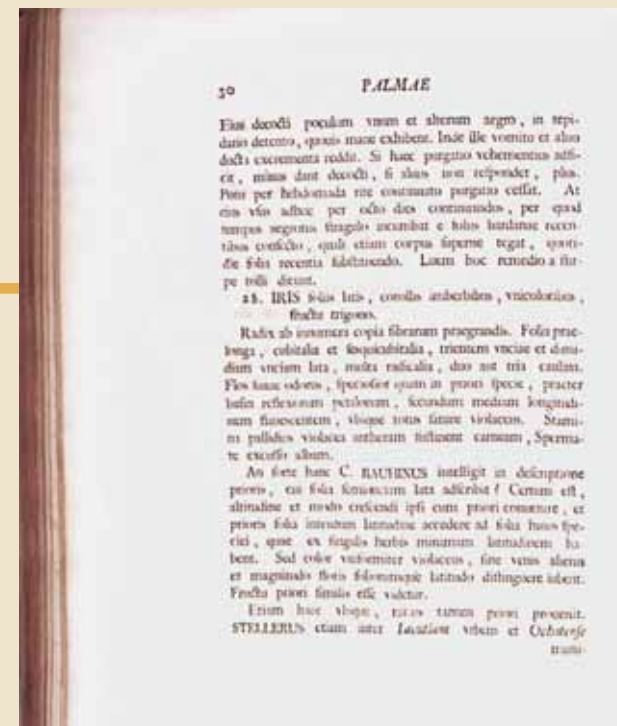
Опять же ничего странного нет в том, что в 1737 году Гмелин и Миллер запросились назад в Петербург. Четыре года разъездов по необъятным и неосвоенным территориям при минимуме бытовых удобств и постоянной опасности давали о себе знать. Но и тут не все однозначно. С одной стороны, Гмелин подал такое прошение, а с другой, страшился положительного по нему решения. Впрочем, пусть он говорит сам: «Мне уже было много радости от новых растений, которые случалось встречать ежедневно, и я, прежде отправки моего прошения, часто помышлял о том, чтобы взять его обратно, потому что при виде нового растения у меня тотчас являлось опасение, что эта радость может быть легко сокращена скорым разрешением моего ходатайства...» Не правда ли, необыкновенно симпатичный штрих к характеру ученого?

Правда, опасения Гмелина оказались напрасными — его прошение благополучно гуляло по канцеляриям два года, и лишь в 1739 году (исполнилось уже шесть лет гмелинским скитаниям по Сибири) Гмелин и Миллер, вернувшись в Енисейск из научной поездки в Мангазею и Туруханск, нашли там ответ на свои письма. Миллеру было разрешено ехать в столицу, а Гмелину велели «поспешать отъездом на Камчатку».

Такое решение начальства привело к самому настоящему нервному срыву. В «Путешествии...» есть скупые и мужественные слова о «горестном впечатлении» от этого решения. Сказалось многое — и усталость, и элементарная обида, и желание наконец-то в нормальных человеческих условиях приступить к систематизации и анализу накопленного огромного материала, и тоска по родине... «А жели мне, на все сие взирая, — обращается Гмелин к президенту Академии барону И. Корфу (официально пост президента именовался при Анне Иоанновне торжественно — «главный командир Академии наук»), — конца сей экспедиции дожидаться приказано будет, то я дальнейшую в Сибири бытность за совершенную ссылку признаваю и никакого в том различия не нахожу, а я сего здешними трудными путешествиями, ни шестилетними своими поступками и услугами в Петербурге поистине не заслужил...»

После этого на том, чтобы Гмелин направлялся на Камчатку, настаивать перестали, но в столицу ученому все-таки вернуться не допустили, и еще ровно три года Гмелину пришлось работать в Сибири. Психологическое состояние его в эти три года реконструировать затруднительно, но совершенно ясно, что оно было не слишком благополучно. И, видимо, именно тогда Гмелин укрепился в мысли покинуть Россию. Сразу после возвращения в Петербург, соизволение на что подписали только летом 1742 года. Зимой 1743 года ученый был уже в столице, а спустя девять месяцев подал прошение об увольнении из Академии.

Ирис. Из книги: И. Г. Гмелин. Флора Сибири

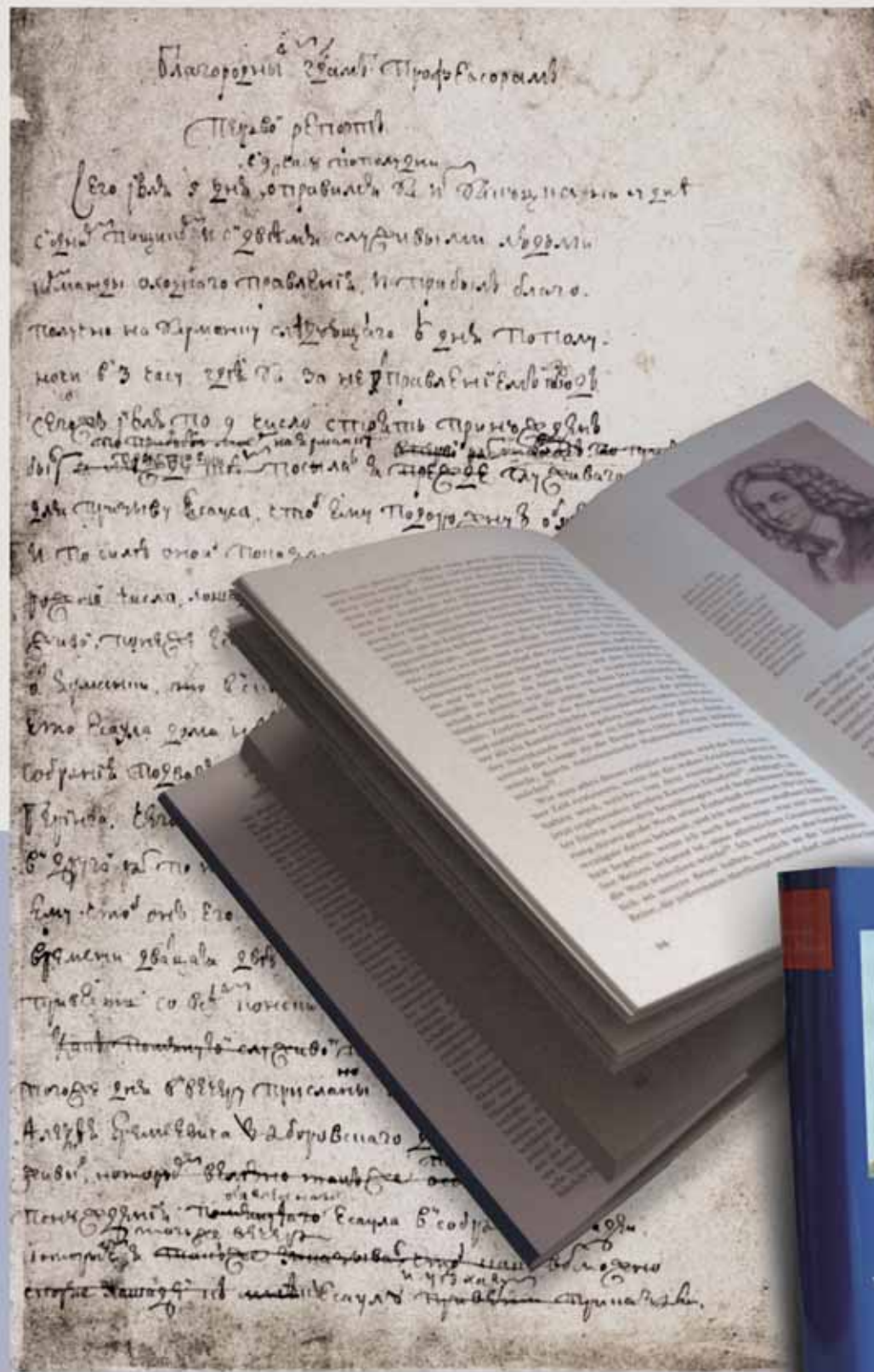
Повторим — ничего необычного в этом не было, не одного академика к тому времени с почестями и наградами проводили домой. Но Гмелина не отпускали. Просил он, просили за него академики («Ради часто приключаящихся ему болезней принужден он переменить воздух и ехать возвратно в свое отечество», — писали они в Сенат) — все без особого успеха. Шумахер, невзлюбивший Гмелина, не давал ему переписчика, притеснял, не повышая содержания, честил его публично «неправедным и бессовестным вралем». Новый президент Академии граф К. Г. Разумовский держал при этом сторону Шумахера, а гмелинские жалобы на того неизменно признавал «неосновательными». Жизнь в Петербурге становилась невыносима. И безвыходна.

Наконец, в январе 1747 года вышло определение об увольнении Гмелина из Академии, но уже полугодом спустя Гмелин подписал новый четырехлетний контракт с дозволением ехать на год за границу и выплатой в это время половинного жалования. Чем вызвана эта непоследовательность, не совсем ясно. Во всяком случае, впоследствии Гмелин в частных разговорах (их содержание тут же передавалось Шумахеру его немецкими корреспондентами) утверждал, что в противном случае его бы насильно удержали в России.

К слову, и тут Шумахер, предчувствуя неладное, постарался извлечь выгоду. Правдами и неправдами он вынудил подписать поручительство за исполнение контракта Г. Ф. Миллера и М. В. Ломоносова, своих врагов по Академии. В случае его нарушения они должны были пострадать деньгами и репутацией. Грубо говоря, Шумахер их попросту «подставлял».

Гмелин уехал в Германию и уже не вернулся никогда. В августе 1748 года он лапидарно сообщил К. Разумовскому, что «с утверждения герцога Вюртембургского и без всякого со своей стороны домогательства назначен профессором медицины в Тюбингенский университет».

Все было шито белыми нитками. В Петербурге разразилась буря, имевшая своим следствием осуждение гмелинского поступка, как «непристойного предприятия» и требование немедленного возвращения. В то же время для принятия мер против Гмелина Академия писала Г. Крафту и Л. Эйлеру — они несколькими годами раньше покинули Петербург, носили звание почетных членов Академии, получали от нее пенсию и волей-неволей были обязаны исполнять ее поручения. Эйлер мягко выгораживал Гмелина: «Я думаю, что такая великая ветреность г. Гмелина происходит скорее от недостатка рассудительности, потому что я поручился бы, что у него никогда не было намерения оскорблять Академию...» Здесь же в версии Эйлера появляется некая абстрактная девица, с которой помолвлен Гмелин и которая даже слышать не хочет о Петербурге... Это была уже чистой воды мифология. Ложь во спасение.

Рапорт С. Крашенинникова И. Гмелину и Г. Миллеру от 9 июля 1737 г.

Современное (1999 год) немецкое издание гмелинского «Путешествия по Сибири».

В конце концов, после интенсивной переписки Эйлеру сообщили, что Гмелину следует просить прощения у графа Разумовского и всю вину сложить на советы Г. Ф. Миллера (он напрямую назван не был, но без труда узнавался — в этом заключалась очередная нехитрая интрига Шумахера). Гмелин вину на Миллера складывать не захотел, но прощения попросил. На этом дело замяли и графское прощение Гмелину даровали — при условии завершения пятитомника «Флоры Сибири» и представления его в Академию. Это случилось летом 1750 года.

Итак, было наговорено много слов и сохранена видимость приличных отношений, но это была именно видимость, потому что с этих пор все, что делал Гмелин, в Петербурге встречало холодное недоверие. Но притом, что речей произнесли и писем третьи лица написали на эту тему даже избыточно, истинные причины своего побега из России внятно сформулировал сам Гмелин в своем того же времени письме к Эйлеру.

«Я неизменно, — писал он из Тюбингена, — остаюсь при сознании моей ошибки и прилежною обработкою того, что угодно Его сиятельству (графу Разумовскому — А. П.), докажу, что я прощения не достоин. Чего не сделает любовь к родине? Чего не переселят настояния любимой матери и сестер?.. Любовь к родине не имела у меня пределов. Я надеялся утишить ее в продолжение года, однако она у меня усиливалась более, когда я надеялся об утолнении ее. Наконец, случившаяся потом опасная болезнь здешнего профессора ботаники, а вскоре за тем и смерть его открыли мне выгодное место...»

Все логично и по-человечески понятно. В пользу достоверности говорит само сочетание несочетаемого — романтически высокой любви к родине, уважения к семейным ценностям и выгоды открывающегося за смертью профессора места. Принимая все это во внимание, будем ли мы осуждать Гмелина за его неблагоприятный, но вполне вынужденный и достаточно мотивированный поступок? Опять же — это вопрос риторический.

Но на этой утешающей и примиряющей ноте истории не угодно было завершиться. Потому что уже через год Гмелин опубликовал в Геттингене свое «Путешествие по Сибири».

К этой книге в Петербургской Академии априори (после всего случившегося) не могли отнестись иначе как с величайшим подозрением. Академическая канцелярия даже распорядилась о письменном разборе этого труда Ломоносовым и Миллером. В распоряжении подсказывалось и направление разбора — «объявить, что в нем излишнего, непристойного и сомнительного находится». О реакции Ломоносова на этот запрос ничего неизвестно; Миллер же писать отзыв отказался. И хулу, и хвалу, объяснил он свой отказ, все равно превратно истолкуют какой-нибудь корыстью. И добавил: «А что сам хотел сказать о Сибири, то сдал в архив при конференции...»

Истины ради стоит сказать, что «излишнего, непристойного и сомнительного», по тогдашним меркам, в книге Гмелина встречалось предостаточно. Гмелина упрекали (и упрекают до сих пор) в резких мнениях, касающихся русского народа, в насмешливых отзывах о народной культуре, в том, что встреченные им трудности он объяснял грубостью, леностью и пьянством русских... да Бог еще знает в чем! Но, во-первых, все это не делает погоды и уж в любом случае не составляет основного содержания и главного пафоса его книги. Во-вторых, Гмелин везде старается быть предельно честным (даже в заблуждениях своих), а кто сказал, что ничего из указанного не встречается и по сию пору (и быть может, чаще, чем двести пятьдесят лет назад) на наших просторах? В-третьих, следует принимать во внимание и общее раздражение духа, в котором пребывал ученый в последние годы своей жизни в Сибири. В-четвертых, за сознательное вероломство и очернительство часто принимают выходки его насмешливого характера, а уж с ироничной улыбкой на устах, кажется, Гмелин вышел из утробы матери... И, наконец, в-пятых, всякие национальные апологии (а особенно, к слову, самоапологии) сомнительны, самодовольны и не вызывают никакого доверия...

Впрочем, до петербургского брюзжания в то время Гмелину было мало дела. В начале 1750-х годов здоровье его пошатнулось, а в 1755 году он скончался, не дожив до сорока шести лет. И кто скажет наверняка, не были ли причиной безвременной смерти испытания, вынесенные Гмелиным в сибирском путешествии? Во всяком случае, именно на это недвусмысленно указывала вдова Гмелина в своем обращении на имя императрицы Елизаветы Петровны: «Не будет ли мне дозволено надеяться на милость августейшей из государынь, чтобы вдова и дети истратившего свои силы и дарования на службе Русской империи воспользовались милостями, которые ему предназначались, если бы смерть не похитила его посреди занятий...»

Милость была явлена. Академия купила за 600 рублей гербарий Гмелина у его вдовы в 1757 году. Еще раньше в Россию вывезли принадлежавшие Академии бумаги и рисунки Гмелина, предназначавшиеся для 4-го и 5-го томов «Флоры Сибири».

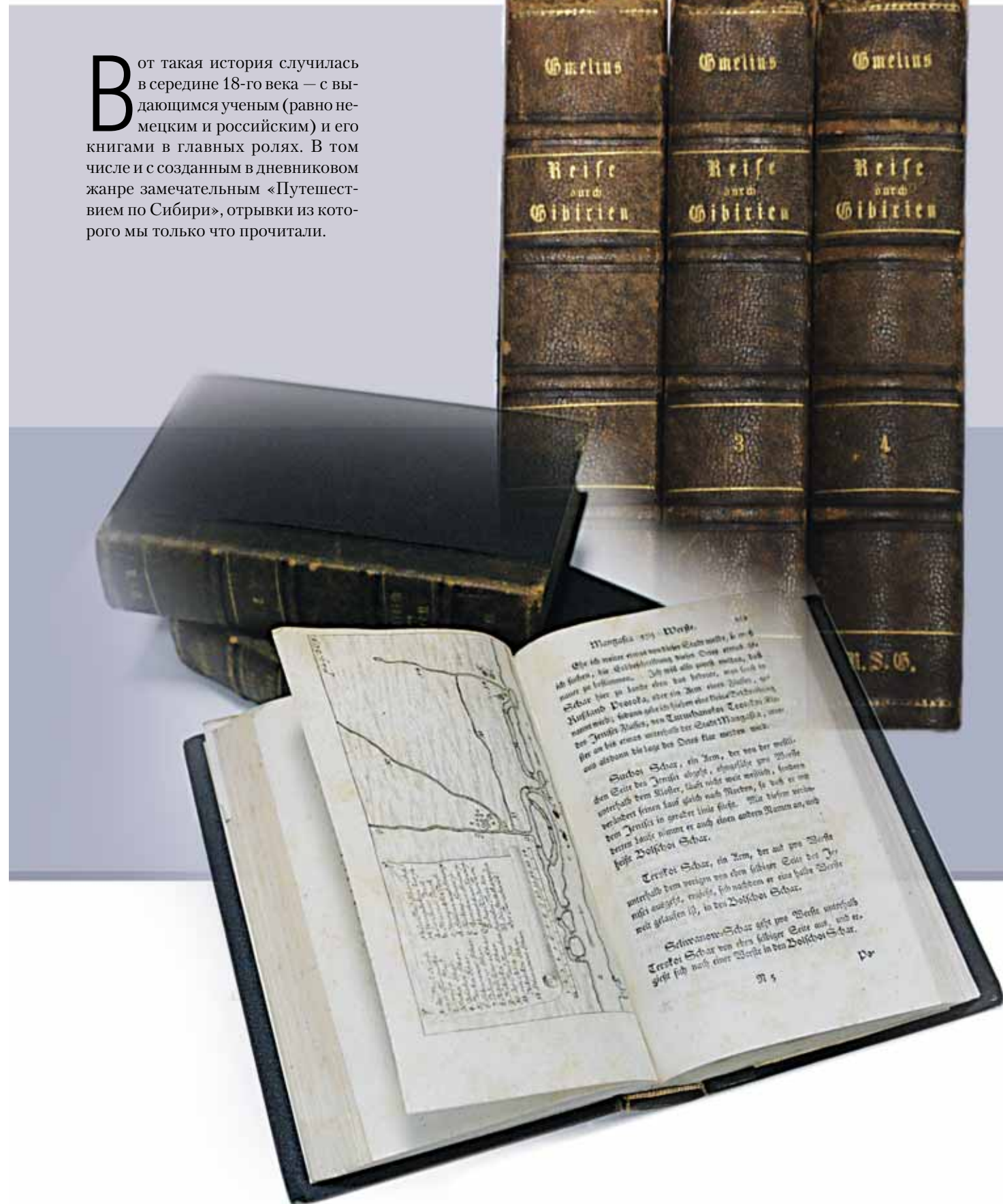

Академик Г. Крафт

Иоганн Георг Гмелин в 1750 году. Летом этого года он получил прощение Петербургской Академии

Вот такая история случилась в середине 18-го века — с выдающимся ученым (равно немецким и российским) и его книгами в главных ролях. В том числе и с созданным в дневниковом жанре замечательным «Путешествием по Сибири», отрывки из которого мы только что прочитали.

ОПИСАНИЕ

города ИРКУЦКА

И ОКРЕСТНЫХ МЕСТНОСТЕЙ

А. Х. ЭЛЕРТ

Георг Вильгельм Стеллер (правильнее — Штеллер)¹ родился 10 марта 1709 г. в г. Виндсхайм (Франкония) в семье местного кантора и органиста. После окончания в 1729 г. гимназии, куда его отдали четырех лет от роду, он поступил в Виттенбергский университет. Там, а с 1731 г. в университете

Галле, Стеллер сочетал изучение теологии с занятиями на медицинском факультете, все больше увлекаясь естественными науками, прежде всего — ботаникой и зоологией. В Галле началась его педагогическая деятельность в школе-приюте (Сиротском доме), основанном знаменитым педагогом и виднейшим представителем пиетизма А. Г. Франке. Пребывание в Галле, признанном центре пиетизма, во многом предопределило судьбу и мировоззрение Стеллера. Всю последующую жизнь он, в соответствии с философией этого протестантского течения, не только пропагандировал идеи рационализма, но и стремился активно участвовать в практическом переустройстве жизни.

Получив блестящее образование, Стеллер, подобно многим другим немецким ученым, решил поискать счастья в России, где в 1725 г. была открыта Императорская Академия наук. Здесь Георг Стеллер стал домашним врачом у архиепископа Феофана Прокоповича — выдающегося государственного и церковного деятеля, сподвижника Петра Великого. Поддержка Феофана Прокоповича и профессора ботаники И. Аммана,

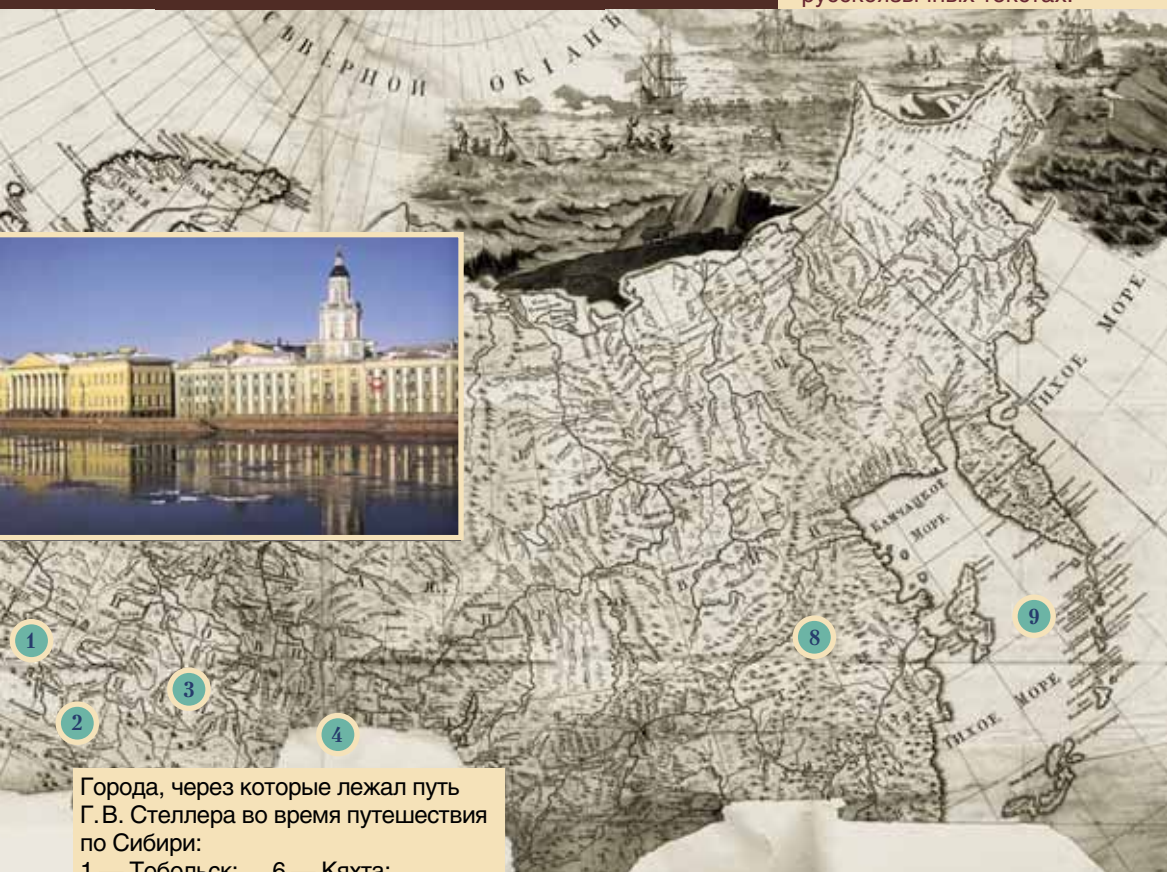
которому Стеллер помогал составлять академический гербарий, позволили молодому ученому в 1736 г. получить приглашение на службу в Академию в качестве адъюнкта натуральной истории. Уже на следующий год Стеллер по собственному желанию отправился в Сибирь для участия в работе академического отряда Второй Камчатской экспедиции.

Масса приключений, лишений, трагических событий, неустанных трудов и научных открытий, принесших автору мировую славу, уместились всего в 12 лет российской жизни Стеллера. Маршрут его путешествия из Петербурга на Камчатку (1738–1740 гг.) прошел через Казань, Тобольск, Томск, Енисейск, Иркутск, Забайкалье, Якутск и Охотск. На пакетботе «Святой Петр», которым командовал Витус Беринг, Стеллер в 1741 г. достиг берегов Северной Америки и был первым европейским ученым, ступившим на землю Аляски (точнее, на землю острова Кадьяк близ ее берегов) и описавшим ее. Вернувшись в 1742 году по окончании полной испытаний и трагически завершившейся экспедиции на материк, он продолжил научную работу на Камчатке

и на Курильских островах. Результаты исследований он обобщил в знаменитом труде «Описание земли Камчатки», впервые полностью изданном на русском языке (сразу в двух разных переводах!) лишь в 1999 году.

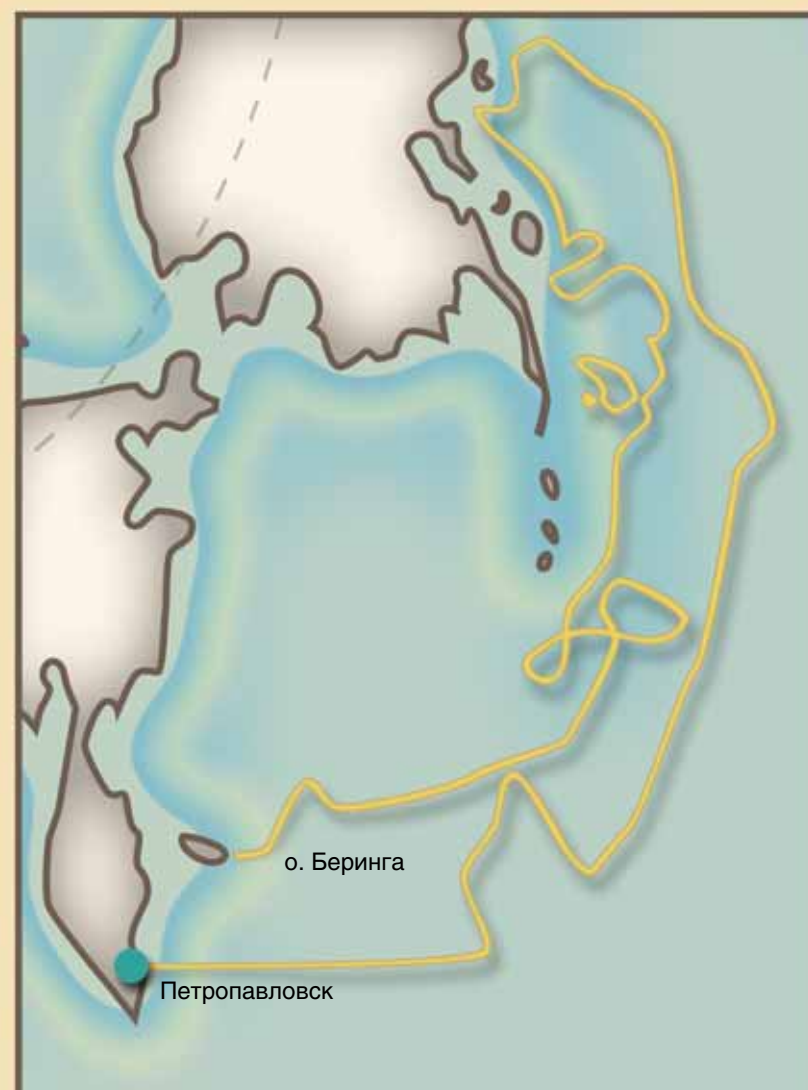
Резкая критика Стеллером действий властей по отношению к аборигенам Камчатки и самовольное освобождение из-под стражи ительменов, по его убеждению, несправедливо обвиненных в бунте и измене, привели к тому, что в 1745 г. ученый оказался под следствием. И хотя в Иркутске Стеллера оправдали, разрешив вернуться в Петербург, в Соликамске летом 1746 г., по приказу из Петербурга (известие об оправдании ученого не успело дойти до столицы) его снова арестовали и под конвоем отправили обратно в Иркутск. Когда в октябре 1746 г. недоразумение все-таки разъяснилось, приказ об аресте был отменен. Известие об этом догнало Стеллера в Таре. Получив свободу, он вновь устремился в столицу, но... добрался лишь до Тюмени, где умер в ноябре 1746 г.

1. Как «Стеллер» ученый стал подписываться в России. Такое написание и утвердилось в русскоязычных текстах.

Города, через которые лежал путь Г. В. Стеллера во время путешествия по Сибири:

- 1 — Тобольск;
- 2 — Тара;
- 3 — Нарым;
- 4 — Енисейск;
- 5 — Иркутск;
- 6 — Кяхта;
- 7 — Нерчинск;
- 8 — Якутск;
- 9 — Охотск;
- 10 — Петропавловск

Вторая Камчатская экспедиция под руководством Витуса Беринга

Путевые дневники и ряд других экспедиционных работ Стеллера до недавнего времени не публиковались и были практически недоступны исследователям. С начала 1990-х гг. совместными усилиями немецких, российских и датских ученых осуществляется масштабный проект по изучению и публикации научного наследия участников Второй Камчатской экспедиции и, в первую очередь, — Г. В. Стеллера. Топографическому описанию Байкала, Прибайкалья и Забайкалья, характеристике флоры, фауны и минералов этого региона, анализу образа жизни местного населения посвящен целый ряд научных работ Стеллера. Среди них выделяется фундаментальное исследование «Иркутская флора», высоко оцениваемое современными ботаниками. Ниже мы публикуем фрагмент работы «Описание города Иркутска и окрестных местностей»², написанной Стеллером во время пребывания в Иркутске (с выездами в близлежащие районы и в Забайкалье) с весны 1739 г. до весны 1740 г. Эта работа недавно издана на немецком языке в серии «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов». В настоящее время ее перевод готовится к публикации в русскоязычной версии указанной серии.

Стеллер был необыкновенно цельным человеком, поэтому все его произведения так или иначе перекликаются друг с другом, коль речь заходит о фундаментальных идеях, занимавших ученого. Один раз сформулировав какую-то закономерность, он в дальнейших своих изысканиях ищет ей подтверждения, не забывая при этом оговорить и исключения из правила.

Приведем пример. Публикуемый отрывок начинается с мысли Стеллера о влиянии природных факторов на образ жизни и нравы людей. Во время путешествия в 1740 г. из Иркутска в Якутск ученый обнаружил немало доказательств в пользу этого утверждения.

Очевидные симпатии вызвало у Стеллера сибирское крестьянство, поразившее его отменным физическим состоянием, своими неколебимыми моральными устоями и трудолюбием. Все это, к слову, как нельзя лучше укладывалось в близкие его сердцу идеалы протестантизма. По оценке путешественника, жители русских деревень по р. Лене были более зажиточны, чем те, кто жил в более благоприятных климатических условиях, отличались многодетностью, прекрасным здоровьем и долголетием (ученому довелось беседовать с двумя стариками-крестьянами, одному из которых было 116, а другому 137 лет). Ученый объяснял это органической привычкой к труду. С заметным удовольствием он отмечал эту привычку, когда рассказывал о женщинах и детях: «Здесь не увидишь ни одного дома, где бы не изготовляли из пряденой конопляной мешки, не ткали рубахи, штаны и полотно... Здесь же можно заметить, как женщины из-за нехватки покосов собирают в лесу траву на немецкий манер... Нередко видишь, как женщины и дети 8–10 лет выполняют работу подводчиков, чтобы взрослые могли заниматься домашними работами и промыслом». Сравнивая эту сельскую картину с городскими нравами, Стеллер тут же впадает в ироничный тон (для него, впрочем, характерный): «В Иркутске, напротив, когда чай и щи готовы, все женщины лежат друг подле друга на печи как колбаски и коптят свои задницы, чтобы они не развалились и не загнили от чрезмерного распутства...».

2. Этот фрагмент публикуется с незначительными сокращениями. Логику общего повествования они не нарушают, поэтому мы их в тексте не отмечаем.

Позднее, уже вдоволь побродив по суровейшему в природном отношении русскому Северо-Востоку, исследователь вынужден был признать, что его «общее правило» работает не всегда. О местных служилых и «якутских обывателях» он пишет, что они «по своей злобности, невероятному коварству, обману, притворству и жестокости настолько же отличаются от прочих жителей Сибири и коренных русских, насколько змеи от голубей». Объяснял это Стеллер бесконтрольностью служилых в удаленных острогах и зимовьях и, в немалой степени, их социальной маргинальностью. По его мнению, тут собирались отбросы общества — «либо искатели приключений, либо бежавшие от правосудия, либо сосланные сюда из России за совершение всевозможных неблагоприятных дел, для которых эти люди были самым подходящим элементом».

Многие наблюдения Стеллера выглядят удивительно актуальными. Это касается не только таких явных аналогий, как роль «новых русских» и «капиталистов» (определения Стеллера) в развитии сибирской экономики. Падение уровня рождаемости в городах; нравственная распущенность и распространение венерических заболеваний; плохая работа полиции, с разрастанием аппарата которой парадоксальным образом растет и

количество преступлений; подрыв государственных финансов «теневой экономикой» (в сфере винокурения и торговли); хищническое истребление природных ресурсов — все это (и это еще не полный список!) чрезвычайно занимает ученого, а мысли, высказанные им по этому поводу, словно списаны из сегодняшних газет.

Обращение к биографии Стеллера лишней раз показывает, что сложившееся представление о «настоящем немце-ученом» не всегда приложимо к конкретным личностям (на то они и личности!). Глубокая образованность, профессионализм, трудолюбие, традиционная немецкая точность и аккуратность в исследованиях сочетались в этом человеке с бурным темпераментом и неумной энергией, неприхотливостью в быту, готовностью противостоять невзгодам и опасностям, подлинной демократичностью и непримиримостью ко всем проявлениям несправедливости.

Надо признать, что это именно те качества, по которым тоскует наше — не самое благополучное — время. И в этой тоске оно нередко обращает свои взоры назад, в прошлое. Что ж, дело небесполезное. Публикуя Стеллера, мы, помимо всего прочего, занимаемся и этим делом.

Стеллерова Арка. Остров Беринга.
Фото Я. Оелкера

Тобольск

«ИРКУЦКИЕ

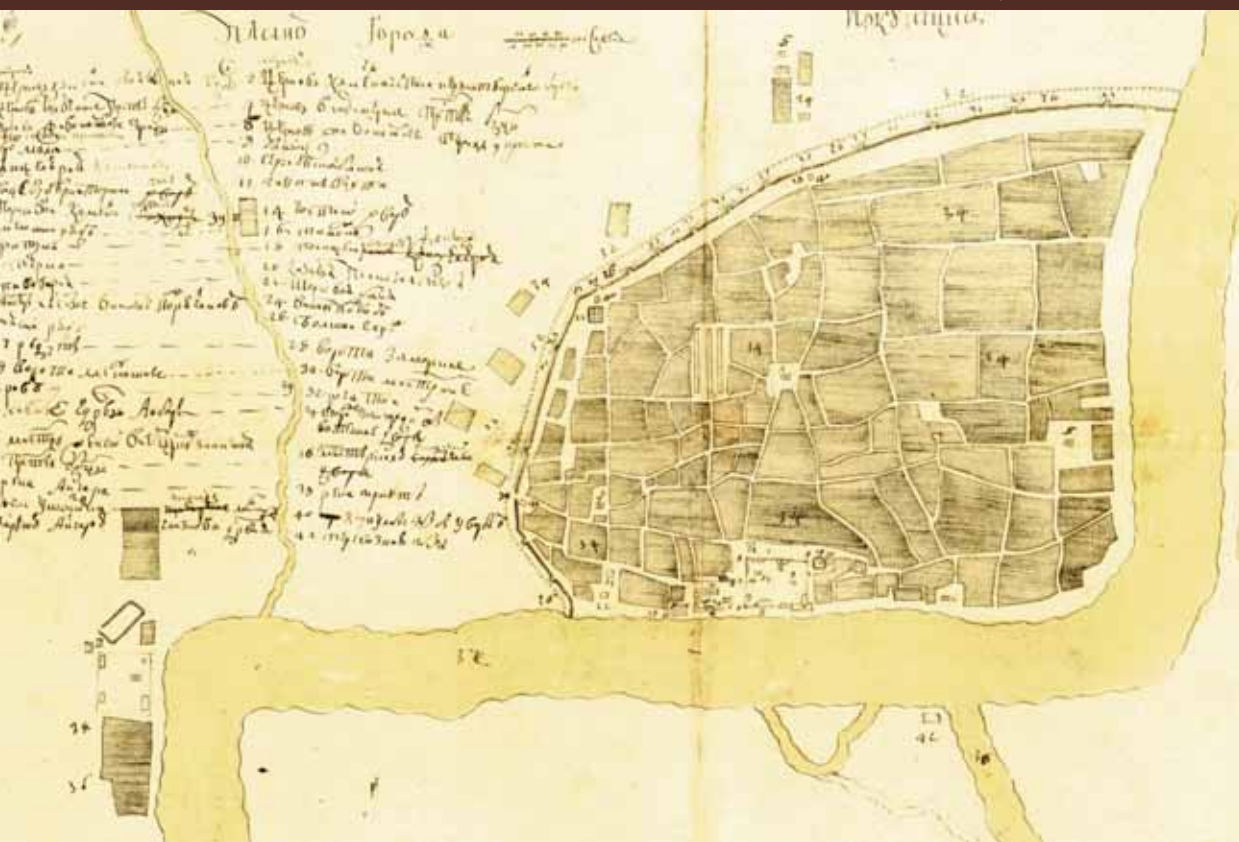
НРАВЫ И ОБРАЗ ЖИЗНИ»

Перевод и публикация А. Х. Элрта

Название этой северной или северо-восточной части Азии [Сибирь]¹ столь общо и неопределенно, что было бы нелепо сводить под одним названием всех находящихся в ней жителей вместе с их нравами и обычаями. Различный климат отчасти изменяет и отчасти принуждает изменять нравы и обычаи. Так же и относительно животных мы обнаруживаем, что в одном месте они хитрее и усерднее, чем в другом: хитрее там, где их пища более редка, и для удовлетворения аппетита требуется больше сообразительности и усердия. Все дикие звери в здешних местностях — рогатые животные, медведи, волки, лисицы — обеспечивают себя пропитанием на зиму. В особенности же различаются собаки: чем севернее они находятся и чем большим нагрузкам подвергаются из-за отсутствия лошадей, тем более смышленными они оказываются на охоте и тем лучше помнят дорогу на дальние расстояния. Из всех происшествий, связанных с собаками и их местным использованием, можно было бы сочинить полную собачью историю — и весьма полезную, потому что отдельные рассказы об азиатских собачьих должностях до сих пор еще кажутся европейским писателям совершенно невероятными.

1. В квадратные скобки заключены поясняющие и дополняющие текст слова, добавленные переводчиком. — Ред.

План г. Иркутска (1739 г.)

Г. В. СТЕЛЛЕР

Вслед за климатом многое изменяет соседство. Общение с чужаками и торговля, заставляющая сравнивать качество товаров, делают народ более или менее высокомерным. Это знают и сами сибиряки, поэтому провинциальные города или местности у них получили от жителей других мест шуточные прозвища в соответствии с их основными качествами. Так, к примеру, томичи из-за их грубой спеси, которую им приписывают проезжающие, называются булгыги; енисейцы — сквозники, то есть хитрые; иркутяне — иваны, из-за их торговли и немалой политической гордыни в противопоставлении себя томичам. И таким образом в Сибири не пропущено ни одно место, которое не получило бы своего особенного наименования. Это доказывает, что образ жизни жителей значительно различается: он один в Тобольске, другой — в Томске или Енисейске, третий — в Иркутске...

О последнем я сейчас и хочу особо повести речь.

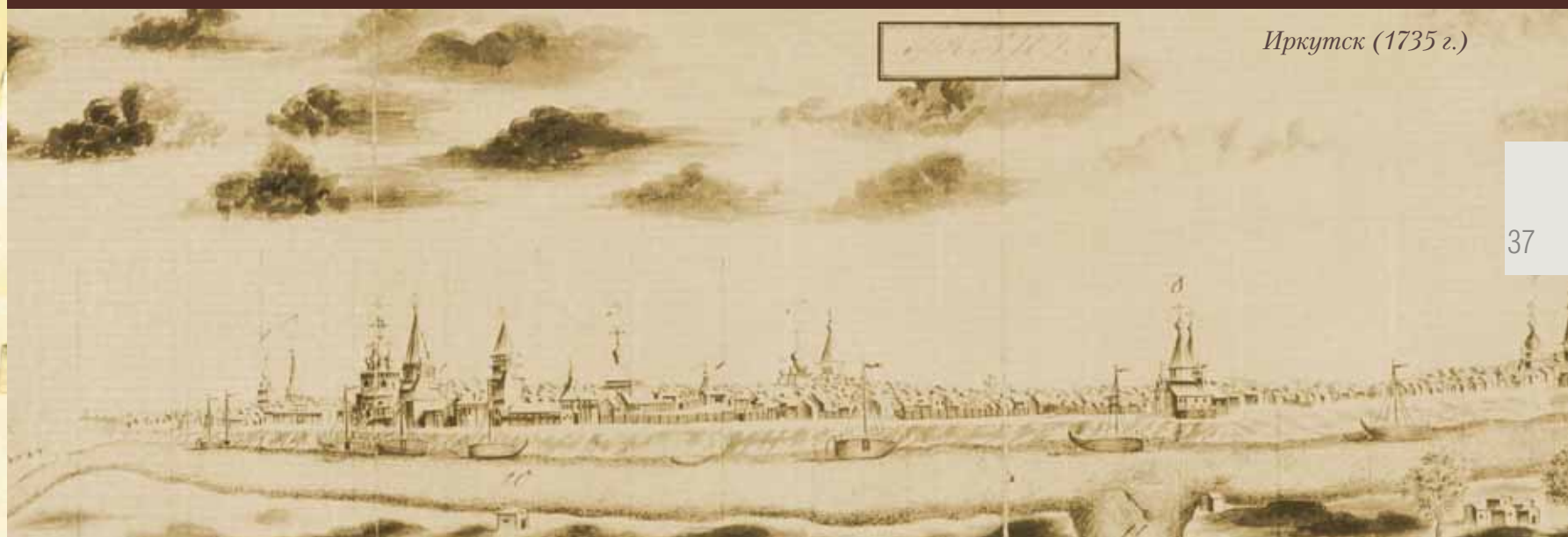
То, что замечается в истории европейских стран, имеет место и здесь, в Азии, а именно — чем решительней народ отказывается от своих старых нравов и обычаев, тем больше он страдает подражательностью, что не всегда действительно вызвано необходимостью. Иркутск, который ведет свое начало от потомков мужественных стрельцов, постепенно воспринял не только немецкую одежду, пищу и напитки, но соединил это еще и с китайской заносчивостью.

Этот город построен возле слияния двух рек на третьей. Первая из них [Ангара] вытекает из большого озера [Байкал], вторая [Иркут] собирается сюда из диких гористых местностей, а третья [Ушаковка], едва заслуживающая упоминания, получила свое название

от фамилии мельника, жившего здесь. Происхождение и развитие этого населенного пункта лучше всего характеризует то, что основан он казаками в виде зимовья, разросшегося со временем в село. А в город оно было превращено усилиями ссыльных, посланных в величайшей спешке из Москвы и со всего государства. Буряты, как коренные жители, вряд ли заслуживают отдельного рассмотрения — их тут совсем немного, и живут они в юртах рядом с городом.

Итак, в городе имеются жители трех сортов: сибиряки, ссыльные, или новые русские, и братья, или буряты. К жителям, однако, могут быть причислены еще и промышленные. Они пришли из самых бедных местностей России — с целью обогатиться сравнительно со своим прежним состоянием, но многие из них поселяются здесь насовсем. Старых енисейских и красноярских казаков сейчас, вероятно, осталось очень мало, так как, когда город вырос, они почти все отправились в остроги вокруг Байкала — Баргузинский и Идинский, а из них — далее, поскольку из-за множества ссыльных в этих местах они уже больше не были нужны в качестве стражей. Есть несколько семей русских купцов, переселившихся сюда добровольно, — таких, как Милютины и Бречаловы. Большинство же купцов происходит из ссыльных. Нынче они самые состоятельные люди и ни в малейшей степени не мечтают о непокорности. Более того, они краснеют при одном лишь слове «стрельцы». Из них и состоит посад, равно как и из казаков, или, как их сейчас называют, служивых, используемых для государственной службы и в военное, и в мирное время. Они, однако, предпочитают быть занятыми там, где есть возможность попутно торговать и наживаться. Служивые

Иркутск (1735 г.)

получают из казны жалованье деньгами и провиантом, но с этим дело обстоит следующим образом.

Некоторые не только не берут ни денег, ни провианта, но еще и сами платят за то, чтобы стать ясашниками или быть посланными с казной в Россию, ибо при этом они могут иметь побочный доход от торговли. Самые бедные получают деньги и провиант и назначаются на самые тяжелые службы — в настоящее время, например, их направляют в Охотск и на Камчатку в качестве работников и плотников. Другие получают от канцелярии кусок земли, строят там заимки, дома и дворы, держат много скота, занимаются хлебопашеством, торгуют с бурятами и чувствуют себя довольно хорошо. Торговцев казна тоже награждает местностями, чтобы они строили там дома и дворы. Из этих построек со временем вырастают деревни и, наконец, слободы. Большинство слобод вокруг Иркутска имеет подобное происхождение. Деньги за землю они уплачивают в казну сразу.

Промышленные являются выходцами из всех городов России и Сибири, но большинство из них со времени прекращения торговли в Архангельске прибыло из Архангельской провинции и городов Устюг, Вологда, Соль Вычегодская, Яренск, а также из городов Арзамас, Ярославль и Рязань. В России их называют бурлаками и гулящими, но здесь они бесосновательно получили название «промышленные». Они могут заниматься всем, чем хотят, тогда как прежде это название прилагалось лишь к тем, кто ходил компаниями на соболиный, лисий, бобровый и песцовый промыслы, на рыбную ловлю или занимался торговлей и поставлял купцам слюду и тому подобные вещи.

Промышленные бывают двоякого рода. Некоторые отправились сюда по собственному желанию с добрым намерением сколько-нибудь заработать, чтобы затем вернуться в Россию, купить имущество и жить подобно порядочным людям. Это государственные, посадские и крестьяне или разного рода ремесленники. В канцеляриях тех мест, откуда они родом, эти люди берут паспорта на срок от 3 до 6 лет. Во всех городах паспорта подписываются воеводами в форме характеристики поведения их владельцев. А прибывают они сюда большей частью с купцами, нанимаясь к ним на суда работными людьми. Или они служат где-то, начинают торговать, двигаются от одного пункта к другому и так добираются постепенно до этих мест. В Иркутске или в других городах они предъявляют паспорт в канцелярию, где его также подписывают, а посадские несут его еще и в ратушу². Обосновавшись здесь, они занимаются разнообразными промыслами.

Так, некоторые плывут на дощаниках для рыбной ловли на озеро Байкал, а в особенности — к устью реки Баргузин, к реке Чивиркуй в 50 верстах от Баргузина, и еще — к реке Верхняя Ангара. Однако сейчас к Верхней

2. В России того времени орган городского самоуправления. — Ред.

3. Русская сажень немногим превышает два метра. — Ред.

4. Имеется в виду русско-турецкая война 1735—1739 гг., которая велась Россией (в союзе с Австрией) за выход к Черному морю. — Ред.

Ангаре никто больше не отваживается идти, так как тамошние тунгусы более дерзко, чем где-либо, отбирают у промышленных рыбу, а при сопротивлении убивают, что они делали неоднократно.

Отправляясь на промыслы, промышленные соединяются по 14—15 человек, договариваются между собой и собирают в складчину деньги, обычно по 50 рублей с человека. На эти деньги покупают дощаник, боковой парус, мачту и снасти, что вместе с неводом, то есть рыбачьей сетью длиной от 130 до 150 сажень³, обходится в сумму около 500 рублей. Затем они посещают канцелярию и покорнейше просят об указе, с тем, чтобы приказчики не мешали их работе. В указе говорится, что промысел правильно оформлен в ратуше и за невод уплачено 7 рублей. Далее канцелярия извещает таможду о том, какое место отведено им для промысла, так как по возвращении промышленные предъявляют свою рыбу на заставе и дают все осмотреть, чтобы было видно, не ввозят ли они какие-нибудь товары под видом рыбы. После этого они уплачивают в таможене десятину от цены, установленной целовальниками. Когда промышленные все уладили, они закупают соль, провиант, мясо, всевозможную домашнюю утварь и в Николин день отплывают вверх по Ангаре на Байкал. Бочки они везут с собой в виде клепок и сбивают их возле устья. Там они строят себе зимовье, баню, навес, под которым засаливают рыбу и чинят невод, и каркас для его сушки. Дощаник же оставляют стоять на якоре, а рыбу ловят на двух лодках.

Все люди разделяются по следующим должностям.

Передовщик, или предводитель, не платит денег в складчину и является главным среди них. Он знает дорогу на озеро и предупреждает о ее опасностях, определяет места стоянок, а также места, удобные для рыбной ловли. Передовщик должен уметь забрасывать, выбирать и чинить невод. Наряду с этим, он отдает распоряжение относительно того, в какое время ехать рыбачить.

Еще есть бочкарь. Он всю зиму изготавливает бочки, а затем сбивает их. За это он ничего не вкладывает в артель, но и получает лишь половинную долю.

Другую половину доли получает повар. Повар к определенному времени и в предписанном ему порядке готовит еду, варит квас, печет хлеб, забивает скотину и засаливает мясо, доставляет соль, подносит к столу пищу и прислуживает артели. Он тоже не платит в складчину и тоже не участвует ни в каких [общих] работах.

Остальные 11 артельщиков, которые внесли в артель по 50 рублей своих денег, разделяются между собой так, чтобы на озере по несколько человек попеременно стоять у руля. А передовщик спереди, с носа, командует «направо» и «налево». На суше же они работают все вместе. Между собой артельщики живут очень мирно, полюбовно улаживают возникающие ссоры, взаимно дружелюбны и учтивы. Когда они обедают, то перед этим благоговейно молятся. За столом же не ведется никаких разговоров и стоит такая тишина, как в столовой Сиротского дома в Галле. После обеда артельщики повторно молятся и снова отправляются работать. Бесшабашных голов они совсем не принимают в артель или выгоняют из нее, поскольку, как они говорят, беспорядок может рассердить божество озера. Еда и питье у них очень хороши и в избытке. Особенное удовольствие им доставляет то, что ими никто не командует, и они сами себе господа.

В конце августа артельщики возвращаются, груженные осетрами, сигагами и омулями. Осетров промышленные ловят всегда. Ради них они сначала специально отправляются к реке Чивиркуй, а уж в половине августа приходит время для омуля. Раньше осетров было очень много, и остальную рыбу просто не брали. Но теперь осетр стал столь редок, что промышленные благодарят Бога и за омуля. В прежние времена возле острова Ольхон они за одну тоню добывали по 60 бочек осетров, сейчас же до прихода омуля вся артель едва получает 7 полных

бочек. Ловят сигагов, а когда поднимаются омули, они добывают их за одну тоню по 10—13 бочек. Затем, в начале сентября, промышленные обычно возвращаются в Иркутск со следующим грузом: 7 бочек осетров, 25 бочек сигагов, 100 бочек омуля. В одну бочку помещается от 1000 до 1100 омулей. Бочка омуля стоит в среднем 3 рубля, наименьшая цена — полтора рубля. Бочка сигагов стоит 7 рублей, наименьшая цена — 5 рублей. Бочка осетров стоит 17 рублей, наименьшая цена — 13 рублей. Из всего этого складывается сумма в 594 рубля, что составляет 42 рубля на человека.

Зимой артельщики живут в зимовье — хотя и не так богато, как во время промысла, но все же ни в чем не испытывая нужды. Поскольку они живут артелью, то питание за 9 месяцев обходится им не более, чем по 5 рублей на человека. Затрудняет их жизнь то, что иногда их дощаники забирают для государственной службы в качестве провиантских транспортов и гоняют эти дощаники на ярмарки с одного места на другое. Да и самих артельщиков часто отправляют на бесплатные работы, что они, впрочем, сносят с величайшей покорностью — по крайней мере, пока продолжается война⁴ и действителен указ об их возвращении в Россию.

Прежде, после внесения неводных денег, промысел был свободным у Селенги, у Прорвы возле Посольского монастыря, у Баргузина, Чивиркуя, вокруг Ольхонских Ворот и всюду вокруг Байкала. Но сейчас промысел се-

ленгинского омуля запрещен указом Иркутской губернской канцелярии. Это сделано по просьбе господина бригадира Бухгольца в Селенгинске, обоснованной тем, что рыба возле устья Селенги частично вылавливается и частично отгоняется, после чего уже не поднимается по Селенге, и тамошние жители таким образом лишаются улова, впадая в нужду. С Прорвы промышленных согнал Посольский монастырь и закрепил здешнюю рыбную ловлю исключительно за собой. Олхон промышленные оставили сами. Уже несколько лет как осетры больше не держатся там, уйдя к Селенге.

Зимой некоторые промышленные выполняют знакомые им службы в монастырях или работают срочниками у крестьян.

О нерпичьем, втором промысле ниже последует более подробный рассказ.

Третий промысел — звериный, в том числе и соболиный. Об этом подробнее сообщают господин доктор Гмелин.

Четвертый промысел — слюдяной, вверх по Витиму. Все обстоятельства выполнения канцелярских формальностей тут одинаковы с рыбным промыслом.

Некоторые промышленные торгуют различными товарами от себя или приказчиками от купцов, и многие, ставшие сейчас богатыми, купцы именно так достигли своего благополучия.

Другие промышленные работают на железном и плавят его, уплачивая десятину в казну, — как, например, в Каменке вниз по Ангаре, раньше на Ушаковке, на Бугульдеихе и на Анге. Последние промыслы сейчас построены как заводы и взяты в собственность Афанасием Дементьевым и Ланиным.

Те, которые не умеют прокормиться торговлей и работают срочниками у крестьян, обычно получают наряду с пропитанием, по 20–24 рубля в год.

Еще назовем зимовщиков на незаселенных трактах — например, по дорогам на Енисейск и на Лену. Они варят пиво, заготавливают сено, держат хлеб и соленую рыбу.

Часть промышленных работает на каштаках⁴ Ее величества дровосеками и винокурами.

Почти все ремесленники в Иркутске — промышленные. Иногда трудно определить, в Москве или в Иркутске выполнена работа золотых и серебряных дел мастеров по литью, ковке, чеканке и гравировке. Они изготавливают даже математические инструменты — квадранты, астролябии, циркули, — и так умело, что скорее можно было бы предположить, что они сделаны в Англии, нежели в Сибири русскими. Гранильщики, токари по дереву, железу, серебру, рогу и кости, мастера медного литья, проволочники, пуговичники (как по золоту и серебру, так и по шелку, хотя последнее считается женской работой), кузнецы, слесари, жестянщики — в основном из промышленных.

5. Здесь: небольшой винокурный завод. — Ред.

6. Камка — шелковая китайская ткань с разводами. — Ред.

Суконная фабрика вместе с красильней имеется возле реки Белой на Тельме и в Иркутске. В предыдущий список следует добавить портных, не уступающих в своем ремесле петербургским собратьям, сапожников, вышивальщиков, художников, скульпторов, которые вырезают и расписывают прекраснейшие французские украшения на зданиях, шорников, игольников, а с недавнего времени — и мастера по изготовлению париков. И еще — мастеров по изготовлению холодного оружия, медников, оловянных, гребенщиков, ткачей тафтяных и камчатых⁶ тканей.

Нельзя, правда, не признать, что под названием «промышленные» имеется много и таких людей, которые не желают ни учиться ремеслу, ни работать, потому что еще раньше, бывши на Волге, приохотились к воровству и убийствам. Потом они переселились в Сибирь, где пребывают без паспортов и заметно снижают столь восхваляемую обычно безопасность здешних городов. Они бездомны и стараются спрятаться от чужих глаз, ибо опасаются, что у них потребуют паспорта, которые либо просрочены, либо вовсе отсутствуют. Впрочем, есть все основания полагать, что эта сорная трава будет полностью искоренена посредством нынешних строгих розысков и указов, требующих провести тщательное обследование паспортов.

Вообще же, говоря о качествах, присущих промышленным, необходимо выделить следующие:

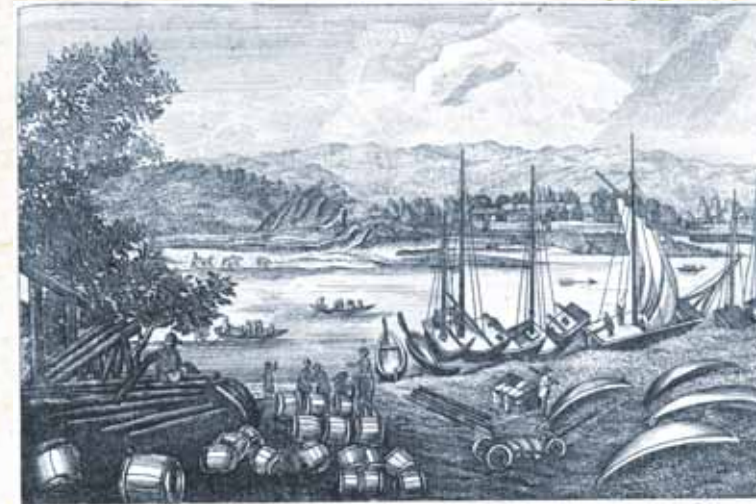
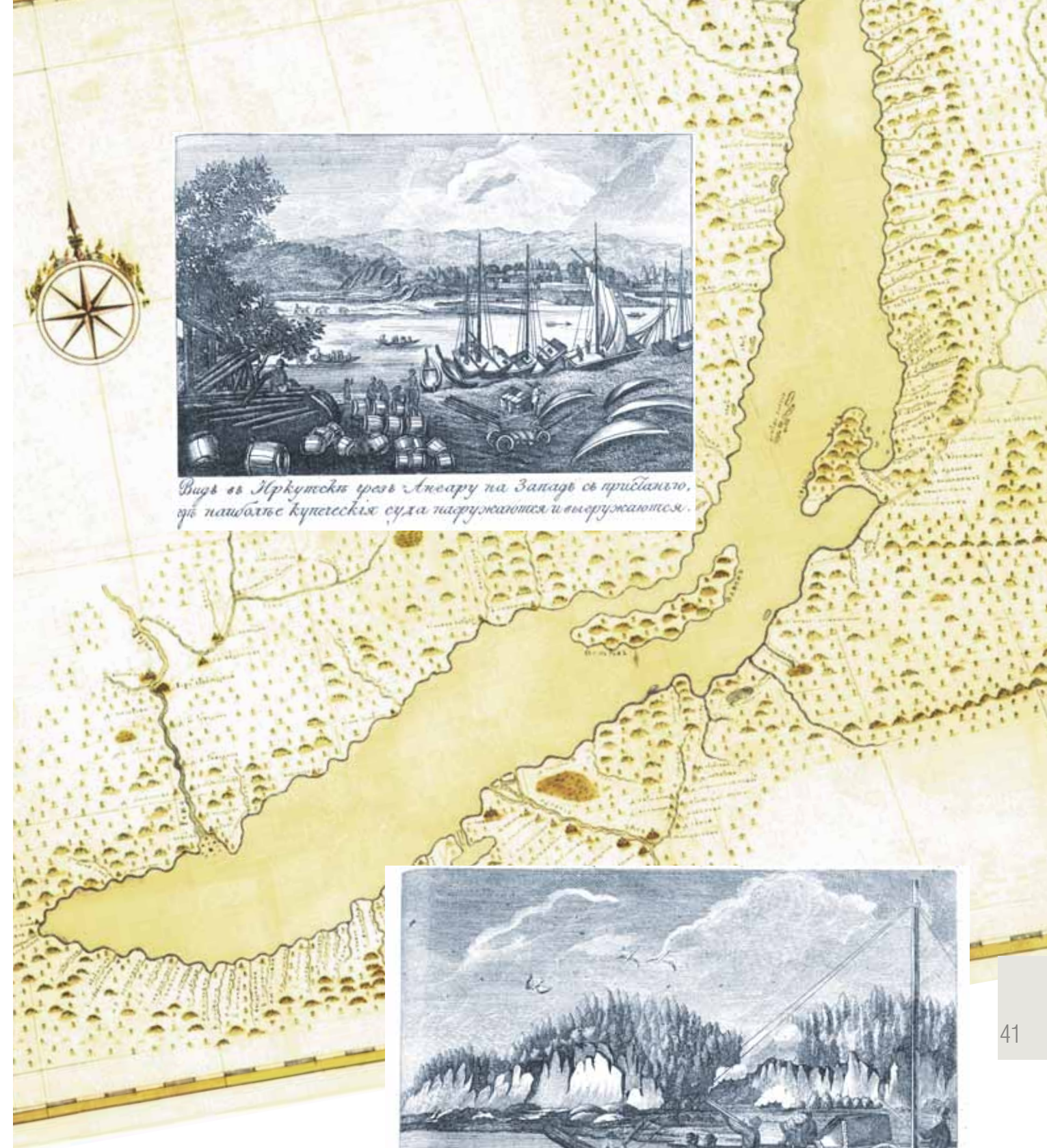
1. Они очень трудолюбивы, и с удовольствием видишь, с какой сноровкой и с какой энергией они принимаются за свою работу, почему и работают втрое быстрее, чем ленивые сибиряки.

2. Промышленные высоко ценят себя и свои умения, чему способствует то, что все местное стоит вдвое дороже, чем сделанное в Москве.

3. Они содержат, снабжают и охраняют Иркутск, поскольку являются рыбаками, крестьянами, ремесленниками, а по первому знаку становятся хорошими солдатами и до сегодняшнего времени составляют местный русский гарнизон.

4. Промышленные наносят вред Иркутску тем, что не могут жениться; это приводит к повсеместному распространению распутства и умножению заболеваний сифилисом.

(G. W. Steller, S. Krašeninnikov, J. E. Fischer. Reisetagebücher 1735 bis 1743. — Halle, 2000. — S. 28–36).

Видъ въ Иркутскъ чрезъ Ангару на Западъ съ приближенно, где наибольшее купеческія суда нагружаются и выгружаются.

Видъ сора на правомъ берегу Ангары въ 15 верстахъ ниже Иркутска.

ИДУЩИЙ ЗА ГОРИЗОНТ, ИЛИ

МОЛИТВА

О ПРЕОДОЛЕНИИ

ЖИЗНЬ И СУДЬБА ГЕОРГА ВИЛЬГЕЛЬМА СТЕЛЛЕРА

Жизнь Стеллера просится в роман. Странно, что такой роман до сих пор не написан. Дело, быть может, в том, что Стеллер-ученый и Стеллер-человек долгое время у нас (да и не только у нас, по большому счету) находился в забвении, и лишь в последние пятнадцать лет один за другим появляются переводы его работ, уточняя роль и место Стеллера в истории русской и мировой науки и стимулируя интерес к личности ученого. Этим интересом и вызвано увеличивающееся на глазах количество публикаций о его жизни. Жизни удивительной — трагической и прекрасной.

Что там говорить — величина ученого не всегда соотносится с величиной человека. В случае Стеллера совпадение полнейшее, а если добавить к этому еще и по-хорошему авантюрный характер его странствий, то мысль о романе приходит на ум сама собой.

Труды и дни Стеллера — роман по определению. Мы найдем в нем эпос частной жизни, переплетение множества автономных сюжетных линий (всякая остановка Стеллера в его путешествии суть такая линия) с целым рядом оригинальных действующих лиц. А объединяет все это в гармоническое целое то, самое главное, без чего не обойтись роману, претендующему на «вечность», — это серьезнейшая сверх-идея, переносящая нас с грешной земли в запредельные выси. Под таковой мы разумеем столкновение двух мощных сил, которое можно обозначить привычным для русского уха противопоставлением «жизнь и судьба».

Природа одарила Стеллера многим: отменным здоровьем, многими талантами, легким нравом, железной волей. Казалось бы, приспособь все это к условиям тогдашней жизни и горя не знай: занимайся наукой, издавай книги, воспитывай учеников, скромно носи бремя славы, доживай жизнь седовласым старцем в достатке и почете. Более того, возможностей для этого, если вздуматься, у Стеллера было предостаточно. Ни одной из них он не воспользовался. Сгорел, как комета, исходив полземли и не увидев ни одной своей напечатанной строки — страшная, вообще-то говоря, доля для

ученого. И всей жизни его было отпущено 37 лет (мы специально обращаем внимание читателя на эту цифру, она — многозначительная). Слишком часто эта цифра встречается, когда мы говорим о необыкновенных людях, она озарена мистическим светом и заставляет вспомнить о судьбе, о высшем предназначении. Именно «судьба» Стеллера ломала его «жизнь», отставляя в сторону все соблазны спокойного и размеренного существования, которыми последняя манила.

Но, все по порядку.

Курс ботаники в Сиротском доме в Галле, где молодой Стеллер подрабатывал в качестве педагога (кстати, популярного в среде учащихся), курировал один из лучших европейских медиков того времени профессор Ф. Хофман. Хофман протезировал Стеллеру, увидев в нем великие способности к науке. По его настоянию, Стеллер блестяще сдает квалификационные экзамены по ботанике в Берлине, претендуя на место профессора ботаники в университете в Галле. Отметим существенное — эти экзамены ему пришлось сдавать, потому что сам-то он — и в Виттенберге, и в Галле — учился на теологическом факультете, занимаясь естественными науками попутно, как бы в порыве молодой души, которой все интересно на этом свете: и оправдание Бога, и основания религиозной жизни, и устройство человеческих внутренних органов. По сути-то, тут нет никаких внутренних разрывов и оппозиций: у человека начала XVIII века (тем более, воспитанного в протестантской традиции) гармония и всеединство мира не вызывали сомнений. Другое дело, что любопытство к внешним (скажем так — естественнонаучным) проявлениям Божественного откровения пересилило в молодом Стеллере интерес к собственно их источнику, и это предопределило всю его жизнь. Ф. Хофман, со своей стороны, пытался убедить короля Фридриха Вильгельма в том, что профессор ботаники университету нужен, как воздух, и что есть прекрасная во всех отношениях кандидатура на эту должность, имея в виду Стеллера. Подробности этой истории неизвестны — известно лишь, что король не согласился с доводами Хофмана.

А. М. ПАНФИЛОВ

И тут Стеллер делает резкое движение, вместо того, чтобы спокойно дожидаться новой открывающейся вакансии. Наверняка она бы рано или поздно открылась, ведь обычно жизнь, желая человеку тихого добра, подталкивает к этому. Но резкие движения, в конце концов, станут обычными для Стеллера, формируя совершенно определенный стиль жизни. Стиль преодоления, стиль стремления туда, куда нормальный человек по своей воле никогда бы не устремился. Из множества вариантов, предлагаемых днем насущным, он всегда выбирал самые трудные. Но и самые увлекательные.

Итак, в 1734 году Стеллер покидает Галле и на свой страх и риск отправляется пешком в Данциг, где тогда стояла русская армия. Мотивировка проста — в Петербурге не так давно открылась Академия наук, и там чаемое место профессора ботаники будет получить значительно проще, нежели в напичканной учеными людьми Германии. А так как денег нет, то удобнее всего проникнуть в Россию, найдя себе применение — в качестве врача — в русской армии. Вроде бы все логично, на первый взгляд. Но, на взгляд более пристальный, и достаточно авантюрно — без рекомендаций, без контракта отправляться в чужую страну, про которую известно лишь то, что там по улицам больших городов бродят медведи. Тем не менее, Стеллер едет. И в Петербург все-таки попадает. Судьба сбывается.

Как выяснилось, в Петербурге Стеллера никто не ждал. Его не встретили овациями, не умоляли на коленях занять место профессора ботаники. Но это не обескуражило молодого ученого. В скором времени ему удалось завоевать доверие Феофана Прокоповича. Прокопович любил понятливых собеседников, да и здоровье его оставляло желать лучшего. Позади были бурные годы, полные реформаторских трудов, опасностей, интриг, побед и поражений. Стеллер, знающий толк в медицине, согласился стать лечащим врачом архиепископа. Свободного времени оставалось немало, его он посвящал научным изысканиям. В Академии был, что называется, «на подхвате». Но — с несомненными перспективами. Чего бы еще желать? Имея такой мощный «паровоз», каким был для него Феофан Прокопович, можно было спокойно ждать превращения этих перспектив в несомненнейшую реальность. Совершенно точно — стал бы Стеллер со временем профессором. И, надо думать, не последним.

А Стеллер вообще был великим ходоком. На Камчатке это даже помогло ему придумать новый научно-экспериментальный метод. Камчатку нужно было активно осваивать, но людей для этого не хватало. Приток человеческой силы ограничивался несколькими обстоятельствами. Одно из них — страшная дороговизна хлеба. Стеллер задумался: а нельзя ли человеку вовсе обойтись без хлеба? Чтобы ответить на этот вопрос, он прошел пешком 242 версты от Большерецка до Верхнего Камчатского острога, исключив из своего рациона хлеб и используя в питании только местные продукты. Дошел живым, невредимым и лишь слегка похудевшим. Научная проблема была решена. Но не бытовая — русские не захотели отказываться от хлеба.

Бывают странные сближенья... Прокопович и Стеллер встретились еще раз — уже после смерти. Первое полное издание трактатов Феофана Прокоповича было предпринято в Лейпциге в 1773–1775 гг. И в это же время в Лейпциге впервые опубликовали «Описание земли Камчатки» Стеллера. В России это сочинение — по причинам, которые мы за недостатком места не будем разбирать (а ведь тоже история почти детективная!), — положили под сукно. И очень толстое сукно — русскому переводу этой книги удалось пробиться из-под него к читателю только в конце XX века. Странная встреча, не правда ли? Но вот в дружбе Прокоповича и Стеллера ничего странного не было — это было сродство душ. Прокопович — убежденный протестант в наряде православного иерарха. Петровское время не скупилось на парадоксы. Главным реформатором православной церкви, канонически «обосновавшим» методы петровской религиозной реформы, оказался человек, «лучшими силами своей души, — как признавался он в приватном письме, — ненавидевший митры, саккосы, жезлы, свечницы, кадильницы и тому подобные забавы». А любивший науки и искусства, дух переустройства и мощное государство, пиры и интриги и ничем не брезговавший в достижении целей, казавшихся ему оправданными высокой необходимостью. В 1730-е годы, когда главного единомышленника и покровителя уже не было на свете, земля качалась под ногами архиепископа, ему требовалась духовная поддержка, которой он искал у близких по духу людей. Таким ему увиделся Стеллер. Таким, впрочем, во многом он и был.

Не тут-то было. Когда он узнал о Второй Камчатской экспедиции, беспокойное сердце его заволновалось. Туда, в Сибирь! И уже никто не мог его отговорить от этого опрометчивого, в глазах многих, шага. В Петербурге Стеллер немало общался с Д. Г. Мессершмидтом, который семь лет (в 1720–1727 гг.) по заданию Петра I колесил по Сибири, собирая сведения о ее истории, природе и этнографии. По сути, Мессершмидт был разведчиком армии, если под «армией» понимать Вторую Камчатскую экспедицию. Разведчиком всегда нелегко. Натерпелся в Сибири, похоже, и Мессершмидт, потому что он всячески отговаривал Стеллера от поездки, грезившейся тому во снах. Не отговорил. Заручившись поддержкой сильных мира сего, Стеллер добился-таки своего. В начале 1737 года его приняли на службу в Академию наук адъюнктом натуральной истории при Камчатской экспедиции. Снова судьба.

По приглашению И. Гмелина и Г. Миллера, руководивших академическим отрядом Второй Камчатской экспедиции, Стеллер в январе 1739 года захал к ним в Енисейск. Как и они, на всем протяжении своего путешествия он вел дневники, со временем превратившиеся в многочисленные научные труды. Академиков поразили личные качества молодого ученого. Вот как пишет о нем в своем «Путешествии по Сибири» И. Гмелин:

«Он никакой одеждой себя не обременял. Поскольку в Сибири приходилось самому обустраивать свое жилище, он довольствовался очень малым. Свою жажду он удовлетворял пивом, медом и водкой (!!! — А. П.)... Он имел всего один горшок, заполнявшийся всеми продуктами, которыми он располагал. Он никакого повара не имел. Готовил все сам... Он был всегда в хорошем настроении, и с ним необычайно легко было проводить время, поскольку он всегда был весел. При этом мы заметили, какой бы беспорядочный образ жизни он ни вел, в работе был пунктуальным и все выполнял неумолимо. Исследования были для него легки, и он мог работать целый день без пищи и питья, когда он рассчитывал на успех в своих научных занятиях».

В нескольких строках внимательный Гмелин обрисовал весь характер этого удивительного человека — именно таким он предстает и на страницах своих дневников, которые читаются запоем. Другое дело, что отношения между Стеллером и академиками вскоре усложнились — почти до вражды. Стеллер не признавал никакой субординации — это-то и послужило главной причиной охлаждения. Он был неумен, и при всей своей «легконравности» без страха шел на конфликт с теми, кому формально обязан был подчиняться. Но шел в одном-единственном случае — «за правду».

Добравшись до Иркутска, Стеллер много работал, обследуя места, оставленные без внимания «господами академиками», заполняя белые пятна. Он был обласкан местными властями, перезнакомился с местным обществом, получал всякую необходимую помощь. Дальнейший его путь лежал на Камчатку, но сама жизнь предоставила ему шанс отказаться от опасной поездки. Отказались же от нее в свое время Миллер и Гмелин, отправив туда студента Крашенинникова. Более того, Стеллеру не нужно было ничего и придумывать. Он мог воспользоваться формальным запретом самих академиков.

Дело в том, что Стеллер, не посоветовавшись с Гмелиным и Миллером, отправил из Иркутска в Петербург собранные в тамошних местах материалы: травы, минералы, кости, семена и «иные курьезные вещи». Узнав об этом, академики разгневались, задержали в Красноярске, где зимовали, груз, перебрали его, а иркутским властям послали реляцию, требуя запретить Стеллеру, «не умеющему работать самостоятельно», поездку на Камчатку.

Иркутск — не Камчатка, все-таки какая-никакая, а цивилизация. Останься здесь, Стеллер не подвергал бы свою жизнь смертельной опасности, а для научных изысканий Сибирь тогда представляла великие возможности — была бы охота их использовать. Но не таков Стеллер. Да, он ученый милостью Божией, но к тому еще и человек, влюбленный в горизонт. А горизонт недостижим, он всегда отодвигается. Стеллер был человеком, идущим за горизонтом. И еще — его влекло все, «что гибелью грозит». Это какое-то неосознанное стремление испытать себя на пределе сил человеческих, открывая при этом новое — новые виды животных и растений, новые земли, новые народы...

Невзирая на запрет своих формальных начальников, Стеллер встретился с заместителем Беринга М. Шпанбергом и добился от него разрешения ехать на Камчатку. Сначала он предполагал принять участие во второй экспедиции Шпанберга к Южным Курилам, а когда та не удалась, познакомился с самим Берингом. «Ныне обретаетца здесь, — сообщал в донесении Беринг, — присланный из Санкт-Петербурга адъюнкт истории натуральной Штеллер, который писменно объявил, что он в сыскании и в пробовании металлов и минералов надлежащее искусство имеет, чего ради капитан командор со экспедицкими офицерами определили его, Штеллера, взять с собою в вояж, к тому же он, Штеллер, объявил же, что в том вояже сверх того чинить будет по своей должности разные наблюдения, касающиеся до истории натуральной и народов и до состояния земли и протчаго, и ежели какие руды и найдутца, то оным адъюнктом Штеллером опробованы будут». Ради справедливости надо сказать, что равнодушного к научным изысканиям Беринга

более привлекли медицинские познания ученого. Сам Беринг прихварывал, и врач на корабле ему был очень нужен (штатный судовой лекарь, по некоторым сведениям, как раз в это время тяжело заболел). Беринг даже определил Стеллера в собственную каюту.

Но, так или иначе, в знаменитый «вояж», закончившийся столь трагически, Стеллер отправился. Снова судьба вела.

Страшные обстоятельства обратного плавания широко известны. Два месяца корабль трепали бури, люди в мучениях умирали от цинги. «Мы плыли, с Божьей помощью, куда нас гнало разгневанное небо, — пишет Стеллер. — Половина нашей команды лежала распростертой, другие, в силу необходимости, держались как здоровые, но вследствие ужасающих волн и качки корабля все были как полоумные. Молились горячо и много; но проклятия, накопившиеся за десять лет пребывания в Сибири, лишали нас возможности быть услышанными». А вот жуткая хронология этого плавания, запечатленная в скупых строчках вахтенного журнала (приводим выдержку из него): «18 октября. Волею Божьею умер морской солдат Алексей Киселев. 20 октября. Волею Божьею умер камчатский служилый Никита Харитонов. 22 октября. Волею Божьей умер

морской солдат Лука Завьялов. 31 октября. Умер солдат якуцкого полку Карп Пашенной. 2 ноября. Умер адмиралтейский плотник Иван Петров. 4 ноября. Умер барабанщик сибирского гарнизона Осип Ченцов (3 ч. ночи). 2 ч. дня умер сибирский солдат Иван Давыдов. 5 ч. дня умер морской гренадер Алексей Попов».

В конце концов, они высадились на остров, названный позднее именем Беринга. Тремя неделями позже буря сорвала с якоря пакетбот и он, сев на мель, пришел в совершенную непригодность. Остаткам команды пришлось зимовать на острове. За зиму погибло еще тридцать человек, включая и Витуса Беринга. Но в том, что остальные выжили и вернулись домой, немалая заслуга Стеллера.

Он ухаживал за больными, охотился на зверей, поил членов команды противоцинготным чаем — до тех пор, пока те не стали понемногу оправляться. И при этом с увлечением исследовал остров. Собрал несколько коллекций и большой гербарий, открыл несколько новых видов животных и птиц. При этом надежды на счастливый исход временами покидали и его: «Я был один, — писал он, — под открытым небом, должен был сидеть на земле; мне мешали холод, дождь, снег и часто беспокоили звери; у меня не было нужных инструментов, и притом я не надеялся, чтобы когда-нибудь моя работа сделалась известной и принесла кому-нибудь пользу». Но перед товарищами он всегда представлял веселым, неунывающим и энергичным.

И высокое любопытство, без которого не бывает настоящей науки, ни на минуту не оставляет его. Ему нужно все увидеть собственными глазами, потрогать руками, попробовать на язык. Удивительно, но даже молоко той самой, знаменитой морской коровы, что теперь исчезла, но в научном обиходе носит его имя, он описывает так, будто пил его (да ведь и пил, скорее всего!): «Под передними ногами [у нее] находятся грудные железы с черными, морщинистыми, в два дюйма длины сосками, к концам которых идут бесчисленные молочные каналы, содержащие большое обилие молока, превосходящего своею сладостью и содержанием жира молоко животных, живущих на земле, в остальном же вполне схожего с ними...»

Все, в конце концов, обошлось. В августе 1742 года оставшиеся в живых путешественники вернулись в Петропавловск.

Время с августа 1742 года по август 1744 года отмечено необыкновенно бурной деятельностью ученого. Он будто спешил закончить все дела, сделать которые был рожден судьбой.

За словом в карман Стеллер, если ему нужно было чего-нибудь добиться, никогда не лез — тому есть немало свидетельств.

Но этой его «несдержанности» наука обязана целым рядом открытий. Он ведь и с Берингом отношения по дороге на Аляску испортил до такой степени, что капитан-командор объявил ему форменный бойкот. А прислушайся он к настырному ученому — как знать, экспедиция эта, быть может, была бы более счастливой. Потому что закончиться она могла намного раньше. Дело в том, что с первого захода Беринг «промазал» мимо Аляски. Близкую землю закрывал туман. Стеллер же обращал его внимание на приносимые с севера водоросли и улетающих туда птиц. Но капитан-командор отмахнулся от него, как от назойливой мухи. Когда наконец обнаружили остров Кадьяк близ аляскинских берегов, времени уже почти не оставалось. Снедаемый тревожными предчувствиями Беринг приказал лишь пополнить запасы воды и тут же отправляться в обратный путь. Стеллер снова не сдержался: «Итак, — сказал он, — мы сюда пришли для того, чтобы американскую воду перевезти в Азию», — и потребовал отпустить его на берег. Далее произошел скандал. Но предоставим слово самому Стеллеру: «Сначала меня старались запугать рассказами о страшных убийствах, но когда я на это ответил, что никогда не был бабой и опасностей не боюсь, и что совсем не могу понять, почему меня не хотят отпустить на землю и препятствуют выполнению возложенных на меня правительством задач (каков хитрец! — А. П.), то меня старались задержать на корабле шоколадом, который как раз в этот момент готовился. Когда же я окончательно убедился, что меня хотят силою принудить к неисполнению служебных обязанностей, то я, наконец, отбросив всякое стеснение и вежливость, взмолился особой молитвой, что тотчас же и смягчило господина командира: он отпустил меня на землю с водовозами...» Что же за волшебную молитву вспомнил Стеллер? Впрочем, гадать нет нужды, чуть ниже он сам дает объяснения: «Съезжая с корабля, я еще раз показал командиру, хорошо ли я умею ругаться и сердиться, ибо он велел, дабы заглушить мои слова, трубить трубачам мне вслед». И, похоже, к спасительной помощи «особой молитвы» Стеллер в своей жизни прибегал нередко. В данном случае она оказалась действительно чудодейственной. За шесть отпущенных ему часов Стеллер совершил настоящий научный подвиг, описав флору и фауну острова (одних растений им было обнаружено 160 видов), приметы быта его обитателей (которые скрылись при виде чужеземцев) и собрав огромное количество научных экспонатов.

Якутск (1753 г.)

Вторая Камчатская экспедиция завершилась, ее участники, недосчитавшись многих в своих рядах, разъезжались по домам, но Стеллер в Европу не торопился. Он все время в дороге, в трудах: за эти два года он исходил вдоль и поперек Камчатский полуостров, побывал практически во всех острогах, сплавал на северокурильский остров Шумшу, изучал жизнь русских и аборигенов на Камчатке, собирал коллекции, описывал растения и животных, много писал. При этом, по своему обыкновению, «спешил (он все время спешил!) делать добро». Открыл в Большерецке школу и сам преподавал в ней. Защищал ительменов от притеснений колонизаторов, а таких хватало — сама удаленность от метрополии и безнаказанность провоцировали многих вести себя подобно царькам. Разумеется, снова наживал себе врагов.

Вообще, надо признать, что психологическая атмосфера во Второй Камчатской экспедиции была не слишком здоровой. Разногласия начались с самого начала. Руководители экспедиции не могли найти между собой общий язык, ссорились. Было много недоразумений среди личного состава. Берингу не всегда удавалось твердой рукой навести порядок. Выработался и метод ведения интриг. Всякий обиженный или считавший себя таковым тут же писал жалобу в Петербург. Учитывая расстояния и то, что в самом Петербурге 30-х — начале 40-х годов XVIII века было далеко не спокойно, можно себе представить царившую в экспедиции неразбериху.

Не брезговал указанным методом и Стеллер. Но опять же — исключительно «за правду». Почти влюбившись в ительменский народ (не забудем, что для эстетики нарождавшегося тогда Просвещения был характерен культ естественного человека), он в меру сил своих старался оградить ительменов от чрезмерной внешней агрессии. Где-то около этого времени, столкнувшись с возмутительными фактами, он написал в Сенат, что некто мичман Хмелевский не исполняет правительственных распоряжений и притесняет туземцев. Вот тут и лежит завязка рокового финала жизни ученого. Хмелевский не остался в долгу и послал в тот же Сенат донос о том, что Стеллер самочинно освободил бунтовщиков из-под стражи и даже снабдил их оружием. Первое было сущей правдой, хотя освобождал Стеллер не бунтовщиков, а бедных людей, доведенных произволом до тихого ропота; второе же являлось просто вздором. Но вздор, если на нем настаивают, часто убеждает лучше правды.

Но, пока суд да дело, Стеллер продолжал свои труды. Зимой 1742–1743 гг. он посвятил «Описанию земли Камчатки» и практически завершил эту замечательную книгу.

Около половины ее объема занимают уникальные сведения об ительменской культуре, об образе жизни этого странного, ни на кого из ближайших соседей не похожего народа. Даже трудно представить, сколько

Цитировать Стеллера хочется бесконечно, настолько он оригинален в своих писаниях. И не только бесценными сведениями привлекают они. Сам стиль его притягивает как магнит, не отпускает.

Без сомнения, Стеллер мог бы стать крупным писателем. Для этого в его текстах есть все: чувство ритма и композиции, тонкая ирония, романтическая взволнованность, чуть уловимая эротичность. Приведем забавный пример. Встретившись с морской коровой, Стеллер высказал гипотезу, призванную совершить переворот в морской мифологии. В то время много говорили о русалках, пытаясь как-то рационально объяснить появление многочисленных легенд, повествующих о встречах с ними. В результате как будто стали сходитьсь на том, что русалки суть эротические фантазии моряков, у которых слегка «едет» психика в условиях долгой оторванности от нормальной жизни. Стеллер и тут решил идти против общепринятого мнения. Понаблюдав за морскими коровами, он предположил, что именно этих животных усталые глаза моряков всегда принимали за русалок. Мысль дерзкая, если не забывать, что это были животные длиной до десяти метров и весом более четырех тонн, и что они передвигали по дну свое массивное тело с помощью двух ласт. Правда, у них был хвост, напоминающий китовый (и русалочий?), и еще кое-что, что позволило Стеллеру сблизить морскую корову с человеческим существом. Вот как он описывает любовь морских коров: «Совокуплению предшествуют долгие любовные игры. Непрерывно преследуемая самцом самка не спеша плавает туда-сюда, легко уклоняясь от него, пока, решив не откладывать дальше, не перевернется на спину, как бы устав и уступая, после чего самец стремительно наплывает на нее сверху, платя дань своей страсти, и они застывают в совместном объятии». Какова поэзия! А интересно — писал ли Стеллер стихи? Что-то подсказывает, что определенно должен был писать.

времени он должен был провести среди ительменов, чтобы столь подробно описать их жизнь, и, что существеннее, кем для них стать, чтобы они настолько открылись перед чужеземцем. Впрочем, в тех случаях, когда ительмены что-нибудь утаивали, Стеллер, как он это умел, придумывал новые остроумные методы научного исследования. Так, для того, чтобы записать обряд главного ительменского праздника, он притворился спящим, а уж потом записывал выведенные таким образом детали ритуальной практики.

В августе 1744 года Стеллер почел свою миссию выполненной и через Охотск и Якутск поехал обратно. В столицу.

Тунгус в охотничьем наряде. Конец XVIII в.

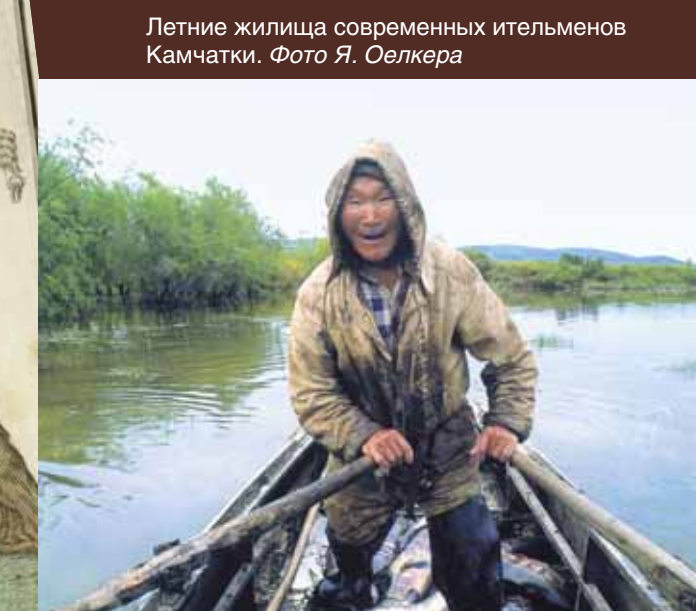
Камчатка

Летние жилища современных ительменов Камчатки. Фото Я. Оелкера

Камчатский шаман. Конец XVIII в.

Рыбный промысел — одно из основных занятий коряков. Фото Я. Оелкера

Остров Шумагина. Фото Я. Оелкера

Нынешние ительмены трепетно хранят память о Стеллере. Из ученых он был одним из тех немногих, кому довелось видеть ительменов как народ «в чистом виде».

К концу прошлого века ительмены, в сущности, исчезли с лица земли, ассимилировавшись с другими народами. Но народ — это не только чистота крови. Важнее другое — национальное самосознание, хранителем которого выступает культура. Погибает культура — погибает и народ. Но культуру можно попытаться оживить, для этого требуются письменные источники, запечатлевшие ее. Когда в конце двадцатого века на Камчатке объявились местные энтузиасты, смыслом жизни которых стало возрождение ительменского народа, они первым делом стали искать такие источники. Одним из них стало «Описание земли Камчатки» Стеллера. Именно по его описаниям оказались воскрешены многие праздничные обряды, танцы, ритуалы, бытовая культура. Именно от Стеллера люди узнали о родном прошлом и связали его с настоящим, а значит, и с будущим. «Благодаря Стеллеру живет наша культура, — говорят современные потомки ительменов. — Спасибо ему. Быть может, он сейчас слышит нас?»

Стеллерова корова

Предположительно портрет Г. В. Стеллера

Судьба была исполнена. Здесь ей угодно было поставить точку. Вот только вопрос: почему эта точка вышла столь печальной? Спрашивать, впрочем, особенно не у кого.

О последних месяцах жизни Стеллера писать тяжело. Не оставляет ощущение какой-то страшной внутренней катастрофы. Бывают резиновые люди — гни их в любую сторону, они лишь улыбнутся в ответ. Стеллер был железным человеком, он мог вынести нечеловеческие нагрузки, но наступал предел, сверх которого железо просто ломается. Способствовало этому, видимо, и то, что в свои последние месяцы он оказался как бы выдернут из состояния постоянного созидания, позволил себе расслабиться, передохнуть. Отдых людям такого калибра противопоказан.

Мы знаем лишь одно. После освобождения из-под стражи в Таре (этот сюжет в двух словах описан в предисловии к нашей публикации) Стеллер по пути на запад остановился на три недели в Тобольске. Здесь его окружили теплом и симпатией, и Стеллер, то ли радуясь своему освобождению, то ли заглушая невыносимую боль от чудовищного ему непризнания

научных своих заслуг в столице, увлекся возлияниями. Всю дорогу в Тюмень он продолжал алкогольные упражнения. По свидетельству очевидцев, все это время он жаловался, что жить больше не хочет. Что карьера не задалась, а научная деятельность никчемна. Погода стояла холодная, и Стеллер сильно простыл. В Тюмени его пытались выводить находившиеся там два корабельных лекаря Второй Камчатской экспедиции, но ничего не помогло — Стеллер сгорел в считанные дни.

Священник запретил похороны протестанта на православном кладбище, и Стеллера похоронили на крутом берегу Туры. Тело перед этим завернули в дорожную красную мантию с золотыми нашивками. В ту же ночь могила была осквернена, мантию с покойника содрали, а голое тело бросили рядом. Повторно похоронив Стеллера, его друзья, чтобы больше не соблазнять злоумышленников, положили на могилу массивную каменную плиту. Спустя тридцать лет поклониться праху Стеллера сюда приходил академик П. С. Паллас. После этого могилу потеряли — ее снесла вода в один из мощных паводков.

На этой минорной ноте (не без некоторого метафизического громыханья где-то вдали) закончилась земная судьба замечательного ученого.

Когда размышляешь о ней, невольно вспоминаешь «Железную волю» Лескова. Георга Стеллера вряд ли можно назвать двойником Гуго Пекторалиса, Стеллер

слишком жизнерадостен и бесшабашен для этого. Но сам образ немецкого «железа», намертво вязнущего в русском «тесте», многое может объяснить. И лежит это как-то вне оценочных характеристик: «Железо хорошо, а тесто плохо», или наоборот. Всеу свое время и свое место. Неслучайно и то, что лесковская повесть была впервые переиздана и как бы обрела второе дыхание в годы Великой Отечественной войны. Во всяком случае, тут есть, о чем подумать.

Морские котики на о. Беринга. Фото У. Ванхофа

Судьба Стеллера страшна и прекрасна. И где нам взять те беспристрастные весы, которые бы честно взвесили точную меру того и другого, ответив при этом, стоило все-таки и ли не стоило молодому Стеллеру отправиться в неведомую Россию? Такие весы нам взять негде. Мы не боги, и судеб человеческих нам изменить не дано. Но представим на минуту: тот самый профессор Хофман, о котором речь шла в самом начале нашего рассказа, все-таки уговаривает короля Фридриха Вильгельма принять Стеллера профессором по кафедре ботаники. У короля хорошее настроение, он встал с правой ноги, он встречает юного ученого с распростертыми объятиями и ведет за руку к ликующим студентам. Далее все представимо и расчислено на долгие годы вперед... И никакой России, никакой Камчатки, никакой Аляски. Выразить отношение к такому повороту судьбы — личное дело каждого читателя. У нас же, как бы жестоко это кому-нибудь не показалось, все внутри протестует против такого варианта... Толковых ученых в Германии были сотни (если не тысячи), а Стеллер в России был один. Он счастливо попал в свою судьбу, как шар в бильярдную лузу. И прожил ее по максимуму, обогатив русскую и мировую науку.

Другое дело, что вклад этот долго лежал под спудом. Вспомним еще раз тяжелый камень, положенный на его могилу. Точно такой же камень, образно говоря, лег и на его труды. Настало время, и мы этот камень понемногу приподнимаем.

КАМЧАТСКАЯ

ЭКСПЕДИЦИЯ
СЕКТОРА ФОЛЬКЛОРА
НАРОДОВ СИБИРИ
И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА
ИНСТИТУТА
ФИЛОЛОГИИ СО РАН

Фотографии К. Сагалаева

ВТОРАЯ КАМЧАТСКАЯ

ЭКСПЕДИЦИЯ — НАУЧНЫЙ ПОДВИГ XVIII СТОЛЕТИЯ

О ПРОЕКТЕ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ИСТОРИИ СИБИРИ

В начале XVIII столетия одним из первых в Европе центров по изучению России был немецкий город Галле. Между университетом Галле и Российской Академией наук развились многочисленные контакты. Август Герман Франке (1663–1727 гг.), теолог и лингвист, учредил сиротские приюты и школы, а также Фонд Франке, финансируемый на средства от торговли лекарствами, печатного цеха, книжного магазина, издательства и недвижимости. Под влиянием идей начала эпохи Просвещения Франке разработал выдающуюся систему образования, которая привлекла интерес людей всего мира, в том числе и Петра I. В России при помощи Франке его последователями были основаны начальные школы, например, в городах Нарва, Альп, Астрахань и Тобольск; причем школа в Тобольске была вообще первой в Сибири школой.

Одним из учителей в школе Франке в Галле был Георг Вильгельм Стеллер, впоследствии один из участников Второй Камчатской экспедиции.

В 1992 году в Галле небольшая группа ученых приступила к изучению немецко-русского научного сотрудничества в XVIII в., в частности, работ и научных результатов, полученных учеными, отправленными Российской Академией наук во Вторую Камчатскую экспедицию. В 1996 г. там же, при участии ряда учреждений и музеев из России и других стран, была организована выставка, посвященная памяти Георга Вильгельма Стеллера. Прошла и первая Международная конференция, посвященная Стеллеру, которая дала новое понимание важности исторических исследований деятельности участников Второй Камчатской экспедиции учеными, работающими сегодня в области географии, геологии, ботаники, зоологии, истории и этнологии Сибири и России. Так возникла идея серии публикаций Фонда Франке и филиала Архива Российской Академии наук в Санкт-Петербурге — главным образом, ранее неопубликованных документов и рукописей Второй Камчатской экспедиции, издаваемых параллельно на русском и немецком языках в России и Германии. Была сформирована структура сотрудничества, куда вошли

ВИЛАНД ХИНТЦШЕ

Доктор Элизабет Хинтцше и доктор Виланд Хинтцше

многочисленные учреждения из России, Германии, Дании, США и других стран. На сегодняшний день в серии «Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven» (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов) опубликованы следующие тома: том I. Письма и документы Г.В. Стеллера 1740 г. (немецкое и российское издания); том II. Путевые журналы и географические описания Г.В. Стеллера, С.П. Крашенинникова и И.Э. Фишера 1735–1743 гг. (немецкое издание); том III. Письма и документы Г.В. Стеллера 1739 г. (немецкое издание); том IV, часть 1. Документы Второй Камчатской экспедиции 1730–1733 гг., морские отряды (российское издание); том IV, часть 2. Документы Второй Камчатской экспедиции 1730–1733 гг., академический отряд (немецкое издание); Том V. Документы Второй Камчатской экспедиции: январь–июнь 1734 г., академический отряд (немецкое издание).

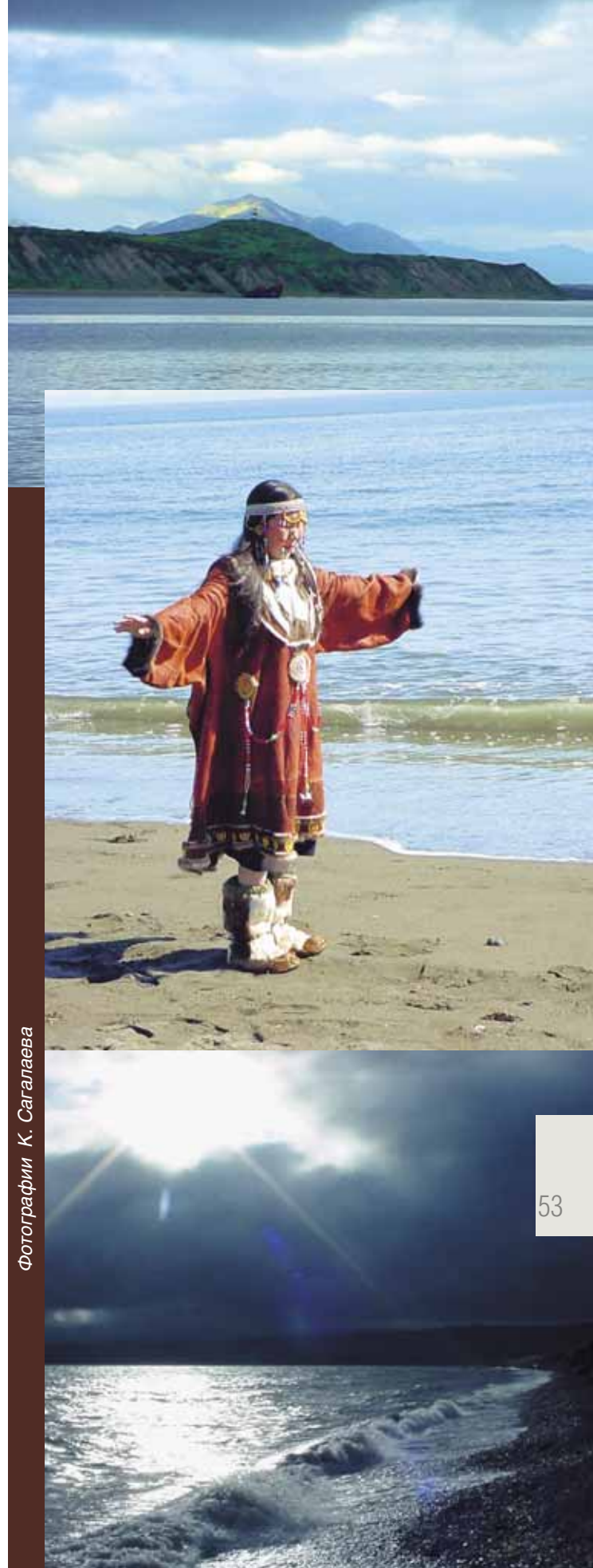
Сейчас ведется работа над несколькими последующими томами данной серии. Среди них «Иркутская флора» Георга Вильгельма Стеллера — первое научное

описание флоры Байкальского и Трансбайкальского региона. В 1739 г. Стеллер описал более 1150 видов растений этого региона и среди них — множество новых видов. В одном из томов представлены географические описания Красноярского, Енисейского и Иркутского регионов, сделанные Г.В. Стеллером, И.Г. Гmeliным, Г.Ф. Миллером и И.Э. Фишером. Готовится к печати и путевой журнал Стеллера, охватывающий период с момента его отъезда из Санкт-Петербурга в 1737 г. до прибытия в Енисейск. Этот журнал с XVIII в. считался утраченным, но недавно был найден доктором В. Хинтцше в Санкт-Петербурге. Американский зоолог Л. Штейнегер в своей знаменитой биографии Стеллера писал об этом журнале: «Во время своего длительного путешествия из Санкт-Петербурга в Охотск, на которое ушло почти три года, Стеллер вел дневник, <...> который был, к сожалению, утрачен. Если бы его хранили с такой же скрупулезностью и усердием, с которыми он писал свой дневник, какие замечательные заметки мы бы имели о людях и условиях времен Второй Камчатской экспедиции!»

Сейчас доктор А. Элерт (Новосибирск) и доктор В. Хинтцше (Галле) совместно готовят к печати двухтомное издание этнологических рукописей Г.Ф. Миллера. Миллер развил идеи по универсальному описанию всех народов мира и рассматривал свои произведения как первый шаг к созданию такого описания. После публикации его экспедиционных рукописей, безусловно, должна произойти переоценка приоритетов в истории становления этнологии как науки, в том смысле, что она была основана не А.В. Шлецером, а, видимо, тридцатью годами ранее, — Миллером. Первый том этого издания с «Описанием сибирских народов» Миллера находится в печати.

В данном проекте по сотрудничеству ведущими являются: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Институт истории СО РАН, (г. Новосибирск), университет Копенгагена (Дания) и Фонд Франке в Галле (Германия).

И ремарка: в 2005 г. международное научное сообщество широко (от Галле до Якутска) отметило 300-летний юбилей «отца сибирский историографии» Г.Ф. Миллера. В 2009 г. в России и Германии планируется ряд конференций и симпозиумов, посвященных 300-летию юбилею Г.В. Стеллера и И.Г. Гмелина. Активное участие в подготовке этих мероприятий принимает созданное в 2007 г. Международное общество Георга Вильгельма Стеллера, президентом которого является давний друг России и российских ученых, занимающихся историей Второй Камчатской экспедиции, доктор Элизабет Хинтцше.

Фотографии К. Сагалаева

А.Х. ЭЛЕРТ

писание СИБИРСКИХ НАРОДОВ

Герарда Фридриха Миллера

Российским любителям истории это имя практически неизвестно, а если и известно, то более всего — в связи с борьбой М.В. Ломоносова против так называемой «норманской» теории происхождения Древнерусского государства, одним из «отцов» которой и был Герард Фридрих Миллер. Тем не менее, в 2005 г. международное научное сообщество широко отметило 300-летний юбилей со дня рождения немецкого ученого, работавшего в России. Значит, заслуги его перед наукой стоят того? Вопрос более чем уместный. Давно пора, избавляясь от инерции не выдержавших испытания временем исторических клише, пересмотреть взгляды на великого немца, столь многое сделавшего для становления и развития российской науки.

Герард Фридрих Миллер родился 18 октября 1705 г. в германском городе Герфорде в семье ректора гимназии. По окончании гимназического курса он изучал философию и изящные искусства в университетах Рингельна и Лейпцига. В Лейпциге Миллер стал учеником И.Б. Менке, известного философа, историка, издателя исторических памятников и журналиста.

Знакомство с Менке предопределило сферу научных интересов Миллера и, по сути, его судьбу. В 1725 г., получив степень бакалавра, Миллер почти сразу же отправился в Петербург, где в этом году была открыта Императорская Академия наук. Пригласил его туда петербургский академик И.П. Коль, бывший сотрудник Менке. Коль считал, что со временем Миллер может занять пост библиотекаря Академии. Однако прогноз Коля явно не соответствовал неординарным дарованиям Миллера: уже в январе 1731 г., в двадцатипятилетнем возрасте, того назначили профессором Академии. Позже, оставаясь профессором, Миллер исполнял обязанности конференц-секретаря Академии, возглавлял Московский воспитательный дом и Архив Коллегии иностранных дел (ныне — Российский государственный архив древних актов).

За 58 лет жизни в России (Миллер принял в 1748 г. российское подданство, скончался же в 1783 г. в Москве) ученый успел сделать невероятно много. С его именем неразрывно связано рождение исторической науки в России: в XIX веке некоторые российские историки называли Миллера не иначе как «отец русской истории».

К этому званию прибавим еще одно — «отца сибирской истории», — которое никем не оспаривается. Впрочем, история — главное, но не единственное пристрастие Миллера. Вот далеко не полный перечень других его увлечений: археология, источниковедение, архивное дело, эпиграфика, этнография, лингвистика, археология, география, историческое краеведение, картография, геополитика, дипломатия, издательское дело, журналистика, экономика. «Великий трудолюбец», «самый трудолюбивый из русских академиков» (так характеризовали Миллера и столетие спустя после его смерти) основал целый ряд новых научных направлений — в своих теоретических и практических разработках зачастую значительно опережая свое время.

По мнению некоторых исследователей на рисунке изображен Герард Фридрих Миллер

- 1 — Тюмень
- 2 — Тобольск
- 3 — Омск
- 4 — Семипалатинск
- 5 — Томск
- 6 — Туруханск (Мангазея)
- 7 — Енисейск
- 8 — Красноярск
- 9 — Абакан
- 10 — Иркутск
- 11 — Кяхта
- 12 — Чита
- 13 — Нерчинск
- 14 — Аргун
- 15 — Якутск
- 16 — Нарым
- 17 — Сургут
- 18 — Березов

Тунгус с татуировкой.
Георги И.Г. Описание всех обитающих
в Российском государстве народов. —
СПб., 1799. — Т. 4

Шаман и шаманка.
Народы России: Живописный
альбом. — СПб., 1880

Важнейшей вехой в научной судьбе ученого явилось его путешествие по Сибири в качестве неофициального руководителя академического отряда Второй Камчатской экспедиции 1733–1743 гг. Сам Миллер всегда с благодарностью вспоминал об этом периоде своей жизни. «Никогда потом, — писал он, — не имел я повода раскаиваться в моей решимости, даже и во время тяжелой моей болезни, которую выдержал в Сибири. Скорее, видел я в том как бы предопределение, потому что этим

путешествием впервые сделался полезным Российскому государству, и без этих странствий мне было бы трудно добыть приобретенные мною знания».

Миллер посетил все уральские и сибирские уезды, обследовал архивы увиденных им городов и за 10 лет путешествий собрал огромный массив ценнейших материалов по истории, экономике, географии, демографии, археологии, этнографии и языкам сибирских народов. Укажем лишь некоторые из этих материалов.

Миллер обнаружил и приобрел для Академии почти все известные в настоящее время сибирские летописи (в том числе и знаменитую Ремезовскую). Под его руководством в сибирских архивах было скопировано около 10 тысяч документов по истории Сибири, что оценивается современными исследователями как «архивный подвиг» ученого. Подлинники этих документов большей частью сгорели или были уничтожены в XVIII–XIX вв. — именно Миллер сохранил их для будущего. Составленные Миллером словари языков и диалектов почти всех народов Сибири и сейчас являются важнейшим источником для лингвистов, причем по некоторым народам, ассимилированным уже в XVIII в., — единственным.

В экспедиции и после ее завершения Миллер написал десятки трудов, посвященных Сибири. Среди них — фундаментальная «История Сибири» в 4-х томах, «География Сибири» в 2-х томах, «Описание сибирских народов» в 2-х томах. На всякую возникающую научную проблему он мгновенно откликнулся монографией или статьей. До сих пор переведена на русский язык и опубликована лишь часть этих работ — так, из перечисленных трудов изданы лишь первые два тома «Истории Сибири».

С особым увлечением Миллер занимался этнографическими изысканиями, что, по его словам, было ему «вместо отдохновения». Он впервые предпринял попытку комплексного сравнительного изучения этнической истории, языков, материальной и духовной культуры сибирских народов. О том, какие задачи Миллер ставил перед собой и своими сотрудниками в ходе полевой работы, лучше всего свидетельствует его программа «Показание, каким образом при описании народов, а паче сибирских, поступать должно», написанная в 1740 г. В документе, состоящем из 923 статей, он сформулировал цели и методы этнографической работы. Научный уровень и подробность этой программы таковы, что исследователь начала XXI в. найдет очень мало проблем современной этнографии, о которых бы не было заявлено в этом удивительном памятнике XVIII в. Именно в Сибири Миллер заявил, что этнография является «настоящей» — самостоятельной — наукой. Как в воду глядел.

Задачи, поставленные Миллером в области изучения коренных народов Сибири, нельзя не признать грандиозными. Столь же масштабной была и его деятельность, направленная на решение этих задач. В нее входили сбор архивных материалов по этнической истории, анкетирование местных канцелярий, опросы информаторов из числа русских и коренных жителей, личные наблюдения, составление этнографических коллекций. Результаты этой работы отражены в полевом дневнике ученого, насчитывающем около 2,5 тысячи (!) страниц, а также в других экспедиционных рукописях. Оценка

подлинного значения деятельности Миллера-этнографа — дело ближайшего будущего (и, добавим, дело нашей чести). В настоящее время его основные этнографические труды готовятся к изданию на русском и немецком языках. Но даже те архивные материалы, которые введены в научный оборот в последние годы, позволили ряду исследователей в России, Германии, Голландии, Франции сделать вывод о том, что наука этнография родилась не в Западной Европе, как считалось ранее, а в России. А еще точнее — в Сибири. И у этой науки есть законный отец — Герард Фридрих Миллер.

В этнографических текстах Миллер с особой симпатией писал о «лесных» народах Сибири. Среди важнейших качеств, органически им присущих, он называл естественную доброту, сострадание к сородичам, неспособность наносить сознательные обиды и т. д. Эталон моральности для ученого представлялись тунгусы (эвенки и эвены). Пожалуй, Миллер первым из отечественных ученых смог увидеть в бедных кочевниках тайги подлинных рыцарей чести, во многом способных показать пример искусственным в аморализме европейцам.

Такое отношение Миллера к сибирским аборигенам шло вразрез с привычными взглядами той эпохи. Его не разделяли даже ближайшие соратники ученого. Тот же И. Г. Гмелин, спутник Миллера в сибирских скитаниях, писал о тунгусах Илимского уезда: «Наконец, что касается нравов этих тунгусов, то они являются нечистоплотным, неотесанным и грубым народом. У них нет больших пороков, но, как я полагаю, скорее из-за недостатка возможностей для этого, нежели из-за природного отвращения к ним».

Ниже мы публикуем фрагменты нескольких глав «Описания сибирских народов», дающие живую картину жизни тунгусов. Эти страницы становятся еще более любопытны, если обратить внимание на их, если можно так выразиться, «двухвекторность». Они рассказывают не только о сибирских аборигенах, но дают представление о личности самого автора. Перед нами возникает фигура подлинно гуманистическая. Миллер представляет читателю не жалких «дикарей» и не идеализированные образы простодушных детей природы, а реальных людей, которые, при всех свойственных им очевидных недостатках, в лучших своих проявлениях вызывают уважение и даже восхищение.

При переводе курсивом выделены русские слова, написанные Миллером латинскими буквами.

Рыцари ТАЙГИ

Дешифровка и перевод с автографов Г. Ф. Миллера
А. Х. Элерта (РГАДА, фонд 181, дело 1386)

Внутренние принципы порядочности не развиты так сильно ни у одного народа, как у тунгусов. Среди них ничего не слышно о воровстве, мошенничестве или иных преднамеренных обидах. Они гостеприимны и щедры. Я не раз замечал у нерчинских тунгусов: когда я дарил самому знатному из них китайский табак, бисер или другие излюбленные ими вещи, то он делил все подаренное между присутствующими, и это делалось не из страха или по принуждению, а единственно из стремления к общности.

Строптивость и упрямство в начале занятия страны [русскими] наблюдались у некоторых народов в большей степени, чем у других. Остяки, особые языческие народы в Красноярском уезде и тунгусы подчинились новым хозяевам легче всего. Но из последних те, что относятся к Охотску, и тунгусы, живущие по Верхней Ангаре, неоднократно бунтовали и часто убивали рус-

Тунгус на охоте.
Георги И. Г. Описание всех
обитающих в Российском
государстве народов. —
СПб., 1799. — Т. 4

Г. Ф. МИЛЛЕР

Тунгусский храм
Народы России: Живописный
альбом. — СПб., 1880

ских. Причиной этого опять-таки отчасти было жестокое обращение со стороны русских начальников; отчасти это происходило, потому что их нередко грабили служивые и промышленные люди; отчасти — потому что они не хотели позволять русским охотиться на своей родной земле. Впрочем, некоторые племена тунгусов в Нерчинском уезде были приведены к покорности силой оружия...

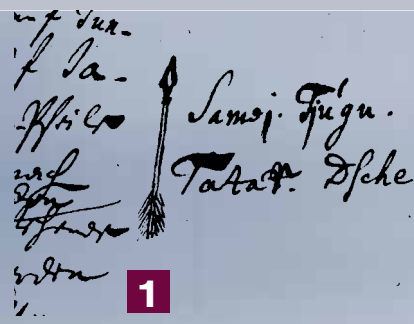
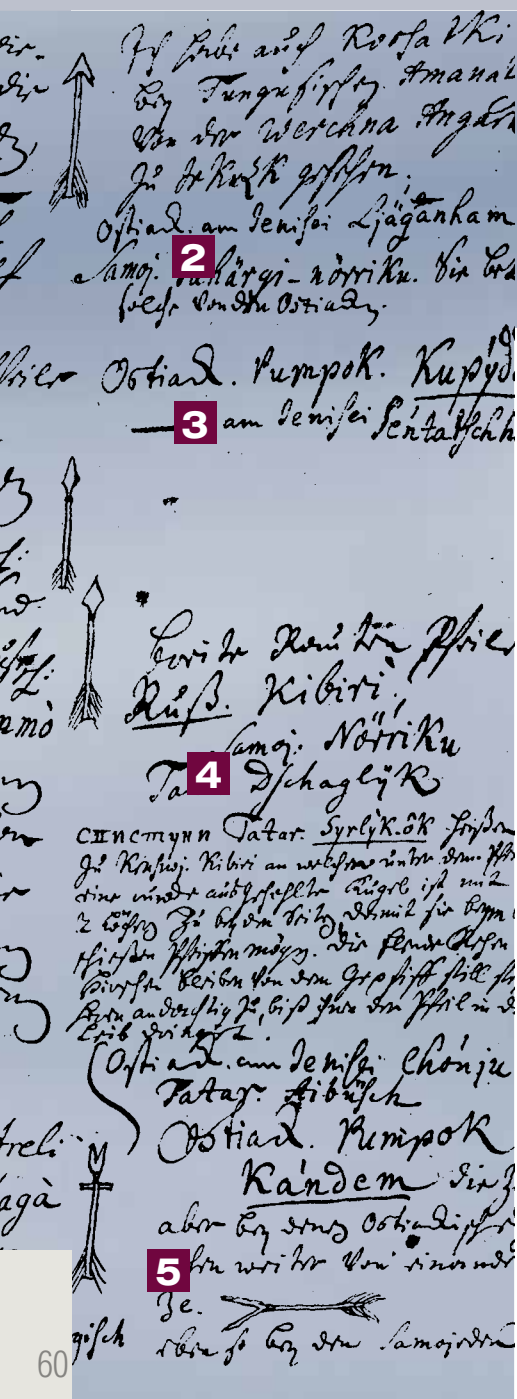
Из того, что какой-либо народ покорился добровольно, нельзя делать вывод о его малодушии. Более того, все тунгусы так храбры и мужественны, что им может позавидовать любой другой народ. Причина скорее в следующем. Те, кто кочует по лесам, большей частью держатся отдельными семействами. Поэтому у них было нетрудно захватить одного или несколько человек, которые были аманатами (или заложниками) и которых прежде держали во всех городах и острогах. Естественная доброта и искренность тунгусов, не желавших бросить аманатов на произвол судьбы, и являлись истинной причиной их покорности. Наоборот, у других народов, занимающихся скотоводством и тесно живущих в степях или поселениями, было не так легко получить аманатов: чтобы защитить своих, они оказывали сопротивление, и тогда, зачастую, не обходилось без кровопролития. Таким образом, строптивость нерчинских тунгусов и податливость тунгусов лесных имеют один и тот же корень. Случалось также иногда, что аманаты в острогах и зимовьях убивали русских казаков. Такой пример был лет 30—40 назад со стороны тунгусских аманатов в Майском зимовье. Но из этого вовсе не следует делать вывод против мнения о хороших природных свойствах тунгусов. Ибо известно, как сурово содержится большинство аманатов в зимовьях, так что они легко могут впасть в отчаяние.

Несправедливость, с которой относятся в Сибири к языческим народам, становится причиной того, что они очень робки. Во время нашего путешествия в Якутск мы встретили в Витимском округе нескольких туруханских тунгусов, возвращавшихся из района реки Витим, где они охотились, на свою родину на Нижней Тунгуске или Хатанге. Мы остановились около одной деревни (деревня Курейская) и увидели по другую сторону Лены тунгусов, идущих вдоль берега со всем своим имуществом. Но когда я отправил к ним посыльного с тем, чтобы они подождали меня, пока я к ним переправлюсь для расспросов, то все мужчины, шедшие впереди, сразу же

скрылись в горах. И остановить удалось только следующий за ними обоз с женщинами, детьми и оленями. После того, как я переправился и не обнаружил никого, кроме женщин и несовершеннолетних детей, я осведомился о мужчинах. Однако никто из них не пожелал появиться, только один показался издали на вершине горы, чтобы наблюдать за тем, что мы станем делать с их женами, детьми и вещами. Я отправил к нему толмача, пытался и сам к нему приблизиться, чтобы заверить его в полной безопасности и пригласить для беседы. Только он не подпускал к себе никого ближе, чем на 15—20 шагов, потому что все время пятился, угрожая стрелами и луком, который все время держал натянутым в руках. Правда, его главным извинением было то, что ему нечего дать мне в подарок. Я заверил его, что не прошу подарка, а сам хочу сделать ему подарки, но и это нисколько не помогло. Наконец он сказал, что у них прошел слух, будто бы в верховьях реки Лены убили тунгуса. И, казалось, он как будто подозревал нас в том, что и мы причиним ему большое зло, посадим под арест или будем бить, пока он не поделится с нами своим имуществом: стало быть, иногда такое случается. Женщины тем временем уже изрядно освоились с нами, пришли на наше судно и взяли от нас подарки, которые мы предназначали их мужьям.

У лесных тунгусов нет между собой иного суда или права, кроме определяемого луком и стрелой. Если оскорбление очевидно, то дело сразу переходит к схватке, и кто берет в ней верх, тот и прав. У них один вызывает другого как на дуэль. Но если дело не так ясно (например, в вопросе о распутстве или прелюбодеянии), то обвиняемый может оправдаться посредством принесения клятвы. Причина этого, видимо, в том, что у них нет князцов и все они равны; нерчинские же тунгусы и в отношении правосудия приняли обычаи монголов.

полости тела. Затем приносящий клятву спускает немного крови в берестяную посудину и делает из нее несколько глотков. Кровь пьется совсем горячей. На этом церемония еще не заканчивается. Далее приносящий клятву бросает собаку в специально разложенный вне юрт большой костер и говорит: «Как собака сейчас корчится в огне, так пусть и я скорчусь в годичный срок, если я совершил то, в чем меня обвиняют». Весь обряд происходит в присутствии многих свидетелей, которых созывает тот, кто приводит к клятве. Поэтому если приносящий клятву поклялся ложно, и его в течение года постигнет несчастье или приключится внезапная смерть, то это приписывается не тому, кто приводил к клятве, поскольку он находился в споре с противной стороной, а неизбежно возмездие за принесение ложной клятвы. По-видимому, тунгусы верят, что дух собаки входит вместе с горячей кровью в дающего клятву и осуществляет наказание.

Лесные тунгусы и другие народы, постоянно кочующие в лесах и в горах, — такие как остяки, котовцы, камашинцы и т. д. — имеют хижинны, состоящие из длинных шестов, которые внизу располагаются по кругу, а сверху соединяются вместе. Эти шесты они покрывают летом берестой, а зимой, если кто имеет средства, замшевыми лосиными шкурами. Среди них есть много бедняков, круглый год живущих под одной берестой.

У лесных тунгусов нет почти никакой другой посуды кроме той, что делается из бересты, разве только

они достают себе кожаные или деревянные посудыны у других народов. Для прочности они обтягивают их кожей, или рыбьими шкурами, или камасами и умеют приспособить так, что перевозят их на оленях с таким же удобством, как и кожаные бурдюки. Весь запас мяса, рыбы, муки и других съестных припасов держится в этих сосудах. По-тунгуски они называются Inmok.

Поскольку у всех языческих народов все очень нечистоплотно, то нельзя ожидать от них чистоты и в их домашней утвари. Котлы, блюда, кожаные и иные сосуды никогда не моются и не ополаскиваются. На реке Лене я однажды имел удовольствие принимать на своем дощанике целую компанию тунгусских женщин. А когда я между другими приятными для них мелочами велел дать им немного муки и мяса, то они тотчас же стащили с себя чулки, и как ни были они грязны, все же без малейших сомнений наполнили их этими припасами.

У них нет ничего сверх того, что вызывается требованиями крайней необходимости, и если по этому судить об их богатстве, то следовало бы считать их очень бедными. Однако они при этом довольны и сами не стремятся к изобилию, так как это было бы им лишь в тягость. Моралист оценит это выше, чем все сокровища цивилизованных народов.

Лесные тунгусы используют оленей только для перевозки тяжелых, а также чтобы возить на них своих жен и детей. Для этой цели у них имеются на оленях маленькие деревянные седла, похожие на описанные у лапландцев. Под седло кладется маленькое одеяльце из оленьей шкуры, а у тех оленей, на которых ездят верхом, поверх седла лежит еще необработанная оленья шкура. Они ездят верхом без стремян. Багаж навьючивают на оленей, привязывая его к седлам по обеим сторонам. Он состоит из бересты, которой они покрывают

свои юрты, и кое-какой домашней утвари — топора, котла, крюка, ложек и кожаных мешков для хранения одежды и съестных припасов. Все это находится под присмотром женщин: они навьючивают оленей и вновь их развьючивают, правят ими и гонят их в пути, а мужчины несколько об этом не заботятся.

Мужчина идет впереди с луком и с длинным охотничьим ножом, какие на сибирском языке называются пальмы. Им он прокладывает дорогу и защищается от диких зверей. При нем находится до трех собак, которые по пути выгоняют и ловят мелкую дичь.

Мужчина шествует в одиночку с утра до вечера или так долго, как ему вздумается, и отыскивает местность, где захочет установить свое жилище. Обоз из женщин и оленей движется по его следу. Когда они доходят до определенного места, то там и устанавливают вновь свое жилище. Такое место они обычно выбирают в лесистых местностях, чтобы поблизости можно было достать шесты для юрт (они никогда не возят их с собой) и чтобы не надо было носить издалека дрова.

Если тунгус рассчитывает на хорошую охотничью добычу там, где он расположился с семейством на ночевку, то он остается несколько дней и все время занимается тем, что совершает ради охоты небольшие путешествия то в одну, то в другую сторону. Иногда он отсутствует две, три или более ночей, а так как у него нет при себе юрты, то зимой на ночь он зарывается в снег и укрывается ветками, а летом ночует под открытым небом. Весь его домашний скарб составляют тогда, помимо обыкновенного охотничьего снаряжения, топор и маленький котел, которые он носит вместе с колчаном на спине. Когда он один, то сам варит себе и еду, что обычно входит в обязанности женщин.

Приходится удивляться, каким образом тунгусы в этих непроходимых чащах отыскивают дорогу и приходят в точности на определенное место. Однако тунгус умеет искусно отмечать путь. Летом вдоль своего пути он вырубает топором метки на деревьях на значительных расстояниях друг от друга. Женщины следуют по этим меткам. Зимой же ему помогают, прежде всего, следы на снегу, и если он пересекает чужую тропу, то кладет ветку или сук поперек этой тропы в знак того, что женщины не должны по ней следовать.

Лук для стрельбы стрелами у всех народов обычно имеет длину, равную росту его хозяина. Поэтому они применяют меру, которой служат распростерты руки, насколько их хватает. Лучшими луками являются те, которые ту же натягиваются и которые, следовательно, дальше стреляют. Если кто-либо хочет похвастаться своей силой, то он показывает, как натягивает свой лук. Это свойство лука зависит от материалов, образующих его спинку, так как именно они придают луку большую или меньшую упругость. Спинка лука склеивается из двух продольных частей. Внешняя сторона обычно

состоит из березовой древесины, а внутренняя, то есть обращенная к тетиве, делается из самого твердого лиственничного дерева. Такие луки называются по-русски креновые, потому что подобную лиственничную древесину русские именуют кренью.

Превосходными луками обладают нерчинские и якутские тунгусы, а также селенгинские монголы и брацкие. Эти луки с внутренней стороны вместо лиственницы или китового уса состоят из бычьих рогов. Они не производятся в Сибири, а привозятся из Китая. Продаются их русским поданным большей частью даурские народы. Якутские тунгусы покупают их во время своих охотничьих перемещений в верховья реки Зеи у тамошних тунгусов, подвластных Китаю, а затем перепродают якутам, у которых это оружие ценится до 3 рублей. Такие луки стреляют дальше всех, потому что ту же всего натягиваются и отличаются большой упругостью. Попадают среди них и составленные только из двух рогов, и они — самые лучшие.

Стрелы применяются различных видов. Некоторые из железа, иные из кости, иные из дерева, причем они различаются не только по материалу: есть и стрелы из одинакового материала, которые не похожи друг на друга и служат для разных целей, а потому имеют и особые названия.

Боевки 1 по-тунгуски *Dschaldiwun*, — это боевые стрелы. Они делаются из железа, по форме — узкие и заостренные, без направленных в противоположную сторону крючков, как показано на прилагаемом рисунке. Боевки применяются только на войне и на поединках, но никогда на охоте, поскольку, будучи очень узкими, не могут причинить зверю особенных повреждений, а кроме того, проникают в тело так глубоко, что их нельзя использовать во второй раз.

Косатки 2 — это боевые стрелы с направленными в противоположную сторону крючками. Они в Сибири малоупотребительны, но юкагиры, говорят, пользуются ими и на охоте. Я также видел косатки у тунгусских аманатов с Верхней Ангары в Иркутске.

Копейчатые стрелы 3 4 имеют вид ромба. Они бывают двоякого рода: одни из них узкие и называются по-тунгуски *Silè*; другие, широкие, называются по-тунгуски *Sodschi*.

Оргиши, или вильчатые стрелы 5, по-тунгуски *Pjelagà*, похожи на вилку. Снабжены двумя остриями и поперечной деревяшкой, предотвращающей глубокое проникновение в тело.

Долотчатые стрелы 6 по-тунгуски называются *Daptamà*.

Все вышеописанные стрелы изготавливаются исключительно из железа. Нижеследующие же состоят частью из дерева, частью из кости.

Тамары 7, болтообразные стрелы, по-тунгуски *Liki*, преимущественно делаются из дерева, но иногда

также и из кости. Их наконечник по своим размерам и форме напоминает небольшое куриное яйцо. Эти размеры обычно таковы, что наконечник удобно охватывать большим и указательным пальцами. У тунгусов и остяков переднее полушарие подобных наконечников часто бывает из кости и приклеивается.

Болтообразные стрелы 8 с пятью остриями (четыре — квадратом, и одно — посередине), по-тунгусски *Wakarà*, — преимущественно костяные (иногда кость заменяет твердая древесина). Все острия вырезаются из одного куска дерева или кости; с тем различием, что у брацких и у якутов среднее острие несколько длиннее прочих, а у тунгусов, наоборот, оно несколько короче.

Вильчатые болтообразные стрелы 9, по-тунгусски *Mumahik*, представляют собой обычные болтообразные стрелы, но только у них впереди на наконечнике прикрепляется острие от железной вильчатой стрелы.

Ромбические болтообразные стрелы 10, по-тунгусски *Morò*, делаются так, что на стрелу с болтообразным наконечником помещается железное ромбовидное острие.

Острые костяные стрелы 11, по-тунгусски *Dschiran*, — длинные, острые и узкие; с одной стороны они округлые, а с другой — выдолбленные.

Тунгусы носят на левом рукаве, чуть повыше сгиба пальцев, округлую выкованную железную пластинку. Когда они стреляют из лука, то тетива сильно бьет по руке в этом месте, и без такой пластинки руку можно сильно поранить. Эта железная пластинка по-русски называется наручина.

Самые большие мастера в стрельбе — тунгусы. Они почти никогда не стреляют в зверя иначе, как в грудь, и умеют при этом по желанию попадать или в сердце, или в легкое.

Впрочем, и другим народам нельзя совершенно отказать в искусстве стрельбы из лука. Все они — по крайней мере, в определенное время года — занимаются охотой, и им поневоле приходится постоянно упражняться в стрельбе. А то, что тунгусы имеют в этом превосходство над другими, основывается, по видимому, как раз на том, что они охотятся круглый год. Я говорю про лесных тунгусов, хотя за нерчинскими и другими тунгусами (скотоводами) обычно также признается превосходство над прочими народами в мастерстве стрельбы.

Большой охотничий нож, которым пользуются тунгусы и который у них называется *Oppertun*, имеет длину почти в аршин и ширину в хороших два пальца. Рукоятка ножа, длиной в полтора-два аршина, при ходьбе служит им в качестве палки. Вообще же, этот охотничий нож применяется обычно для защиты в лесу в случае, если на охотника нападает дикий зверь (медведь, волк, тигр и т. п.), а стрел у него недостаточно. Тунгус или якут не страшится с таким охотничьим ножом высту-

пать против самого свирепого медведя. Исход такого поединка бывает разным; иногда смельчаку его отвага стоит жизни. Большие охотничьи ножи тунгусов идут в дело и при переселениях, когда следующие впереди обоза мужчины расчищают ими дорогу в непроходимой чаще.

Одна из забав лесных тунгусов состоит в том, что они прыгают через сложенные кучи дров. Другие забавы — стрельба в цель из лука и поединки на специально делаемых для этого деревянных охотничьих ножах. К забавам и развлечениям можно отнести также рассказывание друг другу сказок. Этим тунгусы нередко занимаются в свободное время. Простодушие народного ума особенно проявляется в этих сказках, поэтому я хочу привести здесь одну из сказок лесных тунгусов.

Три брата идут из юрты к медвежьей берлоге. Младший из них глуповат и, увидев в берлоге медведя, бежит прочь. По дороге он падает около торчащей вверх кривой лесины. Голова его оказывается как раз на этой лесине, отчего он совсем цепенеет. Тем временем два других брата уложили медведя, но так как им одним не под силу донести его до дома, то они отрезают от его туши лишь кусочек сала и бегут к своему глупому брату, которого находят оцепеневшим в упомянутом положении. Они раскрывают ему рот и засовывают туда медвежье сало. Он тотчас оживает, ест сало, нахваливая его. «Откуда у вас, — спрашивает он, — такое кушанье?» Они отвечают: «От медведя, которого мы завалили и оставили в лесу». «Эй, — восклицает глупый брат, — давайте поспешим и отнесем медведя к юрте!» Они все бегут к медведю и пытаются его тащить, но у них ничего не получается. Дурак говорит: «Вы мне только мешаете. Я понесу тушу один», — берет медведя на плечи и несет к юрте. Тогда другие братья говорят ему: «Надо пригласить гостей». Он отвечает, что это ни к чему, и в одиночку пожирает медведя вместе с кожей, шерстью и костями.

Лесные тунгусы часто ссорятся между собой. Кончается это, как правило, жестокими схватками. Если один убьет другого, то весь род, к которому принадлежит убитый, принимает это на свой счет, снаряжается на битву и требует удовлетворения. Если обвиняемая сторона признает свою вину и готова дать удовлетворение, то они договариваются о головщине, обычно состоящей из одной или двух девушек и нескольких оленей. Если же стороны не приходят к соглашению, то начинается настоящая война. Весь род обвиняемого, считающего себя невиновным, встает на его защиту, а иногда бывает и так, что каждый противник призывает на помощь соседние тунгусские роды.

Тунгусское вооружение — это, прежде всего, луки и стрелы. Кроме того, тунгусы носят панцири, закрывающие всю левую сторону тела, поскольку она более подвержена поражению — как сзади, так и спереди до

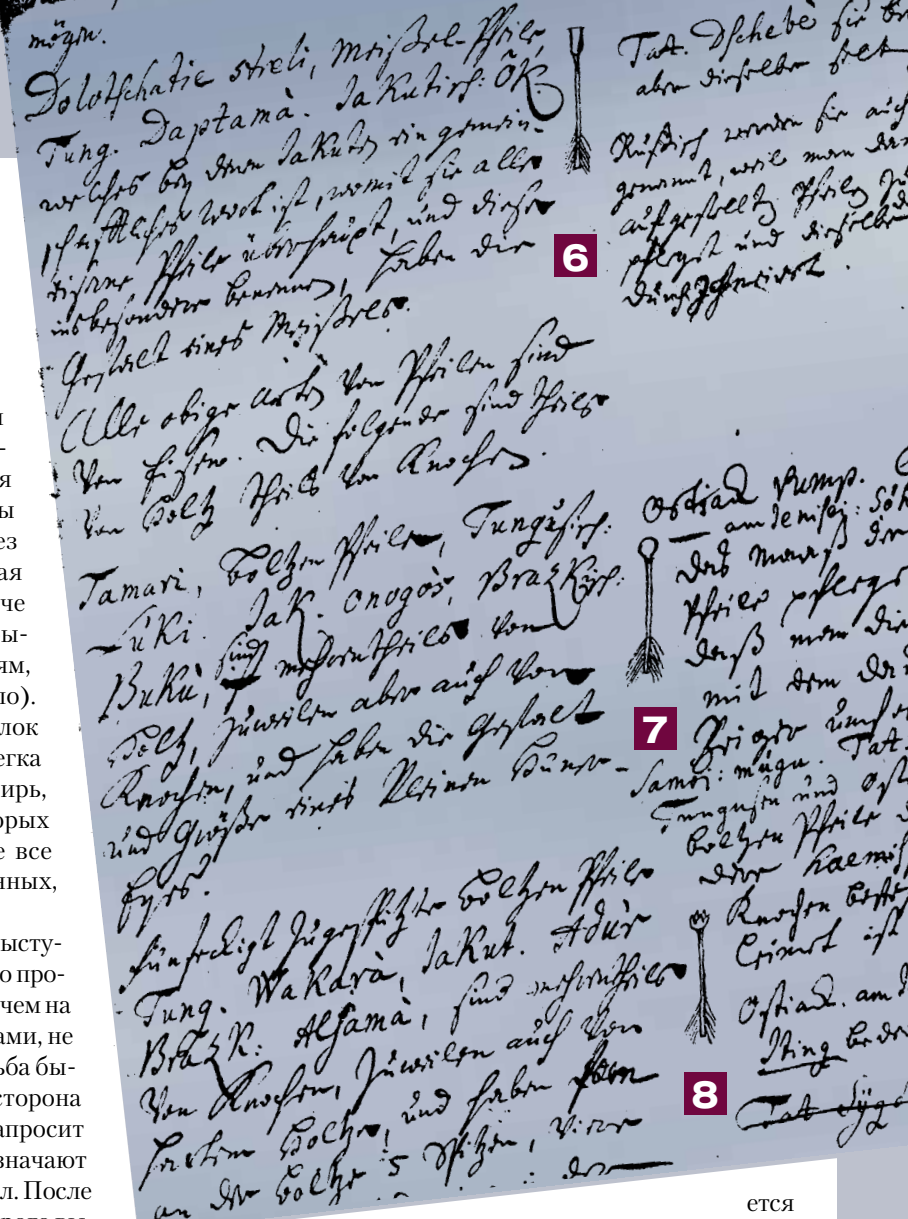
колен. Эти панцири составлены из многочисленных закрепленных на коже тонких железных бляшек, каждая из которых имеет несколько вершков в длину и всего четверть вершка в ширину. Они соединяются между собой в ряды при помощи ремней таким образом, что свисают вдоль тела. Один ряд закрепляется над другим, причем верхний ряд покрывает верхний край нижнего; для удобства скрепления и соединения бляшки по каждому краю сторон снабжены тремя отверстиями сверху и снизу. Через такой полупанцирь просовывается левая рука, дополнительно защищенная на плече деревянной дощечкой. Эта дощечка прикрывает руку до локтя и не мешает ее движениям, потому что является подвижной (как крыло). Таким же образом тунгусы защищают затылок и плечи. На голове они носят круглую и слегка заостренную шапку, покрытую, как и панцирь, мелкими железными бляшками. У некоторых имеются и полные панцири, облегающие все тело. Они делаются по образцу вышеописанных, но для облегчения веса более коротки.

В военных стычках одна партия тунгусов выступает против другой в боевом порядке. Однако противники редко подходят друг к другу ближе, чем на лучший выстрел, и действуют только стрелами, не переходя к рукопашной схватке. Эта стрельба бывает очень жестокой, и обычно обиженная сторона не уступает до тех пор, пока противник не запросит о переговорах. Предложение переговоров означают несколько выпущенных болтообразных стрел. После этого назначается перемирие, во время которого выработывается мирное соглашение и устанавливается головщина.

В своих военных действиях тунгусы применяют по большей части долотообразные стрелы.

Когда тунгусы на Нижней и Подкаменной Тунгуска идут в бой друг против друга, они зажигают на расстоянии 20—30 сажень два больших костра, называемых по-тунгусски *Golún*. Посередине между этими кострами два шамана (от каждого противоборствующего рода) совершают свои обычные камлания с битьем в бубен и вызыванием чертей, чтобы с их помощью одержать победу. В момент наивысшего возбуждения шаманы начинают бороться друг с другом, и та сторона, шаман которой победил в этой схватке, тем самым ободряется и твердо верит, что ее ждет военная удача. Как только камлание заканчивается, начинается бой. Противники при этом не пересекают линию своего костра, сражаясь только посредством стрельбы из луков.

Ни у одного народа свадебные торжества не обставляются так скупо, как у лесных тунгусов. Это обуславлива-

Автограф Г. Ф. Миллера. РГАДА, ф. 181, д. 1389, ч. 1

ются их образом жизни. Они живут очень разбросанно и никогда не имеют больших запасов для угощения гостей. Поэтому на свадьбе у них редко присутствует кто-то помимо тех двух семей, которые роднятся между собой через этот брак. Если же случается, что поблизости оказывается еще кто-либо, то и того все же не обходят приглашением. Правда, только в случае, если на угощение чужого хватит запасов мяса.

Невесту принуждают к первому совместному брачному сожителю только насильем. Она сама не снимает свои штаны, но жених должен силой сорвать их с нее. Некоторые девушки, говорят, завязывают свадебные штаны еще большим числом ремней, чем обычно, чтобы затруднить работу жениха. Тунгусы считают особой честью и доказательством целомудрия, если невеста храбро обороняется. Слабосильный жених, бывает, лишь спустя много ночей после свадьбы добывается своего. Но даже и при состоявшемся браке вплоть до преклонного

возраста муж должен развязывать ремни и снимать с жены штаны, ибо тунгусы считают постыдным, когда жена делает это сама. Такой обычай принят у большинства местных народов, но только в первую ночь у них не бывает такого сильного сопротивления...

Обыкновенное распутство между неженатыми лицами у сибирских народов не особенно распространено, потому что, во-первых, они рано женят своих детей и еще раньше обручают их; во-вторых, большая часть народов позволяет помолвленным легальное сожительство; в-третьих, в случае распутства и мужчины, и женщина подвергаются опасности, о чем будет сказано ниже. Гораздо более обыденными являются внутрисемейные прелюбодеяния. Редко когда мачеха не грешит со своими пасынками, а жена старшего брата — с младшими братьями своего мужа. Как на то, так и на другое смотрят сквозь пальцы,

Автограф
Г. Ф. Миллера.
РГАДА, ф. 181,
д. 1389, ч. 1

поскольку все равно после смерти отца и старшего брата мачеха и вдова брата достаются пасынкам и младшим братьям.

Во время нашего пребывания в Илимске к правителю города с верховьев реки Илима явился старый тунгус лет 70-ти с жалобой, что он застал сына у своей молодой жены и любовники отколотили его. Старик требовал наказать провинившихся. Их привели. Сыну было от 30-ти до 40 лет, а женщине не исполнилось и 30-ти. Они без колебаний признали свое преступление, причем сын сделал это с усмешкой, а женщина — с некоторым смущением. Мы их спросили, давно ли они занимают этим делом. Сын ответил утвердительно, добавив, что отец всегда знал об этом, но только теперь застиг их и хотел поколотить, так что они лишь защищали свою жизнь. Мы спросили женщину, не побудила ли ее к разврату неспособность старого мужа к сожительству, но от нее нельзя было добиться ни слова. А сын ответил за нее выражением «чему быть». Сына по просьбе отца били батогами, женщина же не получила никакого наказания, так как старик возражал против этого и говорил, что она ее слишком любит, чтобы позволить ее столь жестоко наказывать. Молодая пара обещала старику исправиться, и после этого все трое отправились восвояси.

Ни один народ не бывает так шепетилен и ревнив в этом отношении, как тунгусы. Своих семейных они обычно щадят, но если застанут со своими женами кого-либо чужого, то бьют его до тех пор, пока не убьют. В случае малейшего подозрения обвиненное лицо мужского пола должно либо оправдаться клятвой, либо ему грозит смерть.

Спят тунгусские муж и жена особым образом. Они лежат оба на боку головами в разные стороны и переплетаясь ногами. При этом они покрываются одним одеялом, верхний и нижний концы которого закрывают их плечи. Когда супруги устают лежать на одном боку, то переворачиваются одновременно на другой бок; особенно часто это делается зимой из-за мороза в их холодной юрте. Таким образом, они попеременно поворачиваются разными частями тела к горящему очагу.

Поскольку тунгусы во всем обнаруживают большее постоянство, чем другие народы, то, следовательно, и роды у тунгусских женщин происходят весьма своеобразно. Тунгусы часто находятся в пути. Схватки у женщин начинаются иногда прямо в дороге. Обоз в этом случае даже не останавливается. Женщина слезает со своего оленя, отходит немного в сторону от тропы с одной или несколькими своими созванными для помощи подругами и рождает. Будь то зима или лето — это безразлично. В самую сильную стужу, снег, ветер или дождь тунгуска рождает под открытым небом. Завернув сразу после этого ребенка в тряпки, положив его в заранее приготовленную колыбель и привязав ее сверху к оленю, она сама вновь садится на оленя верхом

и продолжает путь, как будто с ней ничего не случилось. При этом существует суеверие, что дорога, по которой проехала только что родившая женщина, несчастлива для других людей. Поэтому роженица должна ехать поодаль от остального обоза, а если мужу или кому-либо другому из компании встретится даже самая лучшая дичь с ее стороны, то никто не решится ее преследовать, переходя через эту дорогу.

Роды, происходящие на стоянке, имеют свои особенности. Но и в этом случае женщина рождает под открытым небом, потому что тунгусы полагают, что такое нечистое дело осквернит юрту. Они раскладывают вне юрты костер. Летом он бывает небольшим и разводится только ради выполнения обычая; зимой же, когда существует недостаток тепла, на костер не скупятся. Перед этим костром женщина и рождает, встав на колени или на корточки, а повивальная бабка делает свое дело, охватывая сзади живот роженицы и нажимая на него до тех пор, пока не появляется ребенок. Женщина имеет право вернуться в юрту, только когда отойдет послед. Иногда этого приходится ждать по пять дней, а на улице стоит сильнейший мороз, но обычай незыблем. Некоторые, кто очень любит своих жен, устраивают им зимой маленькие хижины из ветвей, где и происходят роды.

Сразу после родов роженица моется сама и умывает ребенка теплой водой. А когда пройдет послеродовой период, длящийся у них обычно один месяц, она моется вторично и после этого снова считается чистой. Во время послеродового периода женщина носит самую плохую одежду, в которую облачается заблаговременно перед родами. По окончании этого периода она вешает одежду в лесу на деревья, где та и должна сгнить. Пока женщина считается нечистой, она имеет в юрте особое место, где должна сидеть и спать. Муж в это время не садится близко к ней. Посередине между ними кладется полено.

Простые люди в Сибири разносят небылицы, будто бы тунгусы сразу после рождения ребенка закапывают его зимой в снег и оставляют так лежать на несколько часов, чтобы он лучше закалился. Я слышал это от многих людей, а когда спрашивал самих тунгусов, то они совершенно отрицали эти рассказы.

Относительно обучения, которое получают дети в юности от своих родителей, можно судить по их собственным умениям и образу жизни... Те из татар, которые занимаются земледелием, по примеру русских приучают своих детей с самого раннего детства ко всем домашним и полевым работам... У других народов охота — это почти единственное, чему обучают молодежь. Впрочем, не у всех в одинаковой степени. Многие монголы, буряты и калмыки, занимающиеся скотоводством, настолько отвыкли от охоты, что и дети их проводят время в праздности, пока не достигнут того возраста, когда смогут принять участие в так называемой облаве. Нерчин-

ские тунгусы, несмотря на то, что кормятся почти исключительно скотоводством, все же учат детей искусно стрелять из лука. Это делается и у якутов, но в особенности отличаются этим лесные тунгусы и прочие народы, по-прежнему занимающиеся преимущественно охотой.

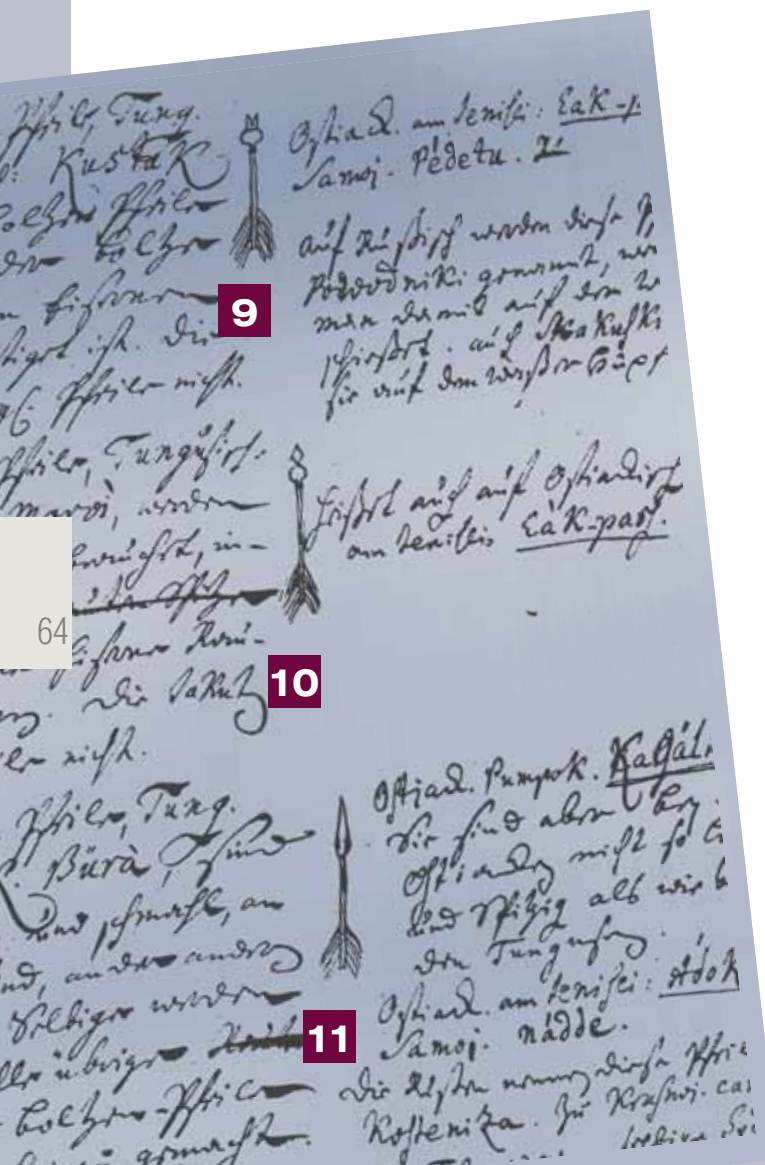
Пятилетнему ребенку отец уже делает лук и стрелы в соответствии с его ростом и силами, ставит ему цель и показывает, как нужно пускать стрелу. Для ребенка это даже не учение, а игра. Собравшись вместе, дети всегда соревнуются в стрельбе. Во многих городах (прежде всего, в Якутске, Иркутске и Мангазее) мне доставляли удовольствие тунгусские аманаты, среди которых встречаются совсем юные. Когда я раззадоривал их на то, чтобы показать свою ловкость в стрельбе, то они зачастую превосходили в этом взрослых людей из других народов.

Обучение девочек начинается не так рано, но и они привлекаются к выполнению домашних работ по достижении подходящего возраста. Шитье, вышивание, выделывание шкур и кожи и изготовление из них всякого рода одежды, уход за скотом, пастьба оленей — все эти навыки девочка воспринимает от матери.

Надо сказать, что дети воспитываются с недостаточной строгостью, с чем связан недостаток почтения по отношению к взрослым. Очень редко в качестве наказания родители бьют своих детей. Молодежь растет в грубой дикости. Достигнув возмужалости, сыновья не совестятся обходиться с отцом в случае ссоры как с чужим человеком. У вспыльчивых тунгусов никого не удивляет и не возмущает, если сын вызывает своего отца на поединок, а тот принимает вызов.

(РГАДА*, ф. 181, д. 1389, ч. 1, лл. 72 об.—75, 77 об., 78 об.—81 об., 84 об.—85, 86—87 об., 93 об., 107—108 об., 138 об.—139; ч. 2, лл. 3—7, 9, 11—13 об., 30 об., 32, 33—34 об., 36, 57 об.—58 об., 70 об., 75 об.—76 об., 84—86)

* Российский государственный архив древних актов (фонд — ф., д. — дело, об. — оборот, лл. — листы)

А. М. ПАНФИЛОВ

«Охота моя к услужению обществу...»

Герард Фридрих Миллер — человек и ученый

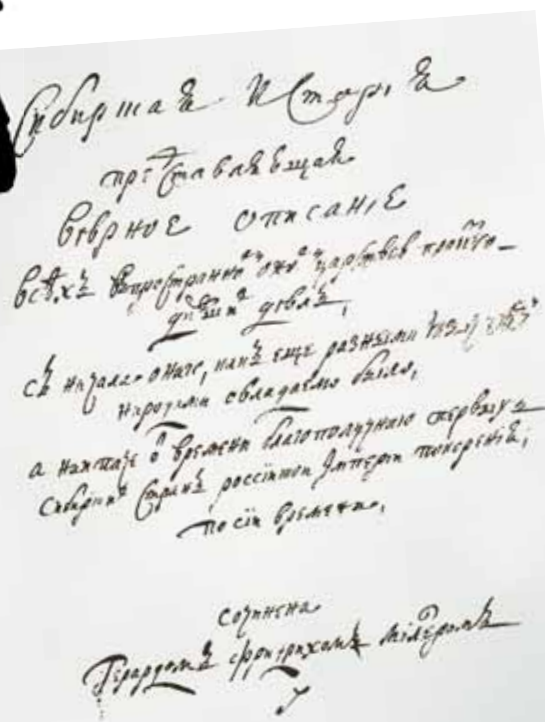
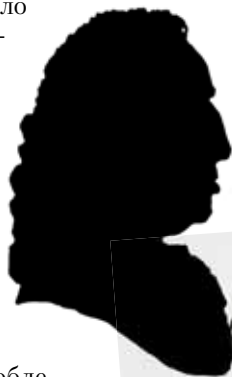
Можно только удивляться, насколько же прилипчивыми оказываются «устоявшиеся» в бытовом сознании исторические оценки, касающиеся тех или иных реальных явлений — будь то какое-то событие или яркая личность. И удивление всегда перемешано с горечью, потому что оценки эти неузнаваемо искажают живую жизнь, напрочь изгоняя из нее то, что, собственно, и описывается эпитетом «живая». Это всегда связано с идеологией — всякая идеология пишет историю под себя. А вода ведь камень точит. Повторенное тысячу раз слово становится стереотипом. Со стереотипами дело иметь легче — все разложено по полочкам, и кубики складываются в некую красивую конструкцию. То, что эта конструкция не более чем георетический заменитель живого, уже никого, кажется, не тревожит: главное, чтобы подобие логики было сохранено. Живая жизнь заменяется исторической схемой, которая всех устраивает. А те мгновения, когда вдруг ощущаешь невыносимую фальшь этих построений, похожих на натуральное убийство живого, — это же всего лишь мгновения, не сравнимые по длительности и «важности» с часами, сутками, годами нашего инерционного существования, которое для нас вне удобных схем и не вызывающих сомнений «законов» немислимо. Ужасно все это...

Но вступление, кажется, затягивается и облекается в подозрительный пафос. Пора переходить на персоналии. Речь, собственно, идет о русском историке Герарде Фридрихе Миллере (в России его при жизни еще величали Федором Ивановичем — забавны все-таки эти языковые кальки). Он не избежал описанной участи. Потому-то и столь двусмысленно его положение в истории отечественной науки. Да, вроде бы известный историк, чьи заслуги неоспоримы. Сделал первую попытку (и не вовсе безуспешную) создания фундаментальной истории России. Сформулировал важнейшие методологические вопросы. Оставил после себя стройную систему правильного историческо-

го поиска, которой пользовалось не одно поколение исследователей. «Отец сибирской истории». Громко заявил о себе в ряде смежных научных дисциплин. И так далее. Но вместе с тем — все-таки «немец», «чужестранец». И еще не очень симпатичное эхо: в некотором роде — «недоброхот», «хулиатель», «очернитель». Образ двойся, но неискушенное ухо улавливает, по большей части, последнее. Срабатывает тот самый невыносимый стереотип.

Корни такого отношения к Миллеру обнаружить нетрудно. Они протягиваются к полемике вокруг его «норманской» теории, к истории вражды с Ломоносовым. Чтобы больше не возвращаться к этой давно «заболтанной» проблеме, остановимся сразу же на ней и попытаемся расставить точные акценты.

В 1749 году «серый кардинал» императорской Академии Шумахер предложил Миллеру и Ломоносову подготовить речи для произнесения их в торжественном ученом собрании. Мотивировка выбора первого оратора любопытна и показательна

Образец почерка Г. Ф. Миллера

(штрихи к характеру Миллера): «У него, — объяснял Шумахер, — довольно хорошее русское произношение, громкий голос и присутствие духа, очень близкое к нахальству». Миллер, всегда трепетно относившийся к своим обязанностям, сочинил латинскую речь «О происхождении народа и имени руссов», где и обозначил краугольные камни так называемой «норманской» теории. Она достаточно хорошо известна. И сегодня совершенно очевидно: это не опыт из области фантастики, не откровенное «переписывание» истории, а аргументированная историческая версия, требующая спокойного обсуждения. Но то, что последовало вслед за написанием этой «диссертации», на таковое обсуждение походило менее всего. Как дипломатически пишет сам Миллер: «Сие сочинение было определено для прочтения в публичном академическом собрании, но по особливому происшествию учинилось в том препятствие, и сие сочинение не обнародовано».

Что же это за «особливое происшествие»? А то, что в «диссертации» Миллера углядели хулу на Россию. Устроили «расследовательное» заседание академического совета с повесткой дня: что «диссертация» Миллера заключает предосудительного для российского народа? Ответ на вопрос мы можем найти в отчете о заседании. Цитирую (все время хочется «долго» цитировать документы того времени — в их ритме, слоге, всем эпическом контексте словно пробивается к нам когда-то клокодавшая жизнь, кажущаяся нам давно превратившейся в каменный памятник): «В поданных мнениях господ профессоров некоторые показали, что за незнанием русского языка и истории подлинно о диссертации рассуждать не могут; другие написали, что кое-что следует из диссертации выключить; только профессор Тредиаковский рассудил о диссертации, что вероятно; Ломоносов же, Крашени-

ников и Попов считают ее предосудительною для русского народа, в чем и члены канцелярии академической с ними согласны. Следует в таком деле предпочесть мнению природных россиян мнению членов иностранных, и так как по указу Петра Великого велено дела решать по большинству голосов, то диссертация и запрещается».

Научный спор? Как бы не так. От научного спора в этой истории лишь самая малость. Более важную роль тут играют два нюанса.

Первый. Ко времени появления на свет Божий «диссертации» Миллера изначально холодные отношения между Ломоносовым и Миллером переросли в настоящую вражду. А причина-то тому банальна. Миллер, как человек пунктуальный и приверженный к субординации (ну конечно же, его немецкое происхождение со счетов списывать нельзя; «национальный тип» — не пустое изобретение), всегда считал, что к званию академика следует относиться уважительно, ибо оно есть вершина академической лестницы. Другими словами, если ты студент, то уважай и слушайся адъюнкта; если адъюнкт, то уважай и слушайся профессора и академика. Иначе настанут разруха, хаос и анархия, и ни о какой созидательной деятельности мечтать тогда не придется. Ломоносов же, со своей широтой и ироническим отношением к авторитетам (если он их считал дутыми), эту иерархию в грош ломаный не ставил. Присутствие Миллера в академических собраниях по возвращении его в 1743 году из Сибири уже на пятый (!) день ознаменовалось решением не допускать далее адъюнкта Ломоносова в академические заседания.

На имя императрицы было отправлено ходатайство «в показанном нам от Ломоносова несносном бесчестии и неслыханном ругательстве повелеть учинить надлежащую праведную сатисфакцию». Возникшая таким образом между двумя учеными трещина далее лишь разрасталась, превратившись со временем в совсем уж фатальную пропасть. Вот откуда известное мнение Ломоносова о том, что в произведениях Миллера «множество пустоши и нередко досадительной и для России предосудительной»; что он «в сочинениях всевает по обычаю своему занозливые речи, более всего высматривает пятна на одежде русского тела, проходя многие истинные ее украшения».

А мнение Ломоносова (пусть и двухвековой давности!) в нашем отечестве сродни истине в последней инстанции. Мы ведь относимся к Ломоносову не просто как к великому ученому, а как к великому русс-

кому ученому, первому русскому ученому, и этим все сказано. У нас вообще есть набор «священных коров», которых лучше не трогать. Но ситуация, когда мироощущение строится на подобном наборе, крайне неприятна, потому что она более свидетельствует о комплексах неполноценности, чем о заслугах. Народа, например...

Но Ломоносов был живым человеком — гениальным, энергичным, красивым и очень противоречивым. Понятно, что между ним и Миллером возник прежде всего психологический конфликт. Такие конфликты между неординарными людьми мы наблюдаем в человеческой истории часто. Двум крупным личностям всегда тесно рядом: они не склонны к спокойному приятию чужой точки зрения, они не гибки, не удобны в повседневном общении, они отличаются изрядной самооценкой. И это нельзя относить к недостаткам. Это — необходимые условия, при которых только и возможна высокая работа на будущее. Другое дело, что потомки выстраивают из истории красивое «кино», часто подменяя психологию идеологией — тот самый случай...

Разумеется, катализатором конфликта стало и острое чувство национальности, без которого Ломоносов немислим, и желание гордиться собственным народом, и страстная (а у него все было страстным) убежденность в самобытности нашей истории. И это второй важнейший нюанс.

А 1740-е годы в России — это эпоха своеобразного «русского возрождения». Императрица, не умевшая говорить по-русски, умерла, на трон села дочка Петра Великого, ненавистный Бирон был изгнан. Оказавшись в подобных «декорациях», чаще всего начинают искать «крайних» среди иностранцев: все беды соединяются в народном сознании с чужеземным засильем. И тут уж не разбирают, кто действительно наживался на народ-

ном горе, а кто искренне этому горю сочувствовал. При императрице Елизавете Петровне к выходцам из Германии стали относиться с величайшим подозрением, а Миллер был «немцем». Одна крайность сменилась другой: «они — ненавистники и недоброхоты, и вот мы им сейчас покажем, кто в доме хозяин». Безусловно, это своего рода психоз. Хотя тогдашняя национальная реакция на иностранное — совершенно понятная; более того, — логически, видимо, неотменимая. Мы должны понимать и другое

Ломоносов — по своей способности к великим увлечениям, по своему острому ощущению «русскости», по тому, в конце концов, что в Академии он на самом деле ощущал себя чужаком среди иностранцев, — тоже наверняка не избежал внушения времени.

Так Миллер попал в «недоброхоты». К слову, в то самое время, когда за границей удивлялись, отчего он так «предан выгодам России». Там на дело смотрели трезво, оценивая человека по его делам, а не через призму преувеличений, свойственных всякому национальному мифу. А между тем «недоброхот» этот писал, что «из летописей составилась русская история, которая так полна, что ни один народ не может похвалиться подобным сокровищем». Он же не уставал доказывать, как необходима публикация исторического труда Татищева. А Нерчинский трактат 1689 года оттрактовал так, что приоритеты России в споре о границах с Китаем стали очевидны. Написал он и концептуальное сочинение «О предприятии войны с китайцами, и именно, о законных причинах к оной, о способах приуготовления, о действии, о пользе». Создал также: генеральную карту Сибири, почтовую карту Российской империи, карту стран между Каспийским и Черным морем. В 1730 году, когда юная Академия пришла в полный упадок, он отправился в Германию, Англию, Голландию «опровергать предосудительные слухи», дабы они не сделали Академии «бесславию в чужих государствах», а также «угваривать новых профессоров к принятию академической службы и чинить договоры с иностранными книгопродавцами о продаже книг, иждивением академическим напечатанных». С миссией этой Миллер справился блестяще. В 1752 году в опровержение издан-

ных Делилем в Париже сведений о России он сочинил на французском языке «Письмо офицера российского флота» и напечатал его в Берлине (позже его перевели на английский и немецкий языки). За десятилетие, проведенное в Сибири, проехал 31362 версты («Сибирское мое путешествие, в коем я все страны сего обширного государства, в длину и в ширину, до Нерчинска и до Якутска, объездил, продолжалось почти десять лет...»). Своей кропотливой работой в архивах сибирских городов сохранил нам наше же прошлое: без него оно было бы элементарно утеряно. Заметим, что многое Миллер делал по собственной инициативе. Так, с 1771 года он начал печатать Степенную Книгу, «уговорив некоторого приятеля, чтоб он на то иждивение свое употребил, потому что ни Университет и никакой книгопродавец на своем коште издание предпринять не хотел». Вот такой «недоброхот».

Когда перебираешь материалы, касающиеся Миллера, удивляешься многому.

Например, поражает почти полное отсутствие «финансовой» проблематики, столь обычной для того времени. Кто-то что-то украл; кому-то кажется, что он заслужил больше; кто-то требует увеличения жалованья. Из этой области в судьбе Миллера существует лишь два еле слышных отзвука. Один связан с невыплатой содержания за его заграничную поездку начала 1730-х годов. Оно было на словах обещано, но по возвращении у Миллера испортились отношения с Шумахером, и дело застопорилось. Миллер как-то ненастойчиво попросил все-таки возместить ему расходы, а потом махнул рукой. Второй — относится к закату жизни ученого. Чувствуя, что дней его осталось мало, и заботясь о судьбе собранной в течение жизни богатейшей коллекции, он че-

рез посредников предложил императрице приобрести у него библиотеку. Цены при этом не указывал. По словам осматривавшего библиотеку Миллера сенатора А. М. Обрескова, мечты ученого не простирались далее того, чтобы купить «деревенку не в весьма далеком расстоянии от Москвы около 400 душ» (и обеспечить таким образом будущее своей жены и своих детей). В конце концов указ о покупке был подписан императрицей — Миллер получал по нему за свое сокровище 20000 рублей.

О семье Миллер всегда заботился. Но при этом она, похоже, не входила в перечень главных приоритетов его жизни. Семья была для него одной из составляющих внешне необходимого «социального» образа. У человека традиционно должна быть семья — вот она и была у ученого. Завелась она у него, кстати, немного походя, как бы сама собой. Летом 1742 года Миллер познакомился в Верхотурье с вдовой практиковавшего здесь немецкого хирурга, незадолго перед этим умершего. Миллер уже пять лет как страдал от болезни, приступы которой время от времени сильно мучили его. Спутник Миллера Гмелин докладывал президенту Академии барону Корфу об этом недомогании: «Сия болезнь состоит в жестоком биении сердца и превеликом страхе, который по переменах приходит, а иногда три и четыре дня не перестает с таким движением пульса, что я часто обмороков опасался...» На беду в Верхотурье болезнь обострилась. Вдова трепетно ухаживала за ученым, и в конце концов он предложил ей руку и сердце. Выбирал он себе жену, как это водится между людьми его склада, исходя, вероятнее всего, из вопросов удобства. И, кажется, не «промазал». Знаменитый Шлецер, некоторое

время живший в петербургском доме Миллера, писал об этом так: «Жена его ухаживала с чрезвычайной заботливостью за Миллером, когда он сделался смертельно болен во время его путешествия по Сибири; но он женился на ней не из одной только благодарности (неплохо звучит это «не из одной только», не правда ли? — А. П.) — это была превосходная и притом скромная женщина и отличная хозяйка. Несчастье ее было то, что она была туга на одно ухо и в непогоду не могла говорить с другими без слухового рожка». Быть может, глухота жены Миллеру была даже на руку — не возникало необходимости много разговаривать с ней; во времени он всегда был стеснен. Помимо падчерицы, историк имел троих

собственных детей — ни один из них, увы, не унаследовал талантов отца...

Еще из миллеровских «необычностей». Таковой необычностью (симпатичной, надо сказать) представляется полное пренебрежение ученого к наградам — и это в век, когда погоня за чинами и деньгами считалась чуть ли не хорошим тоном. В автобиографическом «Описании моих служб» есть на сей счет прелюбопытнейший пункт: «Не поставляю себе в услугу, — пишет Миллер, — что некоторые иностранные академии и ученые сообщества вне и внутри империи меня к сочленам своим причитают.

Сия честь должна была бы основаться на подлинных в пользу тех сообществ изданных опытах. Но такие прочие мои должности по сие время подавать не допустили, кроме одного сочинения о рыбьем клее (!!! — А. П.), Парижской Академией наук от меня требуемого и печатанного на разных иностранных языках».

То есть всякая награда, по Миллеру, должна быть заслуженной, и такое отношение к зримым знакам признания (вкуче с бескорыстием) совершенно не характерно для XVIII века, склонного к внешнему блеску и мишуре и не слишком щепетильного в области общественной морали.

Это, что называется, штрихи к портрету ученого и человека. Обидно, что указанные выше идеологические «недоговоренности», «домыслы» и «предположения» закрыли на долгое время от нас его истинный облик и образ ярчайшего представителя той удивительной породы людей, что нежданно-негаданно появилась на европейской исторической сцене в XVIII веке.

Это были люди дела. Пассионарии, по гумилевской терминологии. Да, многие ехали в Россию по зову

Петра, Елизаветы, Екатерины. Кто-то, заработав чины и деньги, возвращался на родину, кто-то оседал, становясь (как тот же Миллер) «Федором Ивановичем». И «русел» несомненно. Происходила определенная диффузия — природные русские, не становясь «беспочвенными», приобретали европейский лоск и европейскую образованность; бывшие чужаки, сами изменяя окружающую среду, изменялись в свою очередь ею. Но и те, и другие оставались при этом пассионариями, по высочайшей концентрации которых и узнается нами сегодня XVIII век. Их деятельность описывают четыре ключевых слова — любопытство, увлеченность, ответственность и бесстрашие. Эти амбициозные люди в камзолах и париках (немного смешные, на сегодняшний вкус), неузнаваемо перестроив мир, заложили, по существу, фундамент современной цивилизации.

Они брались за любое дело и клали жизни свои на его выполнение. Странно, но тут иногда даже не слишком большую роль играла область приложения сил — главным было само приложение. Потом эту эпоху назовут веком

Просвещения. Докажут ее историческую необходимость. Опишут достоинства и недостатки. Скажут, чего недопонимали эти люди, в чем заключалась узость их исторического кругозора. Но их «прекрасности» эта трезвая систематизация не отменит. Потому-то и влечет так к себе XVIII век — писателей, художников, музыкантов: это род ностальгии по абсолютно осмысленной жизни; по безусловности; по стремлению, в конце концов, к практическому результату.

И Миллер — достойнейший представитель этой общности, столь похожей на какой-то особый орден — со своими идеалами, внутренней организацией, кодексом чести. Он — миссионер просвещения. Он — универсал, в высоком понимании этого слова. Да, крупнейший ученый, историк по преимуществу. Но в историю-то Миллер пришел, страшно сказать, почти случайно. Прожив первое свое российское пятилетие, он еще не решил окончательно, чем будет заниматься. По неизбывной любви своей к книге, предполагал стать библиотекарем Академии. Должность была неплохая — тогдашний

библиотекарь Шумахер неофициально заправлял в Академии. Шумахер поначалу к Миллеру благоволил. Благоволила, кажется, и его дочь. Так созрел немудреный, однако рациональный план: сначала попасть в зятя к Шумахеру, а потом уже — и на его должность. Судьба распорядилась иначе. По возвращении из заграникомандировки в 1731 году Миллер нашел (до сих пор не совсем понятно, почему это случилось) в бывшем благодетеле врага. Столь надежный план будущей жизни рассыпался на глазах. Вот тут и возникло внезапное решение: «Я счел нужным проложить другой ученый путь, — вспоминал Миллер, — это была русская история, которую я вознамерился не только сам прилежно изучать, но и сделать известною другим в сочинениях по лучшим источникам. Смелое предприятие!»

Действительно, смелое. Не зная еще русского языка, не имея даже элементарных навыков исторического анализа, — и броситься в «чужое» как в омут головой. Миллер бросился. Это было в его характере. Это было в характере членов его «ордена». Он увидел перед собой паханое поле и пошел его пахать. Поначалу не очень получалось. Забавный факт из серии «Первый блин комом». В 1732 году Миллер затеял издавать ставшее впоследствии знаменитым периодическое «Собрание русской истории». Начал, как и полагается, ab ovo — с «Повести временных лет». По плохому тогда еще знанию русского языка «Повесть временных лет черноризца Феодосьева монастыря Печерского» превратилась у него в «древнюю рукопись, содержащую русскую историю игумена Феодосия Киевского». Ошибка, будучи перепечатанной, расплзлась. Так молодой Миллер ввел в обиход фантастического историка Феодосия, позже оказавшегося легендарным Нестором. По этому поводу ему пришлось не раз раздраженно объясняться.

Но уже лет через двадцать такие ошибки в его деятельности были немыслимы. Опыта он набирался стремительно. Был ненасытен — в своем научном размахе. Брался за все подряд. Планировал написать историю калмыков. Анализировал феномен казачества. «Ни в какой другой стране нельзя с такими удобствами писать историю восточных народов», — восторженно отмечал Миллер. И писал. Просвещал. Тут ведь главное было — просвещать...

При этом эволюция историка очевидна. Если в первых выпусках того же «Собрания русской истории» (равно как и в других проектах той поры) Миллер ограничивается исключительно задачей трансляции неизвестного науке материала на западную аудиторию, то постепенно эта ориентация претерпевает изменения. На протяжении своей жизни Миллер дрейфует в определенном направлении — от западного читателя к читателю русскому. «Страна обитания» становится «родной страной». Чего стоит только предпринятое

им в 1755 году издание первого русского научного и литературного журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Слог-то какой! Вот такое у него выходило просвещение. А ведь, пожалуй, без него, без этого просвещения, были бы невозможны ни Новиков, ни Державин, ни поразительный взлет русской культуры в первой трети XIX века.

Миллер постоянно взыскует нового. И когда возникла реальная возможность поехать в Сибирь, он тут же бросил все и поехал. Гмелин, первоначально назначенный Академией во Вторую Камчатскую экспедицию, заболел. Миллеру предложили заменить его — он с радостью согласился. Перспектива работать с живым материалом, а не с рассказами посредников, увлекла его. Потом Гмелин выздоровел, и они отправились в путешествие вместе. Кажется, «господа профессора» об этой «совместности» не жалели.

Их путешествие по Сибири — во всяком случае, поначалу, в первые годы, — это какой-то дрянный захлеб, без передышки научный пир. «Мы приехали в страны, — с пафосом писал Миллер, — от природы пред многими местами превосходства одаренные, где почти все новое нам являлось. Там увидели мы с радостью множество трав, от большей части неизвестных; увидели стада зверей азиатических, самых редких; увидели великое число древних могил, в коих находили разные достопамятные вещи, — словом, приехали в такие страны, в каких никто до нас не был, который бы мог свету сообщить известия». Это неожиданное «приземление» в места заповедные, где еще не ступала нога культурного человека, сравнимо по потрясению, я думаю, с триумфами XX века — выходом человека в космос и полетами на Луну. Оно, это потрясение, слышится в сибирских текстах и Гмелина, и Стеллера, и нашего героя. Там вести себя приходилось, как на войне, — «по обстановке». Система научного поиска рождалась, что называется, «на колесках». Первое научное крещение Миллер получил в Тобольске, где для него распахнулись все двери. Он даже немного растерялся: «Но сознаюсь притом, что я еще не очень знал все, что мне следовало требовать или о чем спрашивать... Здесь я положил начало осмотра сибирских архивов...» Уже в Таре появляется предварительный вопросник. Этот вопросник постепенно модернизируется и уточняется. «Вопросные мои пункты были тогда не столь генеральные, как оные потом от меня в других городах задаваны были. В таких случаях опыт есть наилучший учитель». А опыта Миллер никогда не бежал. Наоборот, к нему стремился.

Разумеется, не все в Сибири случалось столь гладко. Были трудности и невзгоды, было противодействие того же иркутского губернатора, были стычки с руководителем экспедиции Берингом (окончившиеся тем, что Гмелин и Миллер не захотели ехать на Камчатку),

были усталость, «привешаяся» новизна, болезни... Особенно тяжело пришлось, когда ученые поняли, что их путешествие превращается в неволю. Они просились обратно в Петербург, их не пускали. В письмах радость понемногу уступает место грусти: «Путешествие с трудными поездками в такой земле, — горько замечает Миллер, — должно по собственной охоте и от доброй воли с саможелаемым усердием без всякого принуждения быть; а ежели того нет, то и наукам надежды не будет. Печаль день ото дня прибывает, а с нею уныние с расслаблением час от часу натуральным образом и так умножаются, что их, без надежды скорого возвращения, ничем прогнать и излечить не возможно...»

Но сам объем сделанного учеными в Сибири доказывает, что уныния было все-таки меньше, чем плодотворной работы — работы страстной, до самозабвения. И не уныние играло первую скрипку в этом путешествии — даже и в его финале. Да и к позднейшей оценке, данной самим Миллером этой поездке, стоит прислушаться: «Никогда потом, — писал он, — не имел я повода раскаиваться в моей решимости».

Однажды он сказал А. Ф. Бюшингу: «Вы знаете мой нрав, что если я предался какому-нибудь делу, то предался ему совершенно». Сушая правда. Отметим в этой фразе слово «какому-нибудь». Тут нет определенности. Миллер мог делать все. Ответственно и увлеченно. Он (это, впрочем, характеристика самого человеческого типа, о котором сказано выше) и вообще был настоящим «человеком-оркестром», заменяя порой собою целые канцелярии. Так случилось в 1755 году при издании уже упомянутых «Ежемесячных сочинений». Как вспоминал Миллер, «определено было, чтоб все члены Академии в

оных трудились, издавая по очереди каждый по одному месяцу, под моим надзиранием, но, выключая весьма малое число чужих сочинений, все сделал я один». Так случилось в 1762 году, когда ему одному поручили дирекцию над делами географического департамента при Академии, ибо «определенные при оном вместо того, чтоб соединенными силами трудиться к общей пользе, один другому токмо всякие препятствия делают». Так случилось в конце 1760-х годов, когда Миллер оказался у руля Московского архива.

Кстати, переезд в Москву Миллер воспринял как благо. Он означал для него возвращение с «войны» (так он называл подковерные склоки в Академии) в мирную и спокойную жизнь, полную трудов (далее просится пушкинское «и сладких нег», но эта строка — не из миллеровской истории).

Есть несколько констант, то и дело появляющихся в публичных и частных текстах Миллера. Это «польза», «служба», «благосостояние государства». Ну вот хотя бы: «Перевод немецкого Вейсманнова лексикона на русский язык учинен моим попечением, коим однакож больше засвидетельствуется охота моя к услужению обществу, нежели потребное на то дело искусство...» Если упомянутые константы соединить в некий образ, то этот образ наиболее адекватно выразит кредо всей жизни выдающегося ученого. И так сформулированное кредо уже не оставит лазеек для двусмысленных интерпретаций.

Миллер прожил долгую жизнь. Свою автобиографию «Описание моих служб», написанную в 1775 году, в семидесятилетнем возрасте, он начинает с меланхолической фразы: «Из всех находившихся со мной при начальном заведении Академии членов никого, кроме господина профессора Бернулли в Базеле, в живых не находится». Но в этом замечании меньше всего усталого вздоха старого человека, пережившего своих современников. Кажется, Миллер не знал, что такое старость — с ее болезнями, неподвижностью, отсутствием будущего, непониманием настоящего, застылой приверженностью к прошлому, с ее бессилием и брюзжанием. Но и обратное верно — старость не знала, кто такой Миллер. Она словно не дерзала даже приближаться к нему. Он и на восьмом десятке оставался жаден до работы, легок на подъем, внутренне собран и устремлен. В письме Миллера, датированном 1778 годом (автору — 73 года), читаем: «Я все еще довольно свеж и способен к работе, однакож начинаю страдать одышкой, против которой

должна помочь перемена воздуха и движение. Дай Бог! Попробуем». И попробовал. Отправился составлять описание городов Московской губернии. Проехал Коломну, Сергиев Посад, Дмитров, Александров, Переславль-Залесский, Вязьму, Можайск, Борисов, Рузу, Звенигород... Не забудем, что дороги и скорость передвижения в те времена были иные, нежели сейчас.

Миллеру оставалось жизни пять лет.

Он сделал фантастически много. Настолько много, что до сих пор не все его наследие изучено. В Российском государственном архиве древних актов есть фонд с необычным названием

«Портфели Г. Ф. Миллера». Это часть того самого миллеровского собрания, которое у него купила Екатерина Великая за 20000 рублей. В 1899 году Н. В. Голицын опубликовал книгу, посвященную судьбе этих «портфелей». В этой же работе предлагался опыт описания этих материалов. Говорилось о «покрове таинственности», окружающем «портфели Миллера». Этот покров, писал Голицын, «заставляет одних строить нередко преувеличенные предположения о богатстве их содержания, а размеры и разнообразие накопленного в них материала отвращают других от ближайшего с ними ознакомления громадною трудом, который следовало бы приложить к такому делу». Между тем, по прошествии ста с лишним лет после выхода книжки Голицына обозначенный покров таинственности не исчез: до сих пор в ходу легенды и предания о сокровищах, хранящихся в «портфелях». Кто-то якобы встретил там надпись, скопированную с могильной плиты Андрея Рублева, другой — ни много ни мало — список «Слова о полку Игореве».

А рассеять «туман» пока до конца не получается. Существуют объективные трудности в работе с этим блоком миллеровского наследия. «Портфели» — это, по сути, архив в архиве, они содержат сотни тысяч листов рукописей на русском, немецком, латинском, древне-

еврейском, монгольском и ряде других европейских и восточных языков. Знание в совершенстве этих языков не гарантирует, что исследователь сможет прочитать рукопись или хотя бы понять в общем виде ее содержание. Достаточно сказать, что способных разобрать немецкую скоропись самого Миллера, изобилующую сокращениями и элементами стенографии, можно пересчитать по пальцам.

Будем надеяться, что все эти трудности преодолимы. Тут ведь надо одно — соответствовать предмету своего исследования. То есть заразиться тем самым «неутоми-

Лист из «Чертежной книги Сибири» С. Ремезова

мым рвением» Миллера, так часто поминаемым теми, кто близко знал ученого. Голицын писал в 1899 году: «Разрешить загадку («Портфелей» — А. П.) — такова задача, необходимость выполнения которой давно назрела». Повторим за ним эту фразу и мы. Повторим с надеждой. Потому что решение этой задачи будет необходимой данью памяти Миллера. А он ею всегда был обделен. Обделен совершенно незаслуженно.

В статье использованы иллюстрации из книги Семивского Н. «Новейшая любопытная и достоверная повествования о Восточной Сибири, из чего многое донныне не было всем известно. Спб. 1817

писание СИБИРСКИХ НАРОДОВ

Герарда Фридриха Миллера

Выдающийся исследователь Сибири академик Г. Ф. Миллер во время своих десятилетних странствий в составе академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) первым среди отечественных ученых предпринял попытку комплексного сравнительного изучения этнической истории, языков, общественных отношений, материальной и духовной культуры всех сибирских народов. В общей сложности экспедиционные рукописи ученого, посвященные этим вопросам, насчитывают около трех тысяч страниц рукописного текста. Для современных исследователей особый интерес представляют данные, полученные Миллером «из первых рук» — от самих коренных жителей Сибири. «Ласковым обхождением», подарками, демонстрацией уважения к обычаям и религии своих собеседников путешественник добивался

расположения и откровенности самых разных людей — от «улусных мужиков» до представителей знатнейших аборигенных кланов, от простых шаманов до ученых мусульманских и буддийских священников.

Пожалуй, ни одна из проблем, относящихся к сфере общественных отношений аборигенного населения Сибири, так не интересовала Миллера и не была им столь детально изучена, как проблема брака и семьи. Ученого интересовало все, связанное с браком, в том числе и те его обстоятельства, о которых этнографы последующих столетий обычно умалчивали. Так, для Миллера при сравнительном анализе брачных обычаев было важно знать и об антропологических особенностях мужчин и женщин у разных народов, и «о той позитуре, как муж с женою спит» (фраза из этнографической программы ученого), и т. п.

А. Х. ЭЛЕРТ

Ниже мы публикуем фрагменты главы «О браке» из фундаментального рукописного двухтомного труда Миллера «Описание сибирских народов», который до сих пор не переводился на русский язык, не издавался и до недавнего времени не был известен даже специалистам. Конечно, эти фрагменты не дают полного представления о взглядах Миллера на проблемы брака и семьи у коренных народов Сибири, однако они все же свидетельствуют о целом ряде важнейших открытий, сделанных ученым в данной области. Так, одним из достижений Миллера в области этнографии

По мнению некоторых исследователей на рисунке изображен Герард Фридрих Миллер

- 1 — Тюмень
- 2 — Тобольск
- 3 — Омск
- 4 — Семипалатинск
- 5 — Томск
- 6 — Туруханск (Мангазея)
- 7 — Енисейск
- 8 — Красноярск
- 9 — Абакан
- 10 — Иркутск
- 11 — Кяхта
- 12 — Чита
- 13 — Нерчинск
- 14 — Аргун
- 15 — Якутск
- 16 — Нарым
- 17 — Сургут
- 18 — Березов

явилась открытая им родовая экзогамия у языческих народов Сибири, имевшая, по его наблюдениям, всеобъемлющий и универсальный характер. Рассматривая вопрос о степенях родства, допустимых при заключении брака, он обнаружил кардинальное различие во взглядах на этот вопрос у аборигенов Сибири и европейцев. С родовой экзогамией Миллер связывает и обычай сорората, распространенный, по его наблюдениям, у большинства сибирских народов. Детально характеризует Миллер и «столь удивительный для нас» обычай левирата (по его терминологии — «закон Левитов»). По мнению Миллера, истоки обычая, согласно которому у сибирских народов вдова во втором браке обычно становилась женой своего ближайшего родственника, а также библейского «закона Левитова» и мусульманского правила, согласно которым младший брат должен был жениться на не имеющей наследства вдове своего старшего брата, следует искать в обычаях, общем для Древнего Востока, который обладал определенным единством уже в библейские времена.

Качинская татарская женщина. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799

У разных сибирских народов Миллер отмечает все же некоторые ограничения на этот счет. Вариантов таких ограничений он приводит очень много. Большинство подобных ограничений носило рекомендательный характер, а их нарушение влекло за собой лишь общественное осуждение

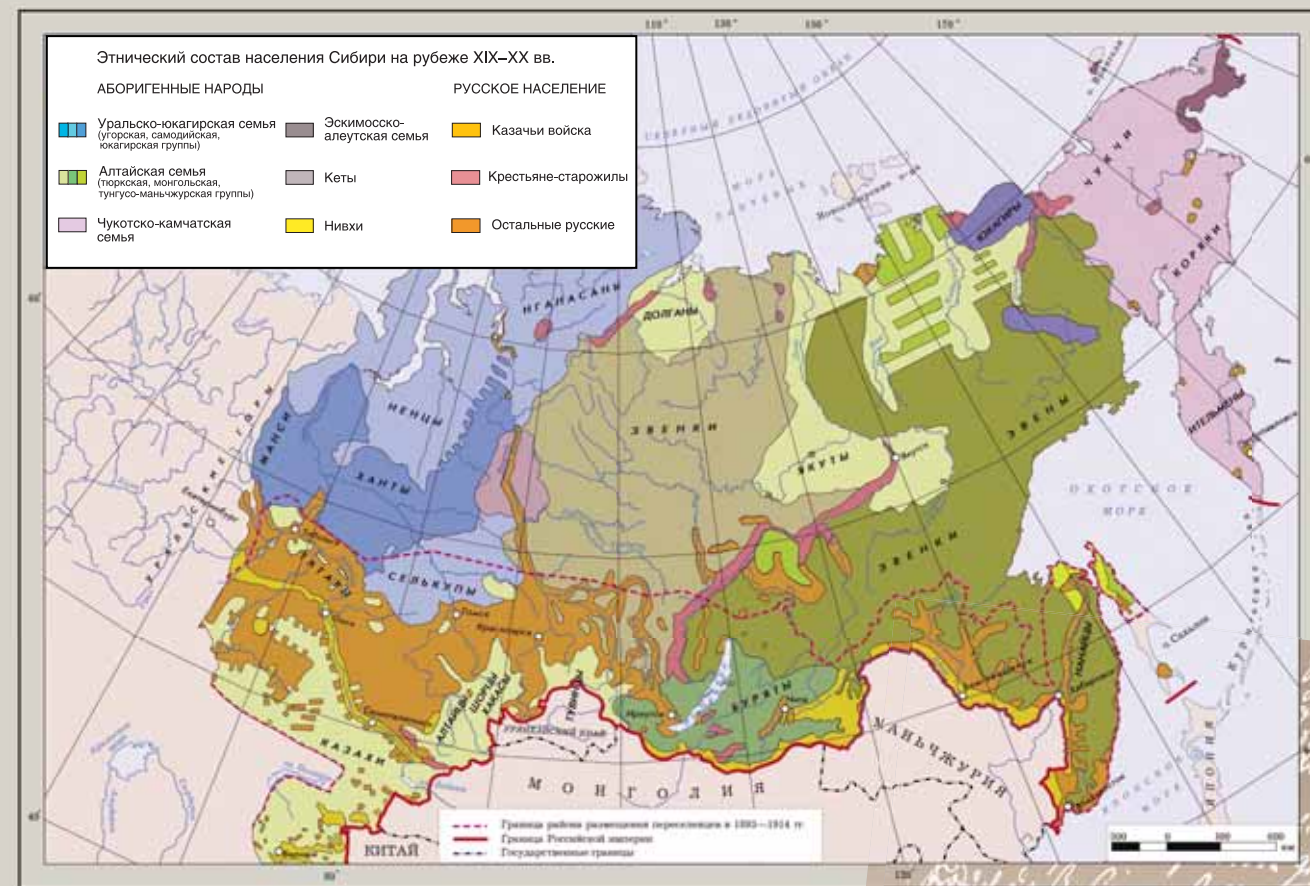

Качинские татары. 1812 год. Художник Е. М. Корнеев

и веру в неизбежность наказания со стороны потусторонних сил. Среди якутов, в частности, ходили рассказы о горбых и страдавших иными уродствами, что связывалось с греховной женитьбой.

Как и в ряде других работ, Миллер в «Описании сибирских народов» много места отводит полемике с европейскими «писателями», которые предвзято, по мнению ученого, оценивали сибирские народы и распространяли разного рода небылицы. В европейской литературе к тому времени существовала давняя и стойкая традиция резко отрицательного отношения к полигамии, что являлось существенным элементом противопоставления христианских ценностей мусульманской культуре и морали. Миллер решительно выступает против этого. В публикуемых высказываниях по данному поводу можно усмотреть, и не без оснований, как чисто мужской, односторонний подход к проблеме брака, так и идеализацию многоженства. Однако когда Миллер рассматривает вопрос о положении женщины в аборигенном обществе в целом, картина представляется ему далеко не идиллической.

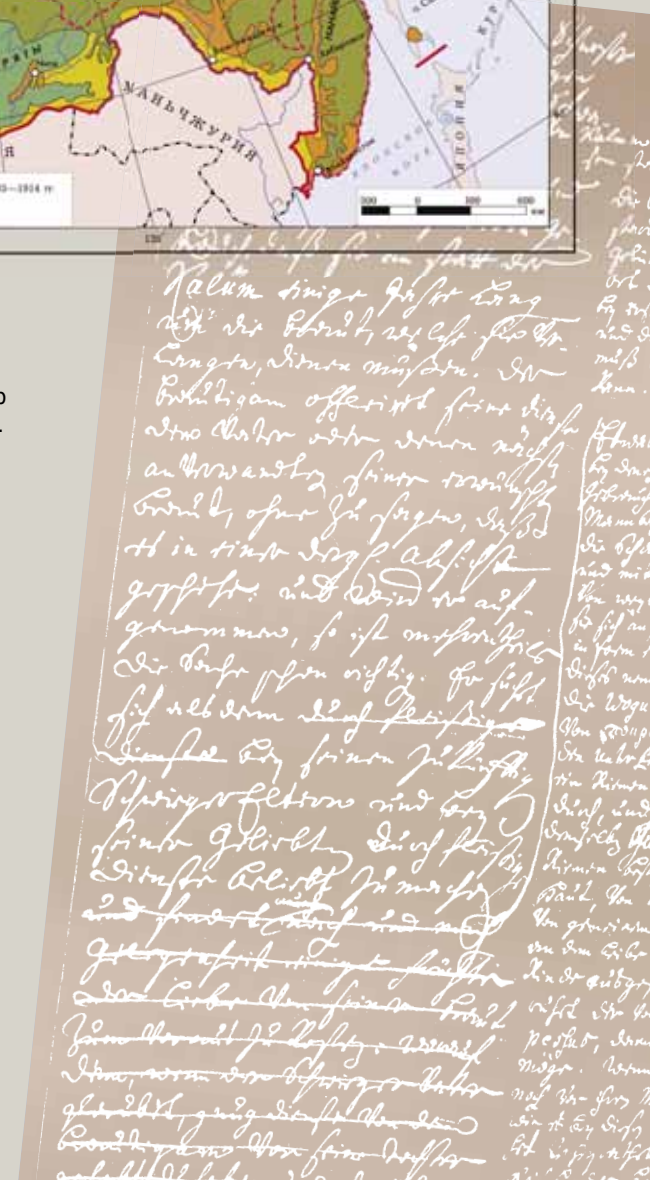
Основной вывод, который делает Миллер при характеристике внутрисемейных отношений, — это повсеместно униженное и даже рабское положение женщины. Так, характеризуя семейные отношения у бурят, Миллер пишет, что муж может в любое время оставить жену, она его — никогда, как бы дурно с ней ни обходились. С женой, как и с любой другой собственностью, можно было обращаться, как за благорассудится: «Мужу дозволено переломать

Автограф Г. Ф. Миллера. РГАДА, ф. 181, д. 1386, ч. II, л. 40 об.

ей руки и ноги без того, чтобы она могла защищать перед ним свои права». Но у бурят женщина получала определенные права хотя бы после смерти мужа, именно она считалась наследницей его состояния. У большинства же других народов вдова оставалась в полной собственности у ближайших родственников мужа.

Отношение к женщине как товару имело следствием то, что муж, недовольный женой как хозяйкой, уличивший (или заподозривший) ее в неверности, мог расторгнуть сделку, вернуть ее родителям и возратить калым. В этом случае у женщины еще оставался шанс устроить свою судьбу, однако наказание могло быть и более суровым, особенно если речь шла о нарушении супружеской верности с посторонним мужчиной. В этом случае муж нередко переводил жену в разряд рабынь и отдавал ее в услужение другой жене. Собственно настоящей изменой, согласно Миллеру, почти

Handwritten manuscript in German script, likely a page from the 'RGA DA' mentioned in the caption. The text is dense and written in a cursive hand.

Автограф Г. Ф. Миллера. РГАДА, ф. 181, д. 1386, ч. II, л. 51 об.

Внутренний вид жилища камчадалов. Рисунок XVIII века. Kracheninnikow S. Voyage en Siberia: La description du Kamtchatka. T. II. Paris, 1768

у всех сибирских народов считалась связь жены с посторонним мужчиной. Недозволенная связь с братьями мужа и другими ближайшими родственниками рассматривалась скорее как шалость, заслуживающая наказания, но не очень строгого. У якутов совершенно непростительным грехом женщины считалась связь с русским, что ученый признает нехарактерным для сибирских народов в целом. Миллер пишет, что в этом случае предусматривались лишь два варианта наказания для женщины — либо ее переводили в разряд рабынь, либо вовсе прогоняли без всяких средств существования.

При выборе невесты основное внимание обращалось на ее качества хозяйки, работницы. Все другое, в том числе и красота, имело второстепенное значение, хотя и учитывалось. К сожалению, Миллер почти ничего не говорит о критериях, по которым оценивалась красота женщин у разных народов. Одним из немногих исключений являются его пояснения к эпитетам, которыми якуты награждали одну из богинь высшего ранга, обладавшую, согласно миллеровскому переводу с якутского языка на немецкий, большой грудью и толстыми бедрами: «Вышеуказанные два качества являются в глазах якутов наиболее важными показателями красоты». Браки по любви хотя и имели место у сибирских народов, были все же достаточно редким явлением.

Публикуемые тексты заканчиваются примечательной фразой: «Если бы я не опасался погрешить против приличия, то мог бы затронуть еще и некоторые потаенные обстоятельства брака». Это фраза из работы, которую Миллер предполагал опубликовать. В дневниковых же записях и черновиках можно обнаружить немало материалов, выходящих за рамки «приличий» того времени. Рассказывая об интимных отношениях у различных народов, о первой брачной ночи, поясах «стыдливости» и т.п., он нередко сопровождает подобные данные признанием, что приводить эти сведения, конечно, довольно стыдно, но что поделаешь, если того требует наука, для которой слова «стыдно» не должно существовать.

Нормы морали, связанные с сексуальными отношениями и понятиями о стыде, у сибирских народов, согласно Миллеру, сильно различались и находились в прямой зависимости от степени цивилизованности того или иного народа. В отношении чукчей они стали для ученого даже определяющими, когда он доказывает их дикость. К числу неоспоримых свидетельств дикости чукчей он относит отсутствие всякого стыда у мужчин и женщин, которые могли находиться в своих жилищах обнаженными в присутствии посторонних. Еще более диким показался ученому обычай приглашать гостей и даже русских пленных к плотской связи с женой или дочерьми хозяина, отказ от которой рассматривался чукчами как оскорбление и показатель недобрых намерений.

Что касается других сибирских народов, то их представления о стыде и нормах в сексуальных отношениях имели, по оценке Миллера, довольно много общего с европейскими нормами (особенно у татар-мусульман), а в некоторых случаях они обнаруживали даже большую щепетильность. На основе скрупулезно собранной информации ученый приходит к выводу, что хотя некоторые половые извращения, известные европейцам, наблюдались и у сибирских народов, однако они чрезвычайно редки и считаются большим грехом. В связи с этим Миллер рассказывает об одном случае, когда якуты обнаружили связь польского пленного, служившего казаком в Якутске, с мальчиками. Весть об этом, как о чем-то в высшей степени постыдном и отвратительном, молниеносно распространилась не только среди якутов, но и среди соседних народов, нанеся немалый ущерб престижу русских, которым была приписана склонность к этому пороку. Отсутствием причин, ведущих к пресыщению и разврату, объясняет Миллер меньшее, нежели у европейцев, распространение супружеских измен у сибирских народов.

Камчадалы. Kracheninnikow S. Voyage en Siberie: La description du Kamtchatka. T. II. Paris, 1768

Автограф Г. Ф. Миллера. РГАДА, ф. 181, д. 1386, ч. II, л. 38

Handwritten manuscript in German script, likely a page from the 'RGA DA' mentioned in the caption. The text is dense and written in a cursive hand.

Проблемы брака и семьи у коренных народов Сибири

Г. Ф. МИЛЛЕР

Гольды (нанайцы).
Литография XIX века

Браки почти у всех народов Сибири заключаются при посредстве родителей или, если их нет, ближайших родственников, заменяющих родителей. Так, отец выбирает невесту своему сыну, старший брат младшему, дядя племяннику, и они должны быть довольны этим выбором.

Прежде всего, есть основополагающий принцип, что не только у народов, исповедующих магометанскую религию, но и у тех, кто исповедуют религию тангутскую, а также у всех язычников разрешается одновременно иметь в браке более одной жены. Но все же с той разницей, что в соответствии с магометанской религией число жен не может превышать четырех, и за этот предел по закону переходить не полагается, а у других народов это число остается неопределенным.

Тем не менее ни у одного народа число жен обычно не доходит до четырех. Ибо иметь две или три жены — это уже является признаком очень богатого человека. Согласно магометанскому закону, если муж хочет взять вторую или третью жену, то он может сделать это только с согласия первой жены, однако этот закон соблюдается не всегда. У камашинцев, тайгинцев и некоторых других народов теперь, вследствие их бедности, не бывает более одной жены. Раньше жен у них было больше.

Если я ранее сказал, что брак заключают родители или ближайшие родственники, то при этом имеется в виду лишь первый брак. Как только сын женился, он уже не во власти отца, и при последующих браках он может поступать по своему усмотрению.

У якутов бывает иногда, что родители, в особенности старые люди, женят своих детей, даже когда те еще совсем маленькие. Они в этом случае держат детей до возмужалого возраста у себя в жилище, чтобы было от молодой пары развлечение и утешение в старости. Однако больше ни у одного народа я об этом не слышал. Хотя помолвка, когда и жених, и невеста еще совсем юны, иногда совершается и у других народов. А иногда, говорят, бывает даже и так, что родители договариваются о женитьбе в будущем еще не родившихся детей. Однако повсюду лишь половая зрелость является условием действительного брака, который без этого не может состояться, и по большей части принято ждать, пока дети с обеих сторон с годами не окрепнут достаточно телом и не приобретут опыт, который позволит им с пользой вести хозяйство. Ибо сноровка во всяческой домашней работе является необходимым качеством жены. Хотя на красоту они также обращают внимание, но не в такой степени.

У инбачких остяков на Енисее часто бывает так, что девочки от 5–7 до 10 лет выдаются замуж за мальчиков такого же возраста или старше. Я видел, например, мальчика 16 лет с женой 7 лет, который уже несколько раз спал с нею. Иногда же маленькому мальчику дают жену 15–20 лет.

В Сибири, да почти и во всей Азии общепринято, чтобы жених как бы покупал свою невесту. Цена, которая уплачивается за невесту, на татарском языке называется *Kalün* или *Kalüm*, и этим же словом пользуются для ее обозначения и в русском языке.

У магометанских татар в Тобольском, Тюменском и Томском уездах стоимость калыма обуславливается в деньгах, но выплачивается другими вещами согласно договору. Так же и у остяков, но у них из-за их бедности калым редко превышает 5–10 рублей, тогда как у указанных татар за красивую и богатую невесту из знатного рода платят по 30–50 рублей. Остяки на Енисее после крещения уплачивают лишь незначительный калым одеждой из китайки или ситцем на рубашки, который они подносят родителям невесты. Лесные тунгусы платят калым оленями — от 10 до 20 оленей за невесту. Самоеды, юкагиры, коряки и чукчи также платят калым оленями, и чем богаче народ оленями, тем выше у него и стоимость калыма.

Татары женятся и выдают своих дочерей и с калымом, и без калыма (*Chalüng*)*. В последнем случае, если муж недоволен своей женой, он не может ее продать, а должен отпустить со всем ее приданым, и она возвращается к своим родным, но детей он оставляет у себя. Наибольший калым состоит из 30 голов скота, половину лошадами, половину рогатым скотом. Приданое невесты (*Entschi*) иногда составляет половину калыма, иногда меньше, иногда больше, смотря по тому, насколько человек богат, сколько имеет детей и насколько сильно любит дочь.

Если отец уплачивает калым за своего сына, то это является обзаведением сына, и сын больше ничего не получает в придачу. Все, что относится к домашнему хозяйству, должна принести с собой невеста, если ее родители в состоянии сделать это и за нее заплатили большой калым. Невесте дается также различный скот или олени, в зависимости от богатства и обстоятельств каждого народа.

Обычно приданое невесты составляет около половины калыма; но иногда, если отец очень любит свою дочь или у него нет сыновей, о которых ему надо заботиться,

*Курсивом выделены слова из языков народов Сибири, написанные Г. Ф. Миллером латинскими буквами

Чукотские женщины. *Kracheninnikow S. Voyage en Sibirie: La description du Kamtchatka T. II. Paris, 1768*

и вообще он может сам всем распорядиться, он дает ей в приданое по стоимости столько, что это полностью покрывает калым или даже его превышает. Крайне редко бывает, чтобы невеста пришла к жениху без соответствующего приданого. Если же так случается, то это является признаком или крайней бедности, или исключительной скупости.

Согласно повсеместно распространенному обычаю, отец невесты не обязан давать ей какое-либо определенное приданое. Каждый имеет право дать дочери столько, сколько хочет, не считаясь с размерами калыма, будь он даже очень высок по цене. Ибо на выданье невесты смотрят действительно как на торговую сделку, и поэтому полагают, что жених в лице своей невесты получает достаточное возмещение за калым. А потому

бедные люди считают себя более счастливыми, когда у них много дочерей, чем если бы у них было много сыновей, поскольку в первом случае они могут что-то получить от продажи дочерей, во втором же сыновья, когда родители захотят их женить, еще и сами введут их в расходы.

Однако не всегда калым за невесту уплачивается натурой. Если две семьи, которые желают вступить между собой в брачный договор, имеют и сыновей, и дочерей, то вместо калыма они договариваются, что обменивают невесту на невесту из одной семьи в другую, без уплаты какого-либо калыма. Например, отец отдает дочь за брата невесты своего сына; или брат выдает сестру и получает за это в жены сестру своего нового зятя. Этот вид калыма особенно в ходу у тунгусов.

У камчадалов и курилов имеется особый обычай, заключающийся в том, что они вместо калыма должны отслужить несколько лет за невесту, которую желают. Жених предлагает свои услуги отцу или ближайшим родственникам своей желанной девушки, не говоря, с каким намерением это делается; и если его принимают, то по большей части дело уже решено. Тогда он старается усердной службой заслужить любовь будущих тестя и тещи и своей возлюбленной.

Даже те народы, которые из язычников внешне превратились в христиан через крещение, все еще сохранили этот обычай, и у них невесту, как и у других народов, нужно покупать за обусловленную цену. К примеру, это все остяцкие народы по Иртышу, Оби, Кети и Енисею, вогуличи и чулымские татары. Духовенство разрешает им эти светские, вовсе не христианские обряды. И даже если бы хотело их от этого отучить, то их было бы очень трудно в этом убедить, ибо они вовсе не считают справедливым, чтобы отец, который трудами и расходами поддерживал свою дочь до возмужалого возраста, не получил какого-либо возмещения за дочь, когда она переходит из его рода в другой и он уже не может в дальнейшем ожидать от нее ни малейших услуг, ни внимания.

Когда я говорю, что невеста переходит в другой род и ее отец уже не должен ожидать от нее ни услуг, ни внимания, то это основывается на мнении всех сибирских народов, которые делятся на определенные роды, что кровное родство считается лишь по этим родам. Все они берут невест из чужих родов, и как только она входит в другой род, ее кровное родство с прежним родом прерывается. В дальнейшем ее ничто не связывает с прежними кровными родными.

В этом отношении они так щепетильны, что ни один не женится на женщине из того рода, к которому он себя причисляет, даже если этот род весьма многочислен. Если даже он насчитывает 300–400 семейств и распространен на 1000 верст и более и никто уже не может припомнить или сказать, что он хотя бы слышал, в каком именно родстве они состоят между собою — это все для них совершенно безразлично. Простое родовое имя имеет у них гораздо больше значения, чем самое близкое родство.

На этом основании покоится все их учение о запрещенных степенях родства, при которых невозможен брак. Если только невеста из другого рода, то, если даже она из-за браков, заключавшихся ранее, оказывается в самом близком свойстве или родстве со своим женихом, на это не обращается внимание. Например, не является препятствием, если невеста приходится сестрой матери жениха, если жених и невеста — дети родных сестер или братьев, если жених — брат матери невесты. Два родных брата могут жениться на двух родных сестрах, разрешено даже брать в жены двух сестер, причем не только одну за другой, но и обеих одновременно. Также отец и сын женятся на двух сестрах, или отец женится на матери, а сын на дочери.

Поскольку такой обычай, столь противоречащий нашим обычаям, кажется нам удивительным и вначале и мне казался не менее странным, то я с большим вниманием повсюду о нем осведомлялся, при этом нашел, что он носит постоянный характер. Исключение составляют только народы магометанской религии и те, кто принял христианство, поскольку они придерживаются своих учений, в каждом из которых принимаются во внимание свои установленные запрещенные степени родства при заключении браков.

Еще один обычай в отношении степеней родства, разрешенных

у язычников, столь же удивительный для нас, состоит в том, что вдова во втором браке обычно достается своему ближайшему родственнику. Вероятно, закон Левитов, согласно которому младший брат должен жениться на не имеющей детей вдове своего старшего брата, чтобы привить то же семя, возник из того же обычая уже тогда общего Востока.

Основным правилом у язычников является то, что вдова во всем повинуется воле ближайших родственников своего покойного мужа. Она ему не наследует, а наследуют всю собственность ближайшие родные, причем в наследство им достается и вдова, ибо, как они говорят, из-за уплаченного калыма она стала собственностью их рода. Правда, они могут вновь выдать

ее замуж за другого, не состоящего с ними в родстве, и вновь взять с него калым, что часто и случается, и главным образом тогда, когда она по своему поведению и сноровке не пользуется доброй славой у своих ближайших родственников. Если же ее любят и она известна как хорошая хозяйка, то это случается редко, и обычно ближайший родственник является и главным наследником, и преемником на супружеском ложе.

Эти народы напрасно обвиняют в мерзости кровосмешений. Они говорят, что смерть прекращает родство и на вдову нужно смотреть так, как если бы она принадлежала опять к своему прежнему роду. Однажды уплаченный за нее калым побуждает их оставить ее себе, так же, как никто не бросит куп-

Камчадал. Kracheninnikow S. Voyage en Sibirie: La description du Kamtchatka. T. II. Paris, 1768

Камчадалка в нарядной одежде. Рисунок второй половины XVIII века. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб, 1799

ленную плодородную землю и не продаст ее другому, если хочет использовать ее сам. Мачеха обычно достается старшему пасынку, но если ему известно, что она до этого слишком близко сошлась с одним из младших братьев, и он не может помешать этому в будущем, то он отдает ее брату.

Я должен сделать еще одно замечание относительно калыма — за вдову он бывает меньше, чем за девушку. Отцветшее девичество, более старший возраст и предрассудок, будто бы с ней не найдешь счастья, служат тому причиной. Точно так же и отец, любящий свою дочь, неохотно отдает ее за вдовца, ибо боится, что она последует примеру первых жен и умрет. Если же он на это решается, то по крайней мере заставляя заплатить более высокий калым и, наоборот, дает дочери меньшее приданое, чтобы тем самым хотя бы

в какой-то степени компенсировать будущее несчастье. У некоторых народов, в особенности у татар, очень распространено даже такое обыкновение, что вдовец бывает вынужден красть невесту, и только когда она уже находится у него, он договаривается со своим тестем о калыме.

Невесту увозят иногда и в некоторых других случаях: если жених или его родители и ближайшие родственники недостаточно богаты, чтобы сразу внести калым, или же невеста недовольна выбором своих родителей и помимо предназначенного ей жениха имеет тайное любовное соглашение с другим, с которым и договарива-

Остяцкие типы.

Остяцкие типы. Финш О. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882

ни в какой мере не подчиняется жениху и не обязана оказывать ему какие-либо услуги. Все же у большинства народов в это время, как только началась уплата калыма, жениху не возбраняется посещать невесту не только днем, но и в ночное время и доказывать ей свою любовь фактическим сожительством. Магометанские татары для этой цели сразу после помолвки выделяют невесте особое спальное место на своих широких скамьях и окружают его занавеской; там жених и занимает ночью место около невесты после того, как отец с матерью ушли на покой, а он якобы тайно прокрался в дом. Один бурятский дарга в Удинском остроге по моей просьбе

ется, что он ее увезет. В обоих случаях возлюбленный со своими лучшими друзьями и ближайшими родными готовится к стычке и все время находится настороже на тот случай, если родственники невесты или настоящий жених с собранной им компанией молодых людей захотят отбить у него добычу. При этом происходят ожесточенные драки, а у тунгусов нередко случаются и убийства, так как они идут друг против друга с луком и стрелами, тогда как другие народы вооружаются только палками. Тому, кто одерживает победу в этих столкновениях, и достается невеста, но калым все равно уплачивается, даже если это происходит через несколько лет после свершившегося брака.

Во время внесения калыма и до окончательной его уплаты отец оставляет дочь у себя и пользуется ее услугами в домашнем хозяйстве. Она

Камчадалка. Рисунок XVIII века. Kracheninnikow S. Voyage en Siberia: La description du Kamtchatka. T. II. Paris, 1768

привел ко мне свою дочь, которая уже некоторое время была обручена, ибо мне хотелось выяснить разницу в одежде у замужних и незамужних женщин. И когда я заметил, что она на последних сроках беременности, то отец сказал, что у них не считается чем-то особенным иметь детей до брака, если этому предшествует настоящая помолвка.

Иногда бывает, что еще до окончательного заключения брака он расторгается, а именно в тех случаях, если жених или его родители заводят ссору с родителями невесты, или невеста оказывается неподходящей жениху, или невеста по причине недовольства женихом позволяет другому увезти себя, как об этом упомянуто выше. Эти случаи, в зависимости от наличия детей, прижитых до брака, и уже внесенного калыма, различаются между собой. Если жених или его родители не желают, чтобы брак состоялся, то весь внесенный калым пропадает, и отец невесты оставляет у себя детей, которых жених прижил с его дочерью.

Но с жениховой стороны такое заявление бывает очень редко, потому что он может добиться того же результата хитростью, причем с большей выгодой. При этом жених ведет себя так, что он будто бы желает невесту, но еще не в состоянии уплатить оставшуюся часть калыма. Тем временем он берет себе другую жену, и когда первый тесть через несколько лет видит, что из женитьбы ничего не выходит и его дочь остается без мужа, а невеста с огорчением обнаруживает, что ей предпочли другую, то недовольство в конце концов выливается в месть — если в это время другой посватается за невесту, ему ее и отдадут. Поскольку первый жених только того и ждал, то он пользуется этим случаем: идет к первому тестю, предъявляет ему свои претензии, что тот нарушил договор, и требует обратно калым. В этом случае, как и тогда, когда встречаются препятствия к браку со стороны невесты или ее родителей, ему должен быть возвращен калым и отданы уже прижитые дети, если таковые имеются. Однако если, к примеру, калым (у монголов, брацких, калмыков, якутов и у лесных народов) был уплачен оленями, верблюдами, лошадьми, рогатым скотом или овцами и скот, верблюды или олени размножились, то приплод остается в собственность отцу невесты. Также с него не требуется и тот скот, который входил в калым, но за время пребывания у отца невесты пал, или был украден, или с ними случилось иное несчастье. Из-за этого часто проистекают крупные ссоры и затяжные судебные тяжбы, когда отца невесты обвиняют в том, что он ложно утверждает, будто

бы у него из калыма погибло или украдено много голов скота. Это тогда проверяется через свидетелей.

Бывают случаи, когда брак отменяется без всяких ссор и с согласия родителей с обеих сторон. Тогда калым жениху непременно возвращается, а в утешение отцу невесты оставляется лучшая лошадь, или верблюд, или лучший бык, или у лесных народов — лучший олень.

Если же дело дошло до того, что калым полностью уплачен и обе стороны настаивают на том, что брак должен быть заключен, то по общему согласию назначается день для свадьбы. При этом, согласно магометанской религии, у тобольских, тюменских, тарских и томских татар некоторые обязанности выполняет духовенство. Они состоят в том, что в присутствии духовенства жених и невеста должны еще раз добровольно выразить взаимное желание вступить в брак, и самое видное в общине духовное лицо подсказывает жениху законы, которыми он должен руководствоваться в браке, а затем произносит благословение.

А поскольку в магометанской религии существуют различные саны духовенства, то от жениха и от обстоятельств данного места зависит и то, какой священник совершает бракосочетание. Люди знатного сословия приглашают ахуна, если поблизости живет таковой, лица среднего сословия — муллу, а простые люди — даже и абыза.

Якуты

Якутская женщина. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799

Якутская баба спереди.
Une Tchakatin vorwärts.
Femme Yakoute par devant.

Я присутствовал на одной такой свадьбе, которая праздновалась 15 марта 1734 года в ауле Сабанак — татарской деревне, расположенной на Иртыше, в 14 верстах выше Тобольска. Она потому проходила в этой деревне, что там жила невеста. Жених же был родом из Тюмени. Когда мы, как нам было указано, прибыли около девяти часов утра в деревню, то застали всех уже веселящимися.

Во дворе было два дома, в одном из которых находилась невеста со всеми бабенками, приглашенными на свадьбу, и со своими родственниками; а в другом доме был жених, также со своими родными и с гостями, которых он пригласил со своей стороны. Такое разделение имеет место лишь в том случае, когда у жениха нет в том же поселении своего собственного жилища. Если же он и его невеста живут в одном городе или в одной деревне, то он со своими гостями остается в своем собственном доме до начала брачной церемонии, как будет указано ниже.

В каждой компании, как у невесты, так и у жениха, была своя музыка — свирели (дудки) и скверные скрипки, с еще более скверным пением; кроме этого во дворе еще били в особого рода маленькие литавры, описанные в главе о музыке. Как ни плохо была музыка, она собрала много слушателей, и было довольно тесно.

На всех татарских торжествах бывают состязания в конных скачках и устанавливаются различные призы, которые достаются тем, кто первым достигнет цели. Для этого были отобраны 30–40 лошадей из лучших скакунов Тобольска, на них ехали верхом маленькие мальчики, которые должны были начать скачку все одновременно в десять часов утра от берега Иртыша в районе Татарской слободы, то есть отсюда, где сразу под горой в Иртыш впадает речка Курдюмка. Первые из них прибыли в аул Сабанак

в 11 часов. Нам и прочим гостям напомнили, что будет такое увеселение, поэтому все собрались во дворе, где были расставлены два ряда призов — одни со стороны жениха, другие со стороны невесты. Призы со стороны жениха были: кусок красной камки, лисий мех, кусок зеленой ткани *Cham*, кусок ткани *Tschaldar* и выделанная красная конская кожа. А со стороны невесты были выставлены: кусок фиолетовой камки, кусок выкрашенной красными и белыми полосами ткани *Darei*, шкура выдры, кусок красной камки и выделанная красная конская кожа. Всего было 10 призов. Они были подвешены к шестам, воткнутым вертикально в землю. Когда начали прибывать всадники, судьи, специально назначенные для этой цели, стали раздавать им призы из обоих рядов в порядке ценности вещей. Первые трое мальчиков, которые прибыли почти одновременно, получили два куска камки и кусок *Darei*. Через довольно продолжительное время прибыли еще трое, которым дали мех выдры, красную китайку и лисий мех; те, которые прибыли вслед за ними, получили зеленый *Cham*, кусок *Tschaldar* и красные конские кожи. Остальные же, приехавшие слишком поздно, не получили никаких призов. Над ними смеялись и стыдили их хлопаньем в ладоши и свистом. Мальчики, или всадники, были частично из татар, частично из русских. Все они, несмотря на то что день был довольно холодный, были очень легко одеты (в широкие полотняные штаны); от скачки быстрым галопом они сильно разгорячились. При раздаче призов иногда были слышны брань и жалобы на то, что судьи действовали пристрастно. Вскоре после этого развлечения, около полудня, началась собственно свадебная церемония, и проходила она следующим образом.

Теперь жениха с его гостями полагалось отвести для бракосочетания в дом невесты. Его с этой целью сопровождали два свата, по-русски дружки, которые шли большую часть времени по обе его стороны, а иногда впереди него, и остальная толпа гостей следовала за ними. Они трижды обошли вокруг двора, недалеко от изгороди, и проходили каждый раз мимо окна той комнаты, где находилась невеста. Когда это произошло в первый раз, из окна этой комнаты в толпу, наблюдавшую за церемонией, было выброшено множество кусочков и лоскутков шелковых и бумажных материй, которые подбирались в давке.

Тем временем духовенство, состоявшее из ахуна и двух абызов, с родственниками невесты собрались в невестин дом в особой комнате. Они сидели на широких скамьях вокруг стен, при этом ахун — в самом почетном углу комнаты, два абыза — рядом с ним по сторонам, а остальные гости и присутствовавшие — в соответствии с их положением. Кому не хватило места у стен, сидели впереди первых во втором и третьем рядах.

Как только жених закончил свое шествие по двору, его повели в дом невесты. Но он не сразу прошел в свадеб-

ную комнату, а должен был ждать в сенях, пока двое его дружек не спросили ахуна и не получили от него ответ, что церемония действительно может начаться. Затем, после входа жениха, дружки еще раз публично и формально заявили о своем сватовстве. Но так как невеста еще находилась в другой, женской, комнате, то ахун послал туда, чтобы получить утвердительный ответ, который вскоре и был принесен. После этого ахун сделал краткое наставление о том, что жених должен жить со своей будущей женой в мире и любви и не вступать без ее разрешения во второй брак. Жених при этом имел весьма огорошенный или пристыженный вид. Ахун спросил жениха, обещает ли он следовать во всем этим супружеским обязанностям, но тот не произнес ни слова. Он опустил глаза в землю, а его сваты дали обещание за него. Затем ахун благословил жениха и отсутствующую невесту на брак и пожелал им счастья, но сделал при этом такую гримасу, которая не выглядела благоговейной. Он сам рассмеялся при этом, и все присутствующие вторили этому смеху.

Что в это время происходило в комнате невесты, я не знаю. Насколько я знаю, ни на одной брачной, или свадебной, церемонии у татар-магометан не присутствуют ни невеста, ни вообще какая-либо женщина. Это делается у этих татар из жеманства и подражания другим восточным народам, таким как турки и персы, с которыми они одной религии, ибо вообще-то у них

Девушка-бурятка. Художник Е. М. Корнеев

Женщина-якутка. Рисунок второй половины XIX в. Народы России: Живописный альбом. СПб., 1880

женщина в обычном домашнем обиходе не приучена к такой чувствительности, чтобы не позволять видеть себя чужим мужчинам.

Как только брачная церемония была окончена, были разбиты на куски несколько сахарных голов, вероятно, как символ приятностей супружеской жизни, и преподнесены на тарелках сначала духовенству, затем всем присутствующим гостям. Каждый взял себе кусок и стал его есть. Однако была заметна разница в величине тех кусков сахара, которые подносились духовенству, и прочих кусков.

После этого жених и все свадебные гости перешли в другую комнату, где на широких скамьях были расставлены всевозможные принятые у них кушанья. Приступили к пиру, который длился до поздней ночи, пока жениха с невестой не повели в постель. Но мы этого не дождались, а после обеда вернулись в Тобольск; однако

Красноярская шаманка. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799

мы слышали потом, что это празднество продолжалось еще на следующий и на третий день. После этого молодой супруг со своей молодой женой и богатым приданым отправился обратно в Тюмень.

Распространенным у всех народов обычаем является то, что они придают значение признакам девственности при первом плотском сожительстве. При этом они не принимают доводов ни физического, ни медицинский свойства, а считают себя вправе при малейших поводах к подозрению принуждать невесту или молодую жену к признанию, кому она подарила первые радости любви. Муж затем требует с виновного удовлетворения, как говорится в главе о правосудии.

О тех народах, которые имеют рабов, обычно говорят, будто бы они имеют среди них также и рабынь в качестве наложниц, из-за чего между мужем и женой нередко возникают большие супружеские ссоры и даже драки. Другие народы, не имеющие рабов, свободны от этого обвинения. Дикие чукчи и коряки, которые постоянно ведут войны с соседями и часто захватывают рабов и рабынь, даже не делают разницы между такими женщинами и женами, выкупленными законным образом. Они одинаково живут с теми и с другими и считают безразличным, приобрели они этот товар по праву войны или по праву мира.

Когда из Анадырско-го острога отправлялись русские отряды в походы против упомянутых диких язычников и захватывали пленных, то им постоянно предъявлялись настоящие требования со стороны чукотских и коряк-

ских рабынь, если служилые сами не решались на супружеское сожительство. Говорят, во время похода капитана Павлуцкого в 1730 году, когда было захвачено много чукотских рабынь (а был отдан строгий приказ, чтобы никто не имел с ними плотского сожительства), женщины и девушки пришли в такое негодование, что осыпали русских солдат и казаков презрительными словами, что они не настоящие мужчины, раз так плохо ухаживают за своими гостями.

Тамошние жители знают по длительному опыту, что если рабыню из этих народов не удовлетворить согласно ее желанию, то она или будет пользоваться любой возможностью для побега, или, если это не удастся, будет недостаточно преданно и усердно обслуживать своего хозяина в выполнении домашней работы. Напротив, если хозяин вступает с нею в плотскую связь, то она считает себя его женой и занимается его делами так, как если бы они были ее собственными. То же, говорят, наблюдается постоянно и в отношении камчатских рабынь.

В сущности, у всех сибирских народов нет большого различия между рабыней и женой. Муж — господин, а жена — служанка. Лишь иногда нежность в супружеской любви делает более переносимым рабское положение женщины в отношениях с мужем. Русские жители Камчатки, которые все из-за отсутствия русских женщин пережились на тамошних рабынях, очень хорошо усвоили это положение и не дают им больше воли, чем они имели бы у своих соотечественников. Жена должна одна выполнять всю домашнюю работу, одевать и раздевать мужа, прислуживать за столом и т. д. А чтобы муж хоть иногда помог жене в чем-нибудь или во время еды посадил ее с собою рядом за стол, это является там неслыханным делом.

Восточные народы обычно смеются над нами, европейцами, когда слышат о нашей чрезмерной любезности в отношении женщин, и полагают, что мы таким образом идем против законов природы.

Вследствие того что женщина держится в таком подчинении, у этих народов отмечается мало семейных раздоров, если только эти раздоры, как уже было упомянуто выше, не вызваны ревностью. Этот пункт играет у них такую большую роль, что здесь они не могут себя преодолеть. Ожидать от женщины непослушания и противодействия мужчине не приходится, так как женщина еще не осознала в себе сил, данных природой, которые у цивилизованных народов быстро вырвали ее из рабства. Однако у женщин есть и другие недостатки, которые могут досадить мужчине и нарушить приятность брака, а иногда и вовсе ее уничтожить и разорвать супружеские узы.

Сюда, прежде всего, относится любовное распутство, которое, если его не хочет переносить женщина у мужа, еще в большей степени не переносится мужем у своей жены. Правда, этот порок у сибирских народов не особенно распространен, ибо у них отсутствует много причин, которые у нас влекут за собой пресыщение и разврат. Но и здесь человеческая природа не полностью свободна от недостатков, которым иногда и повинуются.

То, что случается до брака, а именно: если жених у своей невесты или муж у молодой жены не находит признаков девственности, — сюда не относится, ибо, как было сказано выше, это интересует мужа лишь потому, что он заставляет того, кто его опередил, уплатить за бесчестье. Правда, у лесных тунгусов, которые чуть более щепетильны, чем другие народы, бывают случаи, впрочем, довольно редкие, что муж по этой причине перестает любить свою жену или отпускает ее от себя; у других же народов этого нет.

Если же случается, что муж замечает недозволенные отношения между своей женой и его сыновьями от первого брака или своими младшими братьями (камасинцы не грешат с мачехой, но грешат с женой

Камчадал. Kracheninnikow S. Voyage en Sibirie: La description du Kamtchatka. T. II. Paris, 1768

старшего брата), а это редко не выходит наружу, но это для него не настолько важно, чтобы он из-за этого позволил себе крайности. Они говорят, что это не выходит из пределов дружбы, а после смерти отца мачеха все равно достается пасынку или невестка младшему брату мужа. Однако муж тем не менее не оставляет обе виновные стороны без наказания, чтобы удержать их от этого скользкого пути. Настоящим нарушением супружеской верности считается прежде всего, если оскорбление исходит от постороннего человека, не являющегося близким родственником семейства. В этом случае посторонний человек должен заплатить оскорбленному мужу за бесчестье, иначе дело доходит до серьезных ссор и драк. Жену же муж наказывает, а если она еще несколько раз

попадется в таком преступлении и у мужа не остается надежды вернуть ее на правильный путь, то он больше не считает ее своей женой и отдает ее обратно тестю с возвратом калыма; или продает кому-либо другому; или, если у него есть еще жены, отдает ее как рабыню в услужение той из них, которую больше всех любит; или женится на другой, и тогда предыдущая жена должна искупать свою неверность, постоянно ей прислуживая.

Другой порок в браке, которому придается столь же важное значение, состоит в том, что жена из-за неумения или лени не занимается домашним хозяйством, не имеет достаточного навыка в различных женских рукоделиях, растрчивает мужнино добро, так что он не может ей ничего доверить и не ожидает от нее настоящих услуг. Подобное обстоятельство с тем же основанием, как и указанное выше, дает повод к расторжению брака, и с женой поступают так же, как и в предыдущем случае.

Бесплодие в браке также может отчасти повлиять на то, что жена не пользуется достаточным признанием мужа, ибо каждый человек в соответствии с природой стремится оставить после себя потомство. Но если жена в таком несчастье разумна и хорошего поведения, а муж понимает, что люди подвержены различным

Добывание огня камчадалами. Рисунок XVIII века. *Kracheninnikov S. Voyage en Sibirie: La description du Kamtchatka. T. II. Paris, 1768*

недостаткам, смягчить или устранить которые не всегда в нашей власти, то он смиряется с этим и старается помочь своему горю тем, что, если состояние позволяет, он женится еще на другой, не отказывая все же первой жене в любви и супружеском сожительстве.

Многоженство представляется нам теми писателями, которые возражают его защитникам, в таком дурном свете, как будто из него непременно должны проистекать величайшие недоразумения, ревность и нелады в браке. Однако у тех народов, у которых введено многоженство, замечается как раз обратное, что проистекает из их установлений и соблюдения порядка.

У магометанских татар, которым закон запрещает без согласия первой жены брать вторую, третью и четвертую жену, существует бесспорная субординация жен, а именно: первая, или старшая, жена является как бы домоправительницей и повелительницей над остальными, а те должны оказывать ей во всем почтение и повиновение. Это не мешает тому, чтобы муж предпочитал и больше любил одну из младших жен, но она не должна ни пренебрегать этим, ни стараться возвыситься над остальными. Это, как основное правило благополучия в браке, стремится внушить им сам муж.

В этом усматривается особая разумность, которую, казалось бы, не приходится ожидать у столь нецивилизованных народов. Если предполагать, что разделенная любовь не бывает полной, то все сибирские народы доказывают обратное. Муж, имеющий три или четыре жены, любит каждую из них не по-иному, чем другой, у которого только одна жена. И каждая жена удов-

летворяется той частью любви, какую дарит ей муж. Такая разделенная любовь имеет даже преимущество, заключающееся в том, что каждая из жен состязается с другими в старании оказать мужу больше внимания, чтобы заслужить с его стороны большую любовь.

Муж должен при всем этом выполнять свои обязанности, а именно, если он даже и испытывает больше любви к одной из жен, он тем не менее не должен состоять с ней в супружеском сожительстве больше, чем с другими. Это — основной принцип у всех народов, которые ввели у себя многоженство. Каждая жена имеет одинаковое право на тело мужа, и если муж хочет лишиться ее этого права, то отсюда возникают постоянные ссоры, часто даже драки между женщинами, которым муж не может воспрепятствовать своею властью.

Для осуществления этого каждая из жен спит отдельно, а муж должен ночевать у них поочередно. У монголов, калмыков, бурят, якутов, кузнецких и красноярских татар каждая жена, если только возможности мужа это позволяют, обычно живет в отдельной юрте или хижине, имеет свое особое хозяйство, свой скот и свою прислугу. Муж же не имеет ни собственного жилища, ни скота, но он попеременно ходит в гости то к одной, то к другой жене и осуществляет над всем верховный надзор.

По-видимому, это последнее обыкновение введено для того, чтобы еще вернее предотвратить всякие неприятности и ссоры между женами. Но оно имеет еще и дополнительную причину, которая заключается в том, что поскольку приданое каждой из жен неодинаково, то те из них, которые получили от своих родителей и родственников больше скота как с собою, так и в виде подарков, неохотно соглашаются делить его с теми, кто не так хорошо обеспечен. Поэтому каждая жена имеет прежде всего только то количество скота, какое она принесла своему мужу, а если из собственности мужа после уплаты калыма еще что-то осталось, то он обычно делит это поровну между всеми женщинами.

Во время нашего пребывания в Мангазее я заметил у нескольких самоедов, что они, подобно своим женам, носят волосы заплетенными по обе стороны лица. Я получил по этому поводу следующее разъяснение: если самоед как следует удовлетворяет свою жену или он сожительствует с одной больше, чем с другими, то она в знак благодарности заплетает ему волосы таким образом, а помимо этого смазывает ему всю голову рыбьим или оленьим жиром.

Все, что мужчина добыл за день из дичи, он делит поровну между всеми своими женами, разве только у одной больше детей и прислуги, тогда она получает и больший запас дичи. Муж переходит от одной жены к другой, а так как он должен ночевать у каждой поочередно, то соответственно существует такой порядок, что он должен кормиться у каждой из них в опреде-

ленное время. У лесных тунгусов, которые постоянно пребывают в охотничьих путешествиях и всегда возят с собой жен, существует следующий порядок. Если у мужа две жены и он, например, проводит одну ночь у старшей жены, то на следующий день обедает у младшей жены, ужинает опять у старшей и затем снова навещает младшую, чтобы провести у нее ночь. Каждая из жен старается угостить его как можно лучше, а так как он должен хотя бы немного поесть до сна еще и у той жены, у которой ночует, то он никогда не наедается вечером у первой досыта, чтобы тем самым не вызвать ревности, так как женщины между собой очень этим считаются.

У таких народов, как монголы, буряты, якуты, у которых из-за скотоводства жены не могут находиться поблизости друг с другом, и нередко одна жена живет на расстоянии дня пути от другой, муж, только что покинув постель одной жены и немного позавтракав, отправляется в дорогу, чтобы навестить другую. Если этот путь столь дальний, что он не поспевает прибыть к обеду, то он берет в дорогу только такой запас еды, какой требуется, чтобы перебороть свой голод, так

как жена уже знает время его обычного прибытия и держит обед наготове. После этого он остается у нее до следующего утра.

Все сказанное предполагает такое стечение обстоятельств жизни мужчины, что у него нет никаких других занятий, кроме как угождать своим женам и заодно присматривать у них за хозяйственными делами. Если муж хочет поехать навестить своих друзей и знакомых, или он отправляется на охоту, или уезжает по другим делам, то выполнение своих обязанностей по отношению к женам он подлаживает к вышеуказанным целям. Но все же муж должен предварительно проститься с каждой из них, а когда он возвращается домой, то начинает свои посещения в том же порядке, который был прерван его отъездом.

Если бы я не опасался погрешить против приличия, то мог бы затронуть еще и некоторые потаенные обстоятельства брака.

РГАДА*, ф. 181, д. 1386, ч. II, лл. 37–51 об., 63–70

* Российский государственный архив древних актов (ф. — фонд, д. — дело, об. — оборот, лл. — листы)

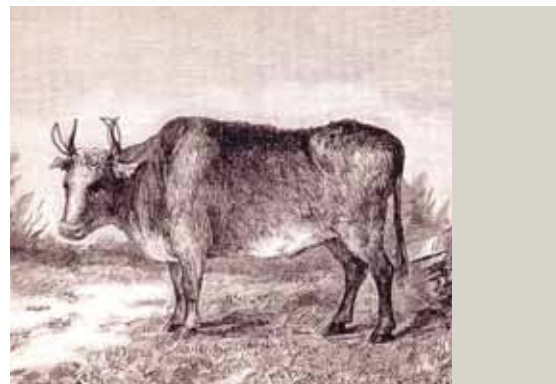

Остяки. Литография XIX века

Языческие верования и обряды

Из путевых дневников

Герарда
Фридриха
Миллера

Значительное место в экспедиционных рукописях Г. Ф. Миллера отводится характеристике духовной культуры аборигенов Сибири, их мировоззрения. Наиболее полно в записях путешественника представлены материалы по следующим проблемам: божества и духи, их влияние на судьбы людей; шаманы как посредники между людьми, божествами и духами; душа у человека и животных; представления о болезнях и смерти; погребальный культ и потусторонний мир; тотемические, промысловые, родовые и семейные культы; культ коня; магия (лечебная, любовная и др.); разного рода гадания и предсказания. Как и многих других путешественников, его особо интересовал сибирский шаманизм. За время путешествия по Сибири Миллер встретился со многими десятками шаманов, присутствовал на сеансах их камланий, на проводимых ими обрядах жертвоприношений. К одним из них он специально приезжал, других вызывал для расспросов в город и, как правило, добивался откровенности, получая подробнейшие сведения по самым разным аспектам шаманского мировоззрения и

обрядности. Нередко в таких встречах одновременно принимали участие несколько шаманов. Так, в ночь с 6 на 7 августа 1738 г. в одном из бурятских улусов свое искусство ученому демонстрировали пять шаманов и две шаманки.

По мнению Миллера, для шаманов их занятия были своего рода ремеслом, которым они зарабатывали себе на жизнь. Немало места отводит ученый описанию разного рода ухищрений, с помощью которых шаманы вынуждали людей, больных или тех, кого удавалось запугать, тратить на камлания (для жертвоприношений и вознаграждения шаману) скот, меха и другое имущество. Рассказывая о якутских шаманах, ученый сообщает, что, посещая в первый раз больного, они не надевали шаманской одежды и не брали с собой бубна: они якобы лишь выясняли, кто из «чертей» похитил душу больного, и вели с ним предварительные переговоры о жертве, которой тот мог бы удовлетвориться взамен этой души. В некоторых случаях шаманы объявляли результаты переговоров неблагоприятными и признавали свое бессилие. Миллер объясняет это так: «Создается

А. Х. ЭЛЕРТ

впечатление, что эта церемония проводится шаманом, может быть, лишь для того, чтобы он мог прежде как следует осмотреть больного и определить, не находится ли он, возможно, уже в таком состоянии, когда нет совершенно никакой надежды на выздоровление. Там, где он это видит, шаман не испытывает свое искусство на больном, с тем, чтобы оно не могло быть дискредитированным последовавшей затем смертью пациента». Нередко шаман, который во время камлания у больного должен был спуститься в подземный мир за душой, по возвращении объявлял о том, что ему удалось заодно освободить и обнаруженные в преисподней души некоторых присутствующих. «А некоторым другим, — пишет Миллер, — он говорит, что не смог добиться освобождения их душ, и это он обычно объявляет самым богатым и знатным, с тем чтобы это могло принести ему новый заработок. Ибо подобные люди пугаются по этому поводу, приглашают шамана к себе для камлания, и при этом вновь закалывается жертвенная скотина...». Правда, ученый признает, что наряду с корыстолюбивыми шаманами были и «честные», довольствовавшиеся ничтожным вознаграждением или вовсе обходившиеся без него.

Рассказывая о разного рода чудесах, на которые якобы были способны «сильные» шаманы (исчезновение связанного шамана из юрты, протыкание тела ножом, хождение босиком по раскаленным углям, натирание лица этими углями и т. п.), Миллер неизменно дает им рационалистическое объяснение. После многократных наблюдений за камланиями ученый пришел к выводу, что проделываемые шаманами «фокусы» могут произвести впечатление лишь на простодушных или неискушенных людей, которые впервые сталкиваются с подобными действиями. Всякий раз, узнав о каких-либо «чудесах», он не успокаивался до тех пор, пока не находил ответа на вопрос, каким образом они проделывались в действительности. Так, наблюдая сеанс камлания, в ходе которого шаман натирал лицо раскаленными углями, он пришел к выводу, что секрет кроется в ловкости рук шамана, который подносил к лицу пригоршню углей, но уже в первые мгновения эти угли просыпались между растопыренными пальцами и в руках оставалась лишь зола. В одном случае Миллер даже протокольно оформил в Якутской канцелярии «скаску» шаманки «в славе», искусство которой он испытывал дважды в присутствии свидетелей.

Представления Миллера о шаманах как сознательных обманщиках полностью разделял и его товарищ И. Г. Гмелин. Чрезмерная категоричность и односторонность такого взгляда ученых на шаманизм и шаманов стала очевидной для исследователей лишь свыше века спустя. Более высокого мнения был Миллер об актерских способностях шаманов, в особенности, когда они представляли путешествие в подземный мир, во

время которого должны были преодолевать различные препятствия, вести переговоры о возвращении души больного. Мгновенные перевоплощения шамана в гагару, владыку подземного мира, его жену, слуг, самого себя, скачущего на коне-бубне, и т. п. он сравнивает с игрой в театре актера, изображающего сразу несколько персонажей.

У народов со слабой социальной дифференциацией шаманы выполняли разнообразные и, зачастую, очень важные функции. В кризисных ситуациях они нередко играли консолидирующую роль в обществе. Среди дневниковых записей Миллера имеются рассказы о знаменитых шаманах, выступавших в роли вождя рода или племени.

Интересны наблюдения Миллера относительно влияния шаманизма на русских жителей Сибири, среди которых появлялись даже собственные шаманы (в особенности на Северо-Востоке). Многие сибиряки-русские, в том числе воеводы и другие представители царской администрации, были уверены в могуществе и сверхъестественных способностях шаманов и прибегали к их помощи.

В совокупности материалы Миллера о языческих верованиях сибирских аборигенов и шаманизме составляют многие сотни страниц рукописного текста на немецком языке и затрагивают практически все проблемы, связанные с этим феноменом. Больше всего таких материалов посвящено мировоззрению якутов, пантеону якутских божеств и духов (с указанием более ста их имен, иерархического положения, функций и т. д.), а также шаманской практике и разного рода языческим обрядам. Только описанию Ысыаха — главного якутского праздника кумысного жертвоприношения божествам и силам природы (сейчас он широко отмечается как национальный праздник встречи лета) — посвящено около 50 страниц. Некоторое представление о содержании этих материалов дает публикуемый ниже фрагмент полевого дневника Миллера с описанием якутского обряда жертвоприношения.

Г. Ф. МИЛЛЕР

писание якутского обряда ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Девятнадцатого и двадцатого июня 1737 г. видел у якутов в семи верстах ниже города Якутска, как они приносят жертву своим чертям.

Для жертвоприношения был предназначен годовалый теленок красной масти, и его привязали к березе, посаженной специально для этого перед летней юртой таким образом, что он был поставлен головой к открытой двери юрты.

В юрте находился шаман со своей якутской компанией — шаман посередине, а простые люди вокруг него. Начало было с обыкновенным битьем в бубен и непрерывными криками, производимыми шаманом, как обычно сначала сидя, а затем прыгая. В своем приторном экстазе шаман также изрядно колотил всех окружающих якутов и при этом сломал свою колотушку

для бубна, но вместо нее ему сразу сунули в руку другую, так как на этот случай в запасе всегда держатся одна или две такие колотушки.

Во время битья в бубен теленок перед юртой вел себя очень дурно и несколько раз распластывался на земле. Якуты объясняли это его боязнью перед чертями, которых подманивает шаман, однако это вызывалось ничем иным, как тем, что теленок видел перед собой громко кричащего и постоянно очень сильно бьющего в бубен шамана. Шаман дважды, после того, как бросал бубен и колотушку из рук на землю, выпрыгивал из юрты и обхватывал шею теленка, очень сильно сдавливал ее, так что от этого теленок скалился, а также раздирал ему рот и дул в него. При этом он также кричал. Якуты говорят, что шаман таким образом загонял в теленка всех

Якутская колдунья. Рисунок второй половины XIX в. Народы России: Живописный альбом. СПб., 1880

чертей, которых он подманивал, и от этого теленок вел себя очень дурно. У меня было подозрение, что шаман во время сдавливания шеи и раздиранья рта мог применить где-нибудь колючку, от которой теленок мог затем дурно вести себя, скалиться и прыгать. Однако последнее показало, что этого ни разу не произошло. Еще меньше оснований полагать, что в игру был впутан черт, так как теленок оставался точно таким же, как и до того, а после окончания битья в бубен вел себя совершенно спокойно. Казалось даже, что во время битья в бубен теленок вел себя гораздо спокойнее, чем в самом начале церемонии, ибо со временем он привык к этому.

При церемонии с теленком шаман во время битья в бубен неоднократно призывал, чтобы черти, которых он называл поименно, и прежде умершие шаманы

удовлетворились этой жертвой вместо него. Обычно же, когда подобная церемония совершается ради больного, шаман просит, чтобы черти и умершие шаманы забрали и сожрали намеченную жертву вместо больного. Ибо они верят, что черти и шаманы губят и пожирают людей.

После окончания церемонии с теленком, шаман совершил церемонию, заключающуюся в том, что он через определенные промежутки времени как обычно бил с громким криком в бубен и бросался плашмя животом и лицом на землю в южной стороне юрты головой к стене, повторив последнее девять раз. Каждый раз он лежал лицом и животом на земле около четверти часа, шевелил пальцами, как если бы кого-то манил, и часто подергивал ногами. Иногда он также кричал

...У якутов все жеребцы в особом почете, так что на них никто не ездит верхом и в подводы их дают не иначе, как при крайней нужде. Тех жеребцов, которые имеют белую или бледно-серую масть, они освящают с помощью шаманов (Г. Ф. Миллер)

Уникальные экспонаты из Ленского историко-архитектурного музея-заповедника «Дружба»: традиционные якутские жилища — летняя хижина из бересты, зимний балаган, детская одежда, люлька, посуда для кумыса, копия Спасо-Зашиверской церкви из музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН

наподобие гагары, притворялся, будто хочет встать, но якобы не может. Разъяснение якутов при этом такое. Черти живут в земле на глубину девяти ярусов. Каждый ярус заселен чертями особого рода, и все они должны быть преодолены, пока не прибудешь в нижний ярус знатнейшего черта, который имеет власть над остальными. По их, якутов, мнению, шаман в своем экстазе действительно проходит вместе с жертвенной скотиной через все девять ярусов и, наконец, доставляет скотину главному черту. То, что он лежит на земле и вышеуказанным образом жестикулирует руками и двигает ногами, а также делает вид, будто бы хочет встать, но

якобы не может, и что он кричит, как гагара, — все это означает, говорят якуты, что он должен под землей плыть, как эта водоплавающая птица. А когда шаман по достижении поставленной цели (яруса, который он должен был посетить) хочет вернуться назад, то он точно так же, как эта водоплавающая птица, которой очень трудно взлететь из воды, не может сразу подняться. Между тем шаман, полежав некоторое время на земле, всякий раз как бы снова приходил в себя и действовал так, как если бы он снова был на земле среди своих сородичей, которых он постоянно развлекал битьем в бубен и криками.

Фото В. Короткоручко

Место проведения якутского национального праздника ЫСЫАХ (Кангаласский улус)

...Один юракский шаман, который в юности жил у русских промышленных на р. Енисее в качестве раба и был крещен, а также еще 15 лет после крещения исповедовал христианство, однако впоследствии сбежал снова к юракам и стал у них шаманом, имел, говорят, такую большую славу, что являлся знатнейшим шаманом своего времени. Он будто бы раздевался донага и протыкал тело большой пальмой, так что каждый мог видеть, как пальма входила в тело с одной стороны и выходила с другой. Он также разрезал живот поперек так, что внутренности вываливались ему на таз, после чего он некоторое время лежал как мертвый. Однако вскоре затем он снова оживал и тогда помещал внутренности опять в тело и один раз с громким криком (Ho!) хлопал обеими руками по телу, после чего у него больше ничего не было видно, и он вставал здоровым. Промышленный Панзируев утверждает, что и то и другое он видел собственными глазами и клянется, что оба раза вся верхняя часть туловища у шамана была голой. Юраки сказали Панзируеву, что шаман иногда разрезает себе грудь, вырывает из нее сердце, держит его некоторое время вверху и трясет, затем снова помещает его в тело и ударом заживляет рану (Г. Ф. Миллер). РГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 310 об.—311

Хомус — древний инструмент шаманской практики

Наконец, когда он упал в девятый раз, чтобы получить аудиенцию у знатнейшего черта в девятом ярусе, то обнаружилось много затруднений, прежде чем он был впущен слугами в приемную. Он долго спорил с ними, и это было, как если бы актер в театре одновременно представлял и имитировал трех или четырех персонажей. После того как шаман все же получил аудиенцию, точно так же было обставлено и со знатнейшим чертом. Последний вначале не хотел принять жертву и говорил, что она так ничтожна, вот если бы это была хотя бы

трех- или четырехлетняя скотина, то она еще могла бы подойти. Он спрашивал также, от какого это больного. Шаман, со своей стороны, учтивейшим образом извинялся и на все держал ответные речи. Супруга черта, которая представилась больной и жаловалась, сказала, наконец, доброе слово шаману, после чего черт принял жертву. Сразу после этого шаман стал вести себя так, как если бы он хотел что-то поймать, а слова, которые он при этом выкрикивал, означали, что он ловит телят, который вырвался с того места, где его оставили привязан-

занным. Далее — как если бы он находился между двумя дерущимися партиями. Это означало, что в подземных жилищах имелась еще одна рогатая скотина, которая бодалась с телятком, приведенным им. Но телятенок одолел ее. Далее: шаман хватал себя за волосы, тащил их вместе с головой к земле и, кроме того, принимал позы, соответствующие борьбе. Это означало: черти ссорились и дрались между собой из-за жертвенной скотины, которую он им доставил, так она была им всем приятна.

Во время всего действия у высшего черта шаман часто кланялся головой до земли, большую часть времени, пока он был указанным просителем, он стоял на коленях и, наконец, когда он хотел возвращаться, сказал: «Господин черт, что я должен еще сказать — ты сам все знаешь лучше всех. Только непременно приходи завтра и не отвергай жертву, которую мы принесем тебе». Черт в ответ пообещал прийти и пригласил также всех якутских гостей, находившихся в юрте, к поеданию жертвы. С этим шаман встал, повернулся и продолжительное время пропрыгал галопом к северной стороне юрты. Это означало, что он возвращается верхом. Наконец он упал в притворном обмороке и посредством многократного высекания огня над его головой вновь приведен в чувство. Конец этого вечера. Телятенок, которого после совершения первой церемонии привязали к дереву недалеко от юрты, остался таким образом стоять ночь, и каждый лег спать.

На следующий день, вскоре после восхода солнца, началось жертвоприношение. Примерно в 1/2 версты от юрт (в других случаях это бывает и дальше) для этого было отыскано место, где приблизительно в 2–3 сажнях друг от друга с востока на запад стояли два дерева. На этих деревьях топором были изображены (не шаманом, а другим, обычным, якутом) девять личин — на одном дереве шесть, на другом три. Якуты говорят, что в данном случае неважно, сколько личин на каждом дереве. Ибо, если, к примеру, поблизости находятся три дерева, которые к тому же не очень толстые, и, соответственно, на них мало места для личин, тогда их изображают на всех трех деревьях, только их число должно в сумме равняться девяти. Можно поверить, что изображения должны были быть очень грубыми и неузнаваемыми. Каждая щека формируется одной или двумя плоскими насечками, нос между ними остается природной корой дерева, а рот представляют две глубокие поперечные насечки. Глаза, лоб и т.д. не видны.

Между двумя деревьями или невдалеке от них к югу на землю были положены друг подле друга девять поленцев, каждое длиной в аршин; все они очень грубо изображали рыб и были ориентированы головами на юг. Они, как и вышеописанные личины, должны были обозначать умерших шаманов. А причиной изображения рыб указывается то, что шаманы в земле и под землей

должны передвигаться с места на место как рыбы.

Еще до рыб в небольшом отдалении к югу были посажены девять молодых березок в ряд с востока на запад, не все на одинаковом расстоянии друг от друга. Из белых конских грив была скручена тонкая веревка толщиной с бечевку и длиной в девять сажней (а именно, ручных сажней), и к этой веревке на расстоянии приблизительно в пол-аршина друг от друга было привязано понемногу свисающего конского волоса, также из белых грив. Эта веревка была закреплена на девяти березках с востока на запад таким образом, что лицевыми сторонами она оказалась обращенной на юг и север.

Эта и последующие три страницы являются в некоторой степени вставкой.

Это действие с девятисаженной веревкой имеет, говорят, следующее значение. Так как шаман прошлым вечером ездил под землю на глубину девяти ярусов, где он миновал девять мест такого рода, на которых обычно якуты ввиду почтения что-нибудь вешают, то эта веревка в девять сажней посвящена этим различным девяти местам. Количество висящих на ней прядей и расстояния между ними значения не имеют.

Они имеют обыкновение еще и помимо этой церемонии в известных местах, которые в сравнении с другими выделяют почтением, таких, как Кангаласский и Сергуев Камень и р. Лена, вешать точно такие же веревки в девять сажней. При этом они говорят, например: «Это я подношу тебе, Сергуев Камень, для твоих девяти сыновей и девяти дочерей». Такое выражение имеет форму поговорки: когда якуты хотят пожелать кому-либо что-то доброе, то желают ему, чтобы он получил девять сыновей и девять дочерей. Другим урочищам, которые являются не столь значительными, они вешают веревки в шесть, пять, четыре сажени или еще меньше и даже из одной кисточки, которую проезжающий срезает с гривы коня. Все, что якуты вешают в знак почтения к урочищам, называется у них *Delbergè*, то есть повешенное. Это может быть что угодно и при каких бы обстоятельствах это ни произошло. Рыб (о которых выше) они называют *Lò-baligà*, то есть рыбы преисподней. *Lo* — это местопребывание главнейшего черта, которого они называют *Kütatài-töjön*, а его супругу — *Kütài-eimachsìn*, то есть старуха. У *Kütatài-töjön* а пребывают умершие шаманы, и они используются для посылок, чтобы убивать людей и доставлять их в преисподнюю равно как и остальные подчиненные черти выполняют такую же функцию. В преисподней людям плохо. Они живут постоянно во мраке и холоде. Туманно и всегда дурной запах. Черти и шаманы, которые доставляют их, калечат их: одному отрывают руку, другому — ногу. Почти все простые якуты немедленно поедаются, так что от них ничего не остается. Шаман говорит все же, что когда во время шаманства он миновал девять ярусов до преисподней,

то в пути часто видел многих лежащих людей, которые были сильно искалечены и жаловались.

Более детально путешествие шаманов в преисподнюю шаман представляет следующим образом. Они считают бубен своим конем, как будто они на нем скачут, а коло-тушку — плетью. С ними они едут под землю, минуют всевозможные места — чистые поля, луга, леса, озера и т. д. Когда они падают и поступают так, будто плывут подобно гагарам, то они минуют озера. Невдалеке по ту сторону этих озер находятся горы, а по дорогам через них живут черти, перед которыми они кланяются и приседают, потом встают. А таких гор и дорог через них, заселенных чертями, которые надо миновать, числом девять. После этого они прибывают к местожительству главного черта, или в преисподнюю.

Якуты верят, что и на земле все своеобразные и выдающиеся урочища, которым они обычно что-нибудь вешают, заселены особой категорией чертей, которым они приносят жертвы, вешая разного рода лоскуты и конский волос и бросая палку или прут. Все урочища у них женского рода, и они присоединяют к их названиям уважительные слова *Ebè*, то есть бабушка, и *Chotun*, то есть госпожа. Как, например: *Öriüss-ebè*, то есть Лена, *Itik-chaià-ebè*, то есть Кангаласский и Сергуев Камень, *Gorod-ebè*, а также *Gorod-chotùn*, то есть Якутск, *Marcha-chotùn*, то есть речка Марха, *Ürüng-Köl-chotùn*, то есть Белое озеро немного ниже города Якутска. *Ebè* знатнее, чем *Chotun*. Якуты называют также город Якутск почитательно *Ebè*. Например: «Откуда ты идешь?» Ответ: «*Ebè-t'-tèn*» — от бабушки (то есть из города).

Продолжение о церемонии жертвоприношения. Жертвенная скотина была привязана к дереву, которое находилось, если обратиться лицом к югу или к вышеописанным приготовлениям, слева. Я спросил, всегда ли она находится у дерева слева, так как предположил, что поскольку это дерево стояло к востоку, то и в этом могло что-то обнаружиться. Однако на это я получил отрицательный ответ. Выбирают лишь более тонкое дерево, а делается это потому, что шкура скотины затем должна быть установлена на срубленной верхушке данного дерева, что в случае с очень толстым деревом гораздо сложнее сделать и требует работы.

Перед деревьями, приблизительно в одном или двух шагах к северу от них, в землю были воткнуты две деревянные развилки в половину человеческого роста высотой, остриями вверх. На остриях были закреплены узкие доски примерно в два пальца толщиной и в один аршин длиной. На этих досках были поставлены и закреплены маленькие вырезанные из дерева чашечки — пять на одной доске и четыре на другой, в общей сложности девять. Эти чашечки называются *Tschogotschok*. Развилка с пятью чашечками *Tschogotschok* стоит посередине перед обоими деревьями, а другая — несколько левее. Первая посвящена чертям и умершим шаманам мужского рода,

а вторая — женского. Ребра досок, на которых были закреплены чашечки *Tschogotschok*, обращены на юг.

Еще перед развилками, а именно, на незначительном расстоянии к северу от них, прямо перед левым деревом, к которому была привязана жертвенная скотина, якуты поставили лабаз, по-якутски *Aragàs*, приблизительно в человеческий рост высотой. Этот лабаз был покрыт березовыми ветками. Перед лабазом был разведен костер, у которого стояло в общей сложности девять глиняных горшков, пять с одной стороны и четыре с другой, чтобы варить в них мясо скотины, которую должны были забить.

Скотину забил не шаман, а другой простой якут, который во время всей церемонии выполнял роль дьякона при шамане. Скотину повалили на землю головой на юг. Забойщик вначале сделал разрез на брюхе, повдоль него, чуть ниже грудины, запустил в разрез руку и (как мы увидели затем при вскрытии) оторвал аорту чуть ниже сердца. Аорта по-якутски, *Sisin-üëse*, то есть спинная артерия. И в обычной жизни забой у якутов осуществляется таким же образом. Причина, которую они указывают, заключается в том, чтобы тем самым не могла быть упущена кровь, которая считается у них большим деликатесом. Со скотины сняли шкуру, но все же таким образом, что она оставалась лежать все время на спине. Голова, исключая язык и мясо с челюстей, а также четыре ноги, считая от коленей, остались со шкурой. После того, как с одного или другого бедра или с другой части туши шкура снята, сустав отрезается, но всегда в сочленениях, с тем чтобы не могла быть повреждена или сломана ни одна кость. Другие якуты режут мясо на маленькие куски и кладут их в девять горшков для варки. Бедренные жилы также отделяются и оставляются на шкуре. Они также вырезают из коленных чашек мускулы, а из коленных суставов куски жира. К этому они добавляют еще мочевой пузырь и сохраняют все это отдельно до окончания всей церемонии.

После того как была разрезана грудина, собравшуюся в ней кровь вычерпали в тую и, после сворачивания, ею были полностью вымазаны деревянные личины и вырубленные на деревьях личины умерших шаманов в качестве жертвы для них. Остальная кровь была помещена в кишки, сварена и съедена вместе с остальным мясом. Кишки и желудок были лишь грубо выдавлены и несколько очищены от находившихся в них нечистот, но не вымыты. Они почти не моют ни пищу, ни посуду. Печень была порезана на куски, обвернута куском сети и сварена. Это любимейшее лакомство якутов, которое они называют *Togotschò*. Они также жарят печень маленькими кусками на огне.

Тем временем, пока мясо, кишки и потроха варились, шкура была водружена на дерево слева следующим образом. У дерева была срублена верхушка, на нем

в направлении с севера на юг закреплена поперечная деревяшка длиной со шкуру, и на эту деревяшку повешена шкура головой на юг. Такая повешенная шкура называется по-якутски *Kerjäch-Tiritè*, то есть жертвенная шкура (вся церемония жертвоприношения, которую русские называют словом жертва, по-якутски называется *Kerjäch*). Вешанье шкуры всегда осуществляется одинаковым способом, за исключением тех мест, где нет деревьев. Тогда они вбивают в землю два кола с поперечной жердью длиной со шкуру и вешают на нее шкуру. Это делается главным образом лишь тогда, когда они жертвуют вышшим, или воздушным, чертям, и в этом случае нет церемонии с шаманскими личинами и деревянными рыбами, а также путешествия шамана в преисподнюю.

После того как мясо было сварено до полуготовности, его достали из горшков и положили на лабаз. В тую налили бульона и нарезали кубиками часть легкого. Затем они вначале наполнили девять маленьких чашечек в качестве пищи приглашенным чертям: в каждую чашечку немного бульона и кубик легкого. А после этого шаман и его дьякон побрызгали чертям бульона и мелко нарезанного легкого вверх и вперед на землю. Бульон и легкое каждый раз в одной ложке. Кому они брызгают по порядку:

1. *Kutatai* как главному черту, с его семьей и всеми чертями. *Kutatai* имеет также много детей. Каждому — поименно.

2. Поименно умершим шаманам, которые им известны или о которых у них имеются предания, что они из их рода. Церемония касается всегда лишь одного рода, а именно тех, которые принадлежат к роду того, для кого проводится жертвоприношение. Это может быть большой, или шаман может проводить церемонию для собственной персоны, что иногда также происходит.

3. Урочищам, а именно тем чертям, которые в этих урочищах пребывают.

Они также приглашают на мясо, лежащее на лабазе, всех чертей разом. Выражения при этом такие: господи черти и шаманы могут досыта наесться и за это тому, кто эту жертву им представил, даровать долгую жизнь. Затем, по завершении брызганья, шаман говорит главному черту: после того, как мы тебя угостили, можешь на коне, которого мы для тебя поставили (имея в виду повешенную бычью шкуру), вернуться домой.

После этого шаман и остальные якуты сели есть. Ветки с вареным мясом были сняты с лабаза и положены на землю. Якуты сели различными рядами без порядка, сначала ели сухое мясо, которое было начисто срезано с костей и маленькими кусками разделено между ними. Затем ложками ели бульон. После трапезы они сожгли кости, мускулы и куски жира, вырезанные при забое вышеуказанным образом из коленных чашек. Все установленные вещи, как-то шкура, маленькие чашечки,

веревка и т. д., так и оставляются и никем не трогаются, оставаясь так долго, как это позволяют ветер и погода. Шкуре они не поклоняются.

Некоторые шаманы, как, например, тот, кто проводил вышеописанную церемонию, не могут совершать жертвоприношения божествам посредством обычной весенней церемонии чоканья*. Они также не могут жертвовать божествам коней, считаясь нечистыми и грешными. Простые якуты говорят, что такие нечистые шаманы могут с помощью чертей околдовать и губить людей. Сами шаманы отрицают это, но признают, что имеют связь лишь с чертями и ни с кем из божеств.

РГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 223 об.—236 об. Перевод с нем.

* Чоканьем русские называли обряд кумысного жертвоприношения (Ысыях), который сопровождался возгласами шаманов «чок!». Миллер сообщает: «Церемония, которую якуты имеют обыкновенно торжественно проводить весной, называется у них *Yssjèch*, то есть брызганье, поскольку она состоит преимущественно из этого. Русские называют эту церемонию чоканьем, так как шаманы во время нее часто выкрикивают слово *Tscho* или *Tschok*.» (РГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 208 об.).

Современная скульптура на месте проведения якутского национального праздника ЫСЫАХ. Фото В. Короткоручко

Черно-белые фото — из монографии якутского этнографа Андрея Андреевича Саввина (1896—1951) «Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии)» (Якутск, 2005)

РУССКИЕ СИБИРЯКИ

А. Х. ЭЛЕРТ

В материалах участников академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.) мы найдем немало любопытных свидетельств, касающихся образа жизни и нравов русского и аборигенного населения Сибири. С этими свидетельствами плодотворно работают историки. Для ряда научных комментариев к ним характерен один нюанс — время от времени утверждается, что иностранные участники экспедиции рассматривали Сибирь как область очень неблагоприятную в бытовом смысле. Приметы этого неблагоприятия, при этом называемые, — повальное пьянство, лень, безответственность, страсть к наживе и т. д. Мы не случайно поставили на первое место именно пьянство — разговоры о нем как о некоей русской национальной «константе» давно сильно отдают мифологией.

Попробуем беспристрастно разобраться, о чем свидетельствовали знаменитые путешественники и как они интерпретировали собственные наблюдения.

Действительно, ученые (и не только иностранцы), попавшие в академический отряд великой экспедиции Беринга, немало писали о том, как производство и потребление алкогольных напитков влияли на жизнь тогдашних сибиряков. Выводы, к которым склонялись наблюдатели, довольно близки, но вместе с тем есть в них и важные отличия.

Прежде чем разбираться в этих выводах, следует отметить, что их нельзя назвать «ума холодными

наблюдениями». Ведь делали их в той или иной степени «заинтересованные» зрители. Сами участники экспедиции вовсе не были убежденными трезвенниками. В багаже академического отряда всегда имелся изрядный запас алкогольных напитков — как водки, так и европейских вин (в особенности — рейнвейна). Впрочем, оговорка «в той или иной степени» — существенна. Путешественники были очень разными людьми — в том числе и в своем отношении к алкоголю. В немалой степени это объясняется особенностями их происхождения, культурным уровнем, статусом и индивидуальными чертами характеров.

Так, например, неофициальные руководители академического отряда Г. Ф. Миллер (его отец служил ректором гимназии) и И. Г. Гмелин (выходец из семьи потомственных врачей и аптекарей), с детства воспитывались в протестантских традициях умеренности и благочиния — поэтому не удивительна их приверженность к европейским винам. Но «приверженность» — это, пожалуй, сказано слишком сильно. Пили они, как правило, «по медицинским показаниям», то есть относились к алкоголю рационально, как и подобает протестантам. Рейнвейн эти ученые рассматривали как стимулирующее и лечебное средство. Первый сюжет, подтверждающий это, относится уже ко времени подготовки экспедиции. Миллер, рассказывая о том, что его участие в экспедиции предопределила опасная болезнь Гмелина, вместо которого он и был включен в состав академического отряда, сообщает — однажды вечером, оставшись дома один, отчаявшийся Гмелин,

XVIII ВЕКА И АЛКОГОЛЬ

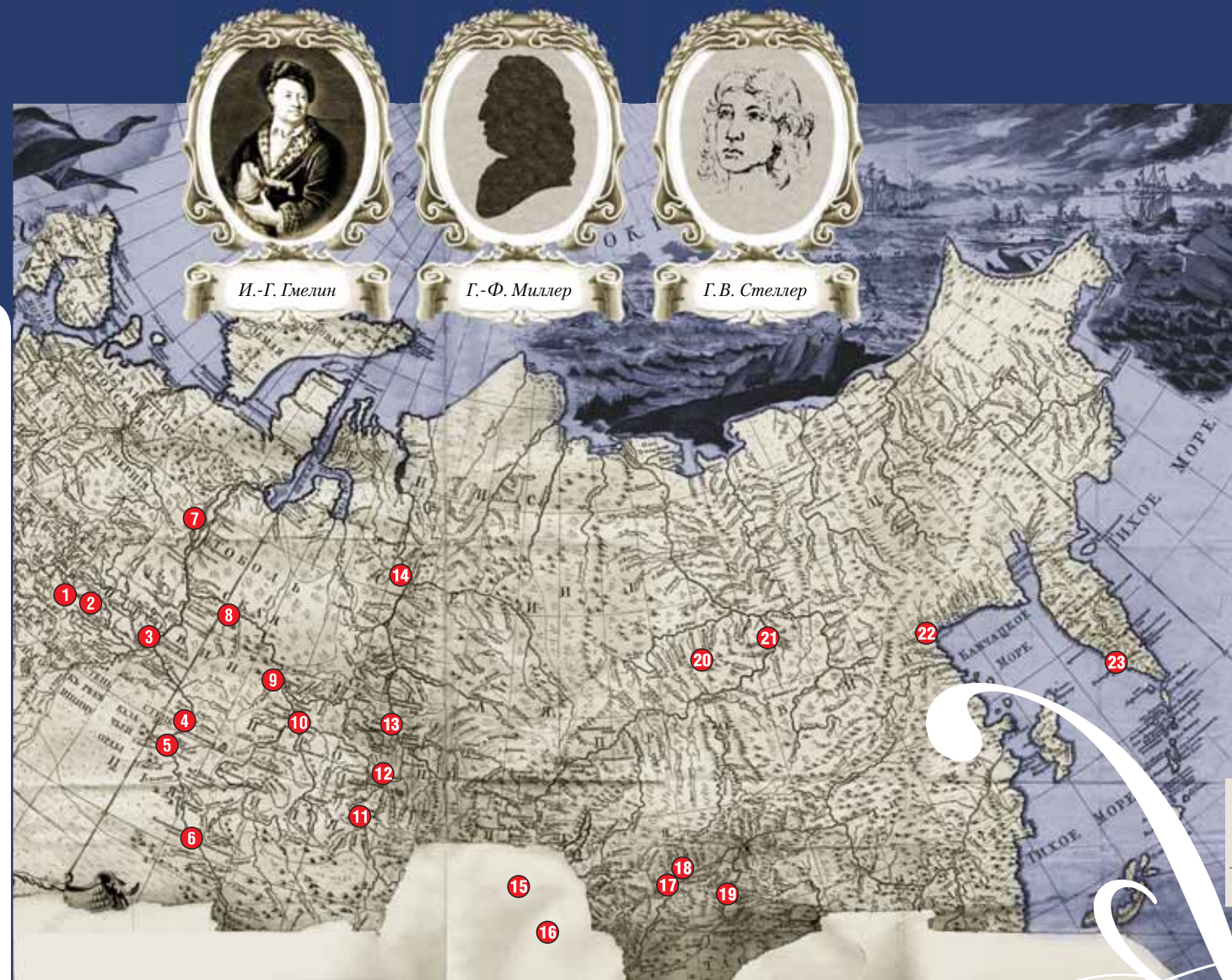
И.-Г. Гмелин

Г.-Ф. Миллер

Г. В. Стеллер

1. Екатеринбург	8. Сургут	15. Иркутск	22. Охотск
2. Тюмень	9. Нарым	16. Кяхтинская слобода	23. Петропавловск
3. Тобольск	10. Томск	17. Читинский острог	
4. Тара	11. Абаканский острог	18. Нерчинск	
5. Омск	12. Красноярск	19. Аргунский острог	
6. Семипалатинск	13. Енисейск	20. Илимск	
7. Березов	14. Мангазее	21. Якутск	

По большому счету, ничего случайного в истории не бывает. Всякое событие связано массой незримых нитей с другими событиями — прошлого и будущего; они — взаимообусловлены, вступают в прямой диалог. И все-таки. Иногда кажется, что какие-то важнейшие исторические узлы завязываются как бы совершенно случайно... Кто-то что-то сказал, сделал, не туда повел войска, поднялся утром с постели в мизантропическом настроении — и вдруг из этой точки вырастает «эпоха». Таких узлов немало в российской истории. С такого узла она чуть ли не начинается. Мы имеем в виду процедуру выбора «государственной» религии. Страшно сказать, но — если верить «Повести временных лет» — мы вполне могли угодить и в иудаизм, и в магометанство. Все спасла легендарная фраза Владимира Красно Солнышко: «Руси есть веселие пить, не можем без того быть!» После нее мы стали христианами греческого «извода».

Владимир умер в положенный срок, но его «питейный манифест» звучит рефреном в нашей жизни на протяжении столетий. Звучит, порождая мифы, новые теории, их опровержения, сожаления, и конца-края этому сюжету нет. «Веселие» на поверку оказывается не таким уж и «веселием»; оно сильно отдает горем, неурядицами, упадком; оно — почти трагично. Речь и вообще идет о том, что русский народ безнадежно спивается, а будущее страны — в связи с этим — проблематично, если не «безбудушно».

Сегодняшний текст, предлагаемый вниманию читателей, показывает, что благополучно «спивался» русский народ и почти три века назад, что не помешало ему «распространиться» на огромной территории и построить одну из самых могущественных империй в истории человечества. Что-то тут не так — слишком много пафоса в этих разговорах о повальной «алкоголизации» населения, слишком много крайних суждений. Наши соотечественники давно привыкли к «сакрализации» русской водки, но последние пятнадцать лет они имеют возможность сравнивать. Сравнение это выходит парадоксальным — те же европейцы пьют несколько не меньше (если не больше) нас, но при определении их национальных типов алкогольные напитки вовсе не играют роли доминант.

Эту психологическую дилемму прекрасно иллюстрирует и опыт академического отряда Второй Камчатской экспедиции. Иностранцы ученые, входившие в его состав, вовсе не чурались вина и водки, но вместе с тем их «культурное питье» не идет ни в какое сравнение с надрывным пьянством тогдашних русских сибиряков. Хотя... Мы снова попадаем в плен стереотипов. Ведь среди иностранцев был, например, Стеллер — с его неумностью, размахом, предпочтением водки всяким другим напиткам. Он панибратствовал и с великими, и с малыми; но, если видел неправду, принимался крушить все вокруг себя, невзирая на звания и чины попавших ему под горячую руку. Он

сильно напоминает простого русского гренадера — но реализовавшего себя не в деле войны, а в деле науки. Стеллер — пример того, как «национальные» стереотипы разрушаются реальной живой жизнью. И этот пример нужно иметь в виду, знакомясь с научными материалами Второй Камчатской экспедиции, касающимися роли алкоголя в жизни сибиряков XVIII века. Дабы вновь не попасть впросак, водрузив на свой нос кривые очки «национальных» стереотипов. Эти стереотипы и без того уже натворили беды, став причиной того, что наследие крупнейших ученых И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера долгое время оставалось недооцененным. И более того — попало в разряд подозрительных. Что же подозревали в нем? Говоря одним словом — русофобию. Вспомним — гмелинское «Путешествие по Сибири» упрекали в насмешливости по отношению к русскому народу, а известную миллеровскую диссертацию сочли в этом смысле «предосудительной», обвинив в «занозливости» и выискивании «пятен на русской одежде».

Что здесь правда, а что очевидное преувеличение? Рассуждения о русском пьянстве, коих предостаточно в текстах этих ученых, помогут ответить на этот вопрос. Показательный пример — Гмелин, посетив винокурный завод в окрестностях Иркутска, советует, как улучшить производство «вина», а ему на это отвечают: «Не нужны нам твои советы — как делали наши деды, так и мы будем делать». Стереотип готов — протестантская страсть к улучшению жизни разбивается о русскую косность и леность. И это — ложь. Потому что рациональные нововведения предлагал в те времена не только Гмелин, но и, скажем, Ломоносов. Разве он не был русским человеком? Люди, прежде всего, делятся не по национальному типу, а по своей способности делать дело как можно лучше. Разумеется, национальные традиции не сбросишь со счетов, но эти традиции — область довольно «топкая». Ясно одно — любой национальный тип представляет собой смешение темных и светлых сторон народной жизни, а их соотношение вряд ли доступно арифметической оценке. Тут все гораздо сложнее.

Данный текст, посвященный анализу, которому подвергли крупнейшие ученые XVIII века одну из самых больных тем русской жизни, необыкновенно поучителен. И — познавателен. Он продолжает серию публикаций о «русских» немцах Гмелине, Миллере, Стеллере и не только уточняет некоторые исторические реалии (сверхлюбопытные!), но и позволяет еще ближе познакомиться с этими удивительными людьми, очистить их образы от шелухи устоявшихся «мнений». А такое знакомство всегда делает историю более прозрачной, близкой и, как следствие, более «живой».

А. М. Панфилов

по его собственным словам, выпил бутылку лучшего рейнского вина... и через несколько дней был на ногах. В этом рассказе своего коллеги Миллера все устраивает — за исключением одной вещи: он сомневался, что Гмелин ограничился единственной бутылкой.

Совсем другим человеком был адъютант Г. В. Стеллер. Его демократическое происхождение (отец ученого был кантором и органистом), неумный и даже авантюрный характер, общительность, неприхотливость в быту — все это вполне согласуется с его алкогольными пристрастиями. Гмелин, давая характеристику Стеллеру, сообщает, между прочим, и следующее: «Свою жажду он удовлетворял, помимо пива, медом и водкой. Вина он не пил вовсе». Это свидетельство подтверждает сам Стеллер. В «Описании земли Камчатки» ученый признается: «Я не опьяняю себя на Камчатке рейнвейном оттого, что не могу его здесь достать, и он меня только огорчил бы...» Описывая разного рода неприятности, случившиеся с ним на пути из Якутска на Камчатку, он упоминает и утрату значительной части своего багажа при переправе через реку. Оценив потери в общей сложности приблизительно на 100 рублей, Стеллер «особенно горюет» «о 2½ ведрах двойной водки, что только одно вместе с доставкой стоит по здешним ценам 30 рублей». Спаси ему удалось «лишь одну бутылку, которую и выпил со своей свитой, чтобы распрощаться с разбитыми бутылками. Бутылку велел повесить на дерево как шаманский бубен».

В нетрезвом состоянии Стеллер не всегда был адекватен и иногда ходил по лезвию ножа. Однажды он, например, объявил «слово и дело» против иркутского вице-губернатора Л. Ланга. Любопытно, что до этого ничто не предвещало грозы — вице-губернатор и ученый почти приятельствовали. Лангу стоило немалых усилий успокоить Стеллера и не дать хода этому делу, чреватому большими неприятностями для обоих. Ради справедливости отметим, что алкогольные возлияния Стеллера, заметно усилившиеся в последний период его сибирского путешествия, не отразились на качестве его научных изысканий, неизменно получавших высокую оценку и у руководителей экспедиции, и у позднейших исследователей.

Адъютант И. Э. Фишер происходил примерно из той же среды, что и Стеллер, но характер его был совсем другим. Мелочный, подозрительный, грубый в обращении с подчиненными и невозможный в общении с равными ему по социальному статусу (будь то ученые или представители местных властей), он, похоже, топил свою мизантропию в водке. Оговоримся — информация о пьянстве Фишера поступала в основном от обиженных им казаков и солдат, то есть абсолютно достоверной считать ее нельзя. Доносы на Фишера не ограничивались обвинениями в пьянстве. Жаловались и на другое — например, на то, что в Якутском уезде

он «жил блудно» с некоей «женкой», заставляя солдат стоять на карауле возле ее жилища, и не только сам незаконно «сидел вино», но и заставлял помогать ему в этом служилых.

Относительно алкогольных пристрастий вспомогательного персонала академического отряда (художники, геодезисты, студенты и др.) имеются лишь разрозненные данные, но, вероятнее всего, и в этой среде горячительные напитки имели большое хождение. В частности, студенты Василий Третьяков и Алексей Горланов еще до начала экспедиции отличились в так называемом «новомодном» деле. 30 декабря 1732 года они, вместе с другими учениками московской Славяно-греко-латинской академии — кандидатами на участие в экспедиции, получили жалованье в размере двух рублей каждый. И началась гульба. Вскоре в Академию наук поступило «доношение» двух учеников, один из которых, Лука Иванов, позже стал участником экспедиции, второй же, Андрей Поляков, так и не поехал в Сибирь — судя по всему, из-за проблем со здоровьем. Проблемы возникли не на пустом месте. В новогоднюю ночь Третьяков, Горланов и еще шесть учеников, «напившись пьяни, а неведомо где, и пришедши ночью, стали придираться к Андрею Полякову, чтоб убить его, понеже прежде сего имели на него злобу, для того, что с ними компании не имеет. Того ради из них Григорей Абумов, шедши из дверей, показал ему кукиш, и оный Поляков оттолкнул кукиш. Они же, взяв за волосы, потащили и топтали, и глаз вышибли, и каблуками го-

лову проломали». Попытавшийся утихомирить пьяных Л. Иванов отделался сравнительно легкими побоями.

Пьяные выходки вышеупомянутого Горланова продолжились и в экспедиции. В письме к Гмелину, отправленном в ноябре 1739 года из Иркутска, Стеллер рассказывает, что был в компании с вице-губернатором генерал-майором А. Ю. Бибиковым, когда неожиданно появился «по срочному делу» совершенно пьяный студент. Он не только отказался удалиться, как того потребовал Стеллер, но и уселся за накрытый стол (к трапезе еще никто не приступал) и как ни в чем не бывало начал выпивать и закусывать. К счастью для Горланова, высокое начальство пребывало в хорошем расположении духа и с юмором отнеслось к этому невероятному с точки зрения субординации поведению студента.

Миллер и Гмелин, как правило, стремились пресечь чрезмерные алкогольные «упражнения» подчиненных увещеваниями и наказаниями, не вынося сор из избы. Редким исключением из этого правила является обращение Миллера в Иркутскую провинциальную канцелярию с требованием задержать выдачу жалованья геодезисту Моисею Ушакову, погрязшему, по словам ученого, в лености, пьянстве и мотовстве. На это геодезист в «изумительном», по определению Гмелина, рапорте профессорам ответил весьма неординарно: «А что писано от вас, якобы я пьяница и мот, и во оном буду просить в Правительствующем Сенате, понеже пьяниц и мотов к делу Ея Императорскаго Величества не определяют...» Как видите, с «логикой» у Ушакова было все в порядке.

Впрочем, гораздо больше сведений касается пьянства среди солдат и казаков, сопровождавших академический отряд. Тут «господа академики» никого покрывать не собирались — доказательством тому служат десятки их обращений к местным и центральным властям. Речь в них идет и о вскрытии опечатанных почтовых отправлений профессоров (а информация о ходе экспедиции и ее результатах была секретной) пьяным нарочным в кабаке, и об объявлении «слова и дела» в отношении ученых и их сотрудников, и о дебошах в кабаках, и о скотоложстве и т. д. Типичное оправдание протрезвевших — «был пьян, ничего не помню». Приведем хотя бы такой пример — 29 апреля 1736 года Гмелин сообщал в Иркутскую провинциальную канцелярию о том, что «обретающейся в команде нашей капрал Илья Вяткин кричал из-под клету, где он от профессора Миллера за пьянство посажен был, на онаго профессора Миллера слово и дело». Капрал был допрошен при свидетелях: «И он, капрал Вяткин, в допросе сказал, что он на профессора Миллера ничего не знает, и слово и дело показал в пьянстве напрасно и ежели бы он, капрал Вяткин, не был пьян, то бы де он того не сказал». Капрала после этого вновь посадили под арест — со строгим запрещением давать арестованному водку и пиво.

Гуляки.
Рисунок с коробки фабрики
П. и А. Лукутиных, 1850-е гг.

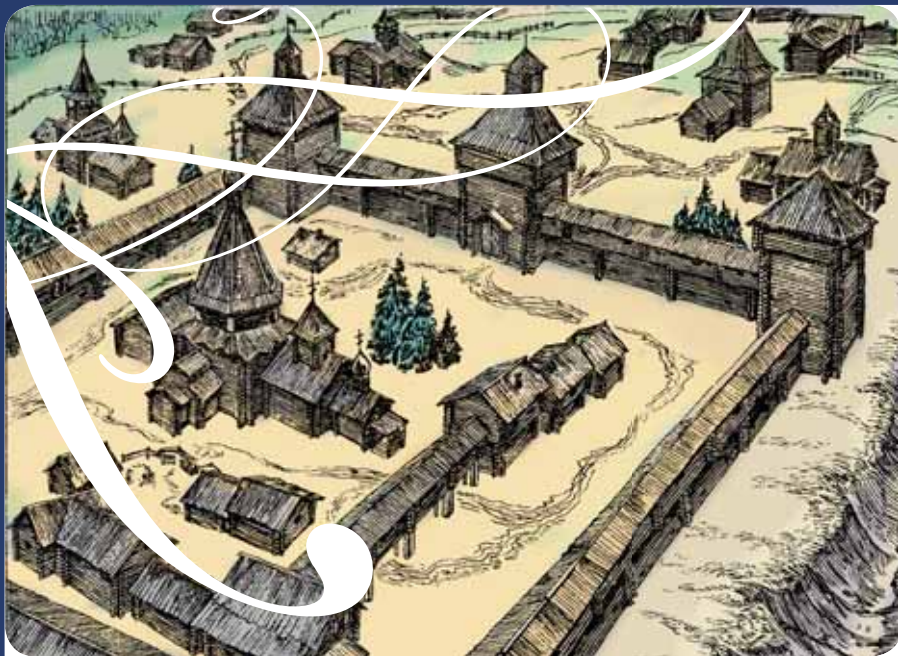
В морских отрядах экспедиции существовали схожие проблемы. Цитируем письмо капитана М. Шпанберга к капитан-командору В. Берингу: «Имеющейся при мне шлюпочного дела мастер Андрей Кузмин порученного ему дела править не может, и по ордерам моим и по словесным приказам ничего не исправляет, понеже всегда бывает пьян безмерно». Какова же была мера? Согласно нормам снабжения рядовых участников морских отрядов провиантом, ежемесячно каждому человеку выдавали по 16 чарок водки (объем чарки в то время равнялся примерно 130 мл, то есть в среднем на один день приходилось около 68 мл водки) и по 60 кружек пива (объем кружки равнялся примерно 1,625 л, то есть в среднем на один день приходилось 3,2 л). Каковы были нормы потребления алкоголя для начальствующего состава (если они существовали), трудно сказать. Впрочем, оценить последние поможет следующий известный факт: в 1733 году годовое жалованье начальника Охотского порта состояло из 300 рублей, 100 четвертей хлеба и 100 ведер, то есть 1300 литров, водки. Оговоримся — эта водка предназначалась не только для личного потребления, но и для выполнения «представительских» функций.

Вышесказанное объясняет, почему «алкогольная» сфера тогдашней российской жизни вызвала столь пристальный интерес ученых академического отряда. И их наблюдения — какими бы субъективными они иногда ни казались — поистине бесценны.

Среди русского населения Сибири наиболее распространенными алкогольными напитками были водка и пиво. Меньшей популярностью пользовался мед (он стоил в три раза дороже пива, а производился и продавался преимущественно на Урале и в Западной Сибири). Судя по собранным Миллером статистическим данным, на севере и северо-востоке Сибири к пиву тоже относились довольно скептически. В частности, из Мангазей-

Русский лубок XVIII в.

Город Мангазея. Реконструкция И. Резуна, художник А. Заплавный

ской воеводской канцелярии ученому сообщали, что в год планировалось получать 366 рублей окладных сборов с продажи пива, но реальных поступлений практически не было, «понеже... за малоимением питухов оного пива в продажу исходит малое число». Европейские вина, в основном немецкого («рейнские») и французского («фряжские») происхождения, хотя и продавались во всех крупных сибирских городах, находили спрос лишь в самом узком кругу. Покупателей этих вин «вычислить» несложно — это были дворяне, чиновники и купцы.

На самом деле «вином» (или — «вином горячим») в документах того времени называли, прежде всего, хлебную водку. Секрет ее производства открыли не позднее XV века; уже с середины этого века началось ее товарное производство в Московском княжестве. Сырьем для производства водки обычно служили ржаная или овсяная мука, ржаной солод, хмель и дрожжи. Вино подразделялось на «простое» и «двойное». По поводу крепости тогдашних напитков существуют разные мнения. Одни исследователи утверждают, что «простое» вино той эпохи сравнимо в этом смысле с современной водкой, «двойное» же — со спиртом. Другие полагают, что крепость «простого» вина «блуждала» около 20 градусов, а «двойного» — около 40-ка (до 45-ти). При этом авторы исходят из того факта, что «простое» вино было продуктом однократной перегонки, а «двойное» — двукратной.

И вот тут необыкновенно важны свидетельства участников Второй Камчатской экспедиции, не вполне подтверждающие подобные мнения. Согласно этим свидетельствам, «вино двойное» продавалось в роз-

ницу в очень незначительных объемах и скорее было «транспортной» формой алкоголя, так как требовало меньших затрат на перевозку. В пункте назначения «вино двойное» обычно разбавляли водой до крепости «простого». Так, в указе Сената об отправке В. Беринга во Вторую Камчатскую экспедицию относительно обеспечения водкой Охотска и Камчатки говорилось: «А вино хлебное на первой случай, покамест там хлеб заведут, привозить из Якуцка крепким двойным для удобства в провозе, как при первых временах из России в Сибирь важивали. А привезши, на месте отваренною водою разводити и пробу против простого приводити».

Технологию производства водки подробно описал Гмелин — для знакомства с нею Миллер и Гмелин специально посетили казенный винокурный завод (каштак) в 6 верстах от Иркутска. Он сообщает: «Там имеется 37 перегонных кубов в одном ряду, и из каждого ведут две трубы, лежащие в желобе, по которому постоянно течет свежая вода... Водка течет по трубам в кадку, поставленную к каждой паре труб. Напротив перегонных кубов, но на более высоком месте, поставлены 8 деревянных бочек, в которых бродит солод. Каждая бочка вмещает 147 пудов солода, а заправляются одновременно две из них. В каждую бочку, через засыпанный туда солод, пускают столько кипятку, пока он на несколько футов не покрывает последний. Кипяток из большого котла пускают через желоб. Как это требует время года, добавляют из этого котла столько теплой воды, чтобы поддерживать брожение. Это длится обычно три дня. Когда брожение закончилось, добавляют холодной воды, пока бочки не заполняются

Русский лубок XVIII в.

почти до края. На четвертый день начинают перегонку и две бочки опустошаются за 24 часа. Водка не лучше и не крепче, чем молочная водка языческих народов и, вероятно, по этой причине ее называют аракой, как называют язычники свою водку. Через повторную перегонку из нее делают вино, или настоящую водку. Чтобы сделать крепкую водку (*Spiritus vini rectificatus*), ее еще раз перегоняют».

Как видим, «крепкая» водка («вино двойное») получалась в результате не двойной, а тройной перегонки. Гмелин со своими глубокими познаниями в химии усмотрел массу недостатков в описанной технологии: «Если бы улучшить устройство, водку можно было бы отпустить за половину нынешней цены, если только соблюдать определенную температуру брожения и не допускать, чтобы при перегонке так много улетучивалось. Я пошел в чулан, где хранится водка и где за пять минут можно потерять сознание из-за спиртных испарений. Кадки, куда стекает водка, имеют в диаметре по меньшей мере один фут и стоят открыто, и трубка кончается на высоте в полфута над кадкой. В камере, куда стекает арака, все так же, хотя запах не так уж силен, можно все же видеть, как много улетучивается. А так как в гуще солода, в самом низу бочки, содержится больше всего спирту, было бы разумно этот осадок перегонять отдельно. Таким путем можно было бы сразу получить водку». Рекомендации ученого оказались не востребуемыми — в своих записках он сетует на это: «Но когда даешь такие советы, отвечают: “Как делали наши деды, так и мы продолжаем”».

Процесс пивоварения — если не принимать во внимание примитивность оборудования — немногим

отличался от современного. Пиво на большие расстояния не перевозили, поскольку гораздо дешевле было производить его на местах.

Так называемый «ставленный» мед обычно готовился с использованием меда, ягод, дрожжей и хмеля; по крепости он занимал промежуточное положение между пивом и «вином простым».

Помимо названных напитков, большое хождение имела домашняя брага — особенно в сибирских деревнях.

Государство жестко контролировало производство и продажу алкогольных напитков. Это не значит, что водку выгоняли исключительно на казенных винокурнях, но частных лиц, занятых в этой области, обязывали поставлять «продукт» в казну по подрядным ценам, которые обычно были вдвое (а то и втрое) ниже розничных. Саму продажу водки государство держало в своих руках. И немудрено — это была важнейшая статья дохода. Особенно в Сибири, где сам климат заставлял жителей почти со страстью употреблять спиртные напитки.

Показательны собранные Миллером материалы о винной торговле в сибирских городах. Вот его данные по г. Новая Мангазея (Туруханск). «Вино» (то есть водку) везли в Мангазею из Енисейска, покупая по подрядной цене в 1 руб. 20 коп. за ведро, а продавали — по 3 руб. 2 коп. Динамика роста потребления водки иллюстрируется следующими цифрами: в 1736 году в Мангазею было прислано 894 ведра вина, в 1737 году — 934 ведра, в 1738 году — уже 1117 ведер. При этом в Мангазейской воеводской канцелярии жаловались ученому: «А годом оного вина и недостает». Несложный подсчет показывает, что доходы от продажи водки составляли до 2 тыс. руб. в год. Для сравнения: суммарные подушные подати во всем Мангазейском уезде равнялись 934 руб. 30 коп. С «пьяными» доходами не могли сравниться даже таможенные сборы, включая пошлины с провозимых мехов (в 1738 году в Мангазее их было собрано на 291 руб. 48 коп.). О других податях и говорить нечего.

В розницу алкогольными напитками торговали в кабаках. Таковые имелись не только в городах, но и в острогах, слободах, селах, иногда даже деревнях. Возьмем Верхотурский уезд — в нем насчитывалось 15 кабаков: 3 — в городе, 5 — в слободах, 3 — в погостах, 2 — в селах, 1 — при медном заводе, 1 — в деревне. Кабаки можно было встретить на крупных трактах и на таможенных заставах — то есть там, где возникал спрос на горячительное. Такую «оборудованную» кабаком заставу Миллер посетил по дороге из Верхотурья в Туринск: «Застава и кабак... на переправе через предыдущую речку... — описывал ее ученый. — Здесь пребывают целовальник, назначаемый Верхотурской таможней, а также один служивый и двое отставных солдат. Однако у них не имеется никакого особого жилья, а живут они в кабаке, которым также заведует целовальник».

Как видим, роли в этом случае были распределены довольно специфически — это была скорее застава при кабаке, нежели кабак при заставе.

Если в населенном пункте было несколько кабаков, то они, как правило, получали «говорящие» прозвища. Миллер приводит такие прозвища тобольских бражных мест: Притыка, Австерия, Загуляев, Бражной, Кокуй и т. д. Типичный сибирский кабак представлял собой отдельно стоящую избу с подвалом, где хранились алкогольные напитки. Площадь такого кабака равнялась 30–40 м² (в редких случаях — больше) — например, в Ирбитской слободе члены академического отряда обнаружили 2 сезонных, действующих во время ярмарок, кабака — площадью 32,2 м² и 40,8 м²; и один постоянный — площадью 72,6 м².

Казенными кабаками руководили кабацкие головы, а торговали в них целовальники (от — целовать крест при вступлении в должность). Выбирали этих «важных» персонажей из среды состоятельных посадских. Время работы кабаков обычно регламентировалось лишь в заводских районах, дабы не нарушить деятельности горных и металлургических предприятий. Из Екатеринбургской таможни Миллеру по этому пункту сообщали: «По заводам в воскресные и праздничные, и торжественные дни, когда казенной работы не бывает, в указные часы, а по острогам и слободам, селам и деревням, где есть кабаки, всегда безвозбранно». Подавать горячие закуски посетителям кабаков было запрещено — понятно, что веселье в таких условиях шло безудержное. В кабаке не только пили — это был и своего рода клуб, где посетители общались и играли в карты. Карточная игра тогда была практически неотделима от «пития» — соответственно и в свидетельствах участников экспедиции словосочетания типа «пьют и играют» (или — «пропивают и проигрывают») становятся почти устойчивыми. К слову, монопольная продажа карт также была одной из важных статей дохода государства: колода карт продавалась в среднем по 50 копеек, что было сопоставимо с подушной податью крестьянина (70 копеек в год).

Несмотря на строжайшие запреты и наказания, в первой половине XVIII века в Сибири активно функционировали нелегальные питейные заведения — корчмы. В корчмах собирался узкий круг лиц, которым корчмарь мог доверять. Постоянные посетители корчмы шли в нее из-за более низких цен на водку и большей свободы «действий». Тут играли не только в карты, но и в зернь, то есть кости, во многих корчмах к услугам посетителей были и продажные женщины.

Стоимость алкогольных напитков в розничной продаже не была величиной постоянной, сильно меняясь от региона к региону. Определяло эти ценовые «ножницы» множество факторов — это и различие издержек на закупку сырья, производство и доставку алкогольных напитков, и особенности сословного состава, и финансовые возможности основной «пьющей» массы. Вольготнее всего любители спиртного чувствовали себя в хлебобродных уездах Урала и Западной Сибири; а вот, скажем, на северо-востоке Сибири их жизнь была труднее. Согласно миллеровским данным, в 1741 году подрядчики поставляли в Екатеринбург «вино простое» по 64 коп.

за ведро, продавалось же оно в кабаках по 2 руб. 12 коп.; в Иркутске подрядная цена составляла 1 руб. 60 коп., продажная — 3 руб. 10 коп.; в Якутске это вино из Иркутского уезда продавалось уже по 4 руб., в Охотске — по 15 руб., а на Камчатке — иногда по 40 руб.».

Особо отметим одно важное обстоятельство. В нашей стране всякие преграды, воздвигаемые государством, всегда существовали словно для того, чтобы люди учились их «обходить». XVIII век — не исключение из этого правила. И в общей массе потребляемой тогда водки немалую долю составляла та, что производилась и продавалась нелегально частными лицами.

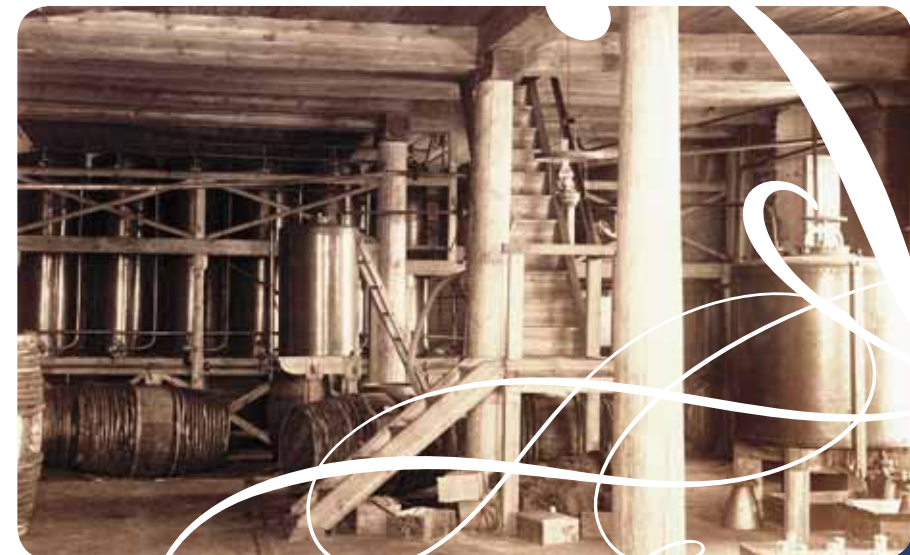
Тайное винокурение приносило огромные доходы и было распространено во всех уездах Сибири. О масштабах нелегального производства и сбыта водки можно судить по такому факту. Стеллер, прибывший в Якутск в конце мая 1740 года, был свидетелем появления в городе первых торговых судов. В своем дневнике он отметил: «8 июня в воскресенье погода было необычайно теплой и ясной, а для торговцев водкой из Иркутска — более чем пасмурной, так как лейтенанты Остяков и Лебедев по доносу работных людей с их дощаников изъяли у них водку на 2000 рублей, тайно доставленную на этих дощаниках из Иркутска». На следующий день якутский житель Борисов рассказал ученому о том, почему в Якутском ведомстве недоимки торговцев казенной водкой за последние несколько лет составили около 40000 рублей. По его словам, целовальники сами пьянствовали и были не в состоянии организовать надлежащим образом продажу и учет казенной водки.

До 1740 года водку в Якутск поставляли по договорной цене подрядчики, однако вместе с официальным вином они везли и нелегальное (качеством — лучше) — причем втрое больше первого. Их торговля шла очень бойко — ведь если официальная водка шла в розницу по 8 рублей за ведро «вина двойного», то «подполь-

ная» продавалась почти вдвое дешевле — по 4,5 рубля за ведро. Не удивительно, что при таком «раскладе» казенное вино оставалось нераспроданным. Кончилось все тем, что в 1740 году иркутским подрядчикам было отказано в поставках водки в Якутск. Однако нелегальная водка и после этого продолжала поступать. Стеллеровский информатор назвал три популярных «канала»: «1. Торговцы представляются посланными по требованию офицеров, которых никто не решается обидеть. 2. Они опускают бочки в озера поблизости от Якуцка, а также закапывают их в землю, а когда прибывают [в Якутск], то посылают туда якутов с одним из своих людей, чтобы они светлой ночью доставили их. 3. Они изготавливают для бочек плоты, сверху, чтобы отвести любое подозрение, загружают их дровами, а при удобном случае водку утаскивают в дома или носят ее ушатами под видом доставки воды домой». Согласно тому же источнику, к поставкам нелегальной

водки были причастны и некоторые члены Второй Камчатской экспедиции. Действовали они следующим образом: в Иркутске покупали казенную водку, для уменьшения объема перегоняли ее до максимально возможной крепости и везли под видом «вина простого» для собственных нужд. В Якутске же, Охотске или на Камчатке, где потребность в водке была велика и ее цена резко взлетала вверх, они разбавляли водку и продавали местным жителям.

Описанную ситуацию, разумеется, нельзя считать нормальной. Страдала экономика края, на глазах развращалось население. Понимали это не только посланники Петербургской Академии, но и вполне официальные лица. Показателен в этом отношении проект «О хлебе и вине» неустановленного автора — этот проект в сентябре 1733 года был послан из Сената В. Берингу и начальнику Охотского порта Г. Г. Скорнякову-Писареву. Документ сообщал, что в последние шесть лет вся

Винокуренный завод в старинном селе Тельма под Иркутском. Новый паровик. Отделение очистки (фото внизу). Из альбома фабрично-заводской промышленности Иркутской губернии 1895—1896 гг., изд. В. Ап. Белоголового

винная продажа в Охотске и на Камчатке была отдана на откуп частным лицам. Покупая в Якутске «вино простое» по цене 4 руб. за ведро, откупщики продавали его в Охотске по 15 руб., а в камчатских острогах — уже по 35–40 руб., приводя «в немалое разорение служилых и промышленных людей... потому что у них то и лекарство, что вино, на всякие болезни служит, для того других забав нет».

Любопытно — в казенных якутских кабаках торговали по преимуществу не казенной, а нелегальной водкой, поставляемой откупщиками. Обеспечивала такую подмену круговая порука. Среди откупщиков преобладали «лутчие жители, дворяне и служилые», в подчинении которых находились служители застав, призванные как раз и пресекать описанные нарушения.

Рост производства подпольной водки привел к резкому подорожанию хлеба: если до введения откупов ржаная мука продавалась в Якутске

по 7–10 коп. за пуд, то после этого — гораздо дороже, до 60 коп. за пуд. Это было естественным следствием того, что значительная часть зерна, производимого в верховьях Лены, теперь шла на изготовление «левой» водки. В связи с этим анонимный проект предлагал «стараться оные вредительные откупы перевести и всем запретить вино сидеть, опричь казенного, как здрекле бывало».

Миллер также полагал, что существующая практика наносит огромный ущерб экономическим интересам государства, способствует коррупции и приводит к обнищанию жителей Сибири. Однако с рекомендациями автора проекта «О хлебе и вине» он не согласился. По мнению ученого, следовало не запретить откупа, а наоборот — предоставить право на производство водки всем желающим, взимая с них за это фиксированный налог. При таком развитии событий неизбежно бы упала цена водки. Стеллер был вполне солидарен с профессором: «Что

касается поступлений от продажи водки, то я считаю, что проект проф. Мюллера представляет, конечно, гораздо больше выгод, чем продажа ее по высокой цене. При цене в 20 рублей за ведро частные лица прямо обворовывают казну, торгуя водкой либо тайно, либо, если им предоставлена к тому возможность, открыто в ларях рядом с церковью, непомерно от этого обогащаясь, вконец разоряя и без того склонное к пьянству население. Каждый житель мог бы подвергнуться обложению известным количеством пушнины, а взамен того могло бы быть предоставлено право свободного винокурения. Я полагаю, что это значительно понизило бы склонность населения к пьянству, да и казне дало бы заметную прибыль, особенно если распространить предлагаемое мероприятие и на тех ительменов, которые добровольно согласились бы на это». В удешевлении водки ученые усмотрели возможность падения ее привлекательности — высокая стоимость водки, по мысли Стеллера, лишь добавляет ей «сладости» и престижности.

Свидетельства участников экспедиции показывают рост алкогольной «заразы» в направлении с запада на север. В Западной Сибири жило много старообрядцев, что в некотором смысле спасало ситуацию. Гмелин удивленно сообщает, что старообрядцы «полностью воздерживаются от водки». С не меньшим удивлением он констатирует, что в Енисейске на Рождество жители пили очень мало.

Совершенно иная картина открылась взорам путешественников в Восточной Сибири. При этом неким пограничным рубежом, за которым начинается царство водки, выступил тут Красноярск. Снова обратимся к свидетельствам язвительного Гмелина. Особенно досталось от него красноярским казакам, «единственным ремеслом» которых, по словам ученого,

Тобольск. Гравюра XVII в.

«является пьянство». Вместе с воеводой он наблюдал масленичные увеселения в селе Торгушино близ Красноярска — в частности, штурм казаками снежной крепости. Штурм оказался неудачным. «Отсюда легко можно заключить, — комментирует Гмелин, — какие при случае служивые совершили воинские дела — их бы превзошли любые крестьяне, никогда в жизни не носившие оружия». Удивляло его то, что особенно истоно предавались пьянству горожане во время самых чтимых государственных и религиозных праздников. Он снова иронизирует, говоря о том, что все жители ведут себя так, словно усердно исполняют высочайший указ, запрещающий в эти дни трезвость. Гмелинские наблюдения подтверждает и Крашенинников, живописующий красноярскую масленицу: «Во время праздничное жители по гостям незваные ходят и черещюр упиваться любят, потому что иные из них одного дня почти весь город обходить не ленятся и инде чарку вина, а инде стакан пива урвет, и хотя уже в такое состояние придет, что на ногах ходить не может, однакож лишь бы в котором доме шум услышал, понеже из того признавают, что там попойка есть, хотя ползком ползет во двор, чтоб еще напиться».

Рассказ Гмелина о жителях Илимска еще более негативен. Отвратительные бытовые условия, изумившие его в этом городе, он объясняет следующим образом: «Люди там делают только одно: пьют и спят. Зачем им дома лучше? Некоторые кормятся дичью, но вся их работа состоит в том, что они делают для маленьких

зверей ловушки или для больших — ямы, а лисицам выбрасывают сулему; они слишком ленивы, чтобы пойти на охоту. Другие выжимают из тунгусов все, что им необходимо для поддержания жизни. Большинство из них служивые; но сами они службой почти не занимаются... в городе ничего не делают, как только посещают трактиры».

Миллер утверждал, что упадок некоторых городов Восточной Сибири во многом вызван именно пьянством. Вот что он, например, пишет о Нерчинске: «Также и то, что местное вино, несмотря на то, что хлеб очень дешев, продается из казны по чрезмерно высокой цене, и это доводит до нищеты многих людей, которые в пьянстве не могут себя ограничить».

Путешествуя по Лене, ученые были поражены отменным физическим здоровьем местных крестьян, их трудолюбием и достатком. Но и тут болезненное пристрастие к алкоголю бросилось им в глаза. Этот парадокс отметил Гмелин: «Крестьяне на Лене не могут жаловаться на плохое существование... Каждая крестьянка имеет шелковые платья, и мужчины пьют по любому поводу».

Кстати, это свидетельство заметно «выбивается» из ряда ему подобных. Почему? Да потому, что обычно ученые ведут свой невеселый разговор об алкоголе, имея в виду одно-единственное сословие русских жителей Сибири — сословие служилых. Если и заходит речь об алкогольных «упражнениях» представителей других социальных групп, то вся она ущемляется в границах

«Благородный господин адъютант
Георг Вильгельм Штеллер,
Милосердый государь».

По силе присланного Ея Императорского Величества указу из Иркутской провинциальной канцелярии и по требованию вашего благородия велено для сплавки до Якуцка построить в Устьилгинской деревне плот, которой бы мог поднять тысячу пуд, и отдать для сплавки до Якуцка команды вашего благородия бергауру Григорью Самойлову <...> А оной бергаур (правильно берггаур — горнорабочий, занимающийся добычей руд или разработкой рудника — А. Э.) Самойлов с товарищи жил в Устьилгинской деревне за пьянством на кабаке долгое время <...> А по приезде нашем на Устьилгу вашего благородия команды Алексей Софронов зазвал нас на оной плот, а на плоту имеющиеся команды вашего благородия люди весьма пьяные. <...> И оные команды вашего благородия люди пьяные наших денщиков избилли весьма вредительно человеческому веку и нас бранили всякою неподобною и матерною бранью. А до прибытия вашего благородия на Устьилгу тогда команды вашего благородия люди были весьма смирны и не пьянствовали, а по отбытии вашего благородия из Устьилгинской деревни чинили оне во пьянстве многие непорядки и обиды, а паче иркуцкие служилые Егор Попов с товарищи. А кому было каких жалобщиков, кроме других обид, в побоях до пятидесят человек». <...>

Из письма приказчика Илгинского острога С. Зимина Г. В. Стеллеру от 28 апреля 1740 г. Георг Вильгельм Штеллер. Письма и документы. 1740. М., 1998. С. 203.

жанра, который в XVIII веке именовали «анекдотом». Вот типичный пример такого «анекдота» — он почерпнут из иркутского письма Стеллера, адресованного Миллеру: «От господина архиерея слышал веселую байку про то, как он на масленицу, будучи в подпитии, сам приказал запрягать лошадей в сани и через Байкал ехать в Селенгинский да уже на льду посреди озера очнулся, спросил, где это он, и велел поворачивать обратно на Жилкино: болваны, мне все приснилось, с чего вы взяли, что мне надо задать пару».

Рассказы же о служилых менее всего «анекдотичны». Вместе с тем — при всей их критической направленности — эти свидетельства нельзя считать за «последнюю» характеристику всего сословия. Нравственные и деловые качества сибирских служилых путешествующие по Сибири ученые оценивают весьма высоко. Именно из их числа они предпочитали выбирать людей для выполнения серьезных заданий. Тот же Миллер признавался, что малограмотные служилые, ответственные за проведение метеорологических наблюдений, выполняли эту работу лучше, чем это смогли бы делать «полуученные» люди. Забавный факт: однажды один из таких «метеорологов» сообщил профессорам, что не смог замерить температуру, так как ртуть в термометре замерзла. На это ему ответили: пить надо меньше. Но оказалось, что тот был прав — при очень низкой температуре воздуха ртуть действительно переходит в твердое состояние. Так простой казак стал автором серьезного научного открытия.

Сословие служилых не было однородным. Многие конкретные особенности носили «географический» характер. Так, например, в Западной Сибири служилые, как правило, обзаводились собственным хозяйством, занимались скотоводством, земледелием, ремеслами, по образу жизни (это касается и традиций хмельного питания) мало отличаясь от крестьян и посадских. Не то было на северо-востоке Сибири. Именно тамошние казаки описывались участниками экспедиции в самых черных красках — упоминаются и акты неповиновения властям (вплоть до прямых бунтов), и злоупотребления служебным положением, и коррупция, и грабежи, и повальное пьянство. В числе причин, обусловивших эту «вольницу», назывались бесконтрольность служилых в удаленных острогах и зимовьях и само различие в их происхождении. Стеллер писал, что в служилые на северо-востоке Сибири обычно попадали «либо искатели приключений, либо бежавшие от правосудия, либо посланные сюда из России за совершение всевозможных неблагоприятных дел, для которых эти люди были самым подходящим элементом».

«Порче» нравов способствовало и то, что, по свидетельству Миллера, нередко служилый, совершивший преступление в Западной Сибири, получал в виде наказания ссылку в более восточные уезды, где он не только

сохранял свой статус, но и назначался на более высокую должность. Таким образом, наказание превращалось в поощрение. О том же пишет и Стеллер: «Тут московские люди настолько повышаются в чинах, что тот, кто выехал из Москвы в качестве обыкновенного рядового, превращается в Тобольске уже в сержанта, в Томске — в прапорщика, а на Камчатке — в полковника, и никому нет никогда ни в чем запрета, что бы он не вздумал предпринять во вред стране и ее населению». Еще один источник, подтверждающий сказанное, — документы. Согласно им в отдельные периоды пополнение состава служилых Якутского уезда происходило преимущественно за счет ссыльных, промышленных и «гулящих» людей, среди которых было немало маргиналов и попросту уголовников.

Пьянство в этой среде действительно процветало. Вот исполненная в одном-единственном цвете (черном!) стеллеровская характеристика якутского населения: «Жители очень хитрые, лживые, лукавые, мошенники, ленивые, пьяницы и ни мужчины, ни женщины не считаются с тем, что ведро водки обходится им в 8 рублей». В унисон с этой цитатой звучит сообщение в Сенат времен еще Первой Камчатской экспедиции (1725—1728), автором которого был сам Беринг: «Служилых людей счисляетца при Якуцку около тысячи человек, а имеетца над ними командующей — казацкой голова, сотники и пятидесятники. А хотя оные командующия над ними и есть, но токмо содержат не под страхом, понеже служилые пьянствуют и проигрывают не токмо что и своих пожитков, но временно бывает проигрывают жен своих и детей, что мы и сами видели при Камчатке. А когда отправляютца в нужной путь, тогда они платья не имеют, також и ружье неисправно». Крашенинников, рассказывая об образе жизни камчатских служилых, пишет: «Прежде сего во вся-

Вид города Охотска в XIX в.
Рисунок из кн.: «Народы России: Живописный альбом» (СПб., 1880)

ком дворе бывала винная продажа: у кого вина бывало насижено, тот и сам пивал и других паивал за соболи, а когда того не ставало, то все перехаживали к другому и с тем, у которого пили. Таким образом мягкая рухлядь вся вокруг ходила, а как учреждена казенная продажа, то вся начала в казну доставаться целовальникам, ибо казаки, выпив вино у себя, со всем на кабаки приходят и пропиваются». Хотя винокурение по домам было запрещено, многие из жителей Камчатки, по наблюдениям Крашенинникова, крайне редко приходили в кабаки трезвыми, «а приходят с тем, чтоб

допить, как им надобно, в меру, которая состоит в том, чтоб повадиться бесчувственну».

Столь впечатляющий разгул пьянства в этих местах был в те времена явлением сравнительно новым. До открытия морского пути на Камчатку через Охотское море служилым приходилось с боями прорываться сюда через земли воинственных коряков — разумеется, о провозе водки и речи не шло, хотя, как пишет Крашенинников, «их мучило, что вина достать им было негде».

Выход сообразительные казаки все-таки нашли. Подобно ительме-

У постоянного двора. Гравюра из кн.: Ш. д'Отрош, «Путешествие в Сибирь», (Т 1, Париж, 1768 г.)

нам, они (точнее — их холопы и ясачные) заготавливали на зиму большое количество ягод. Весной неиспользованная ягода часто закисала, и ее выбрасывали — пока не обнаружилось, что забродивший ягодный сок опьяняет. Вскоре казаки научились выгонять из закисшей ягоды даже водку. При неурожае ягод заквашивали вместе с ядрами кедровых орехов так называемую «сладкую траву», — забродивший сок заметно «пьянил». Подлинный переворот в использовании сладкой травы произвели в начале 1710-х годов большевечские служилые Данило Черный и Алексей Малахов, для которых была «всякая нужда кроме безвинницы сносна» (Крашенинников). После серии «опытов» им удалось разработать наиболее рациональный способ выгонки вина из «сладкой травы» замоченной в воде. Из 2,5 пудов травы удавалось при этом получить до 1 ведра водки. Если водку перегоняли повторно, то напиток получался столь крепким, что им, по словам Крашенинникова, можно было «травить железо». Таким образом — замечает ироничный Миллер — устранили последнее препятствие в деле освоения Камчатки. Широчайшее распространение винокурения из «сладкой травы» привело к тому, что цена на сырье резко взлетела — до 10 рублей и более за пуд. Для сравнения — годовое денежное жалованье камчатских казаков составляло 5 рублей. Естественно, при такой дороговиз-

не дело не обошлось без грабежей — ведь ительмены тоже традиционно собирали «сладкую траву». «Как только устанавливается санный путь, — отмечает Стеллер, — это — первый доставляемый в остроги товар. Так как ительмены подвергаются со стороны наспиртованных казаков большим обидам и при опьянении даже жестоким побоям, то я обычно именую это растение кислой капустой».

«Научным» открытием камчатских казаков заинтересовались ученые. Миллер и Гмелин, отправляя Крашенинникова на Камчатку, дали ему подробную инструкцию из 89 пунктов, самый «объемный» из которых касался именно описания «сладкой травы» и методов выгонки из нее вина. При этом студенту предлагалось «самому небольшую пробу учинить и при этом крепость вина первого пропуску описать». В результате появилась специальная работа Крашенинникова «О заготовлении сладкой травы и о сидении из нея вина».

Государство тоже не оставило своим вниманием казачье изобретение. В Петербурге по проекту В. Беринга, составленному после Первой Камчатской экспедиции, планировали наладить на Камчатке масштабное производство казенного вина из «сладкой травы». В канун Второй Камчатской экспедиции Берингу вручили сенатский указ, в котором говорилось: «К тому ж вино сидеть на Камчатке ис тамошней слаткой травы и цену

налагать не весьма тягостную, но умеренную, также и того надзирать, чтоб тамошней народ за необыкновенностию до смерти не опивались».

Крашенинниковские опыты повторил Стеллер. Оценивая качество водки из «сладкой травы», он, сам большой знаток и ценитель алкогольных напитков, пишет: «Эта водка обладает, между прочим, такими особенностями: она очень нежна, содержит в себе много кислоты и, следовательно, чрезвычайно вредна для здоровья, очень сгущает кровь, сильно на нее действует и придает ей черный цвет; водкою этой можно пользоваться для травления железа и гравирования на нем. Пьющие эту водку очень быстро хмелеют и, придя в состояние опьянения, становятся безумными и буйными; лица их при этом синееют, тот же, кто выпьет ее хотя бы немного чашек, мучается затем всю ночь самыми странными и несуразными фантазиями и сновидениями, а на следующий день становится таким робким, опечаленным и беспокойным, как если бы он совершил величайшее преступление. Это состояние побуждает туземцев прибегать к новому опьянению, и случается — я это видел собственными глазами, — что они на следующий день вновь пьянеют от стакана холодной воды, что бывает не в силах устоять на ногах».

Относительно технологии производства водки Стеллер разъясняет: «Сама водка готовится следующим образом: на 2 пуда сладкой травы выливают 4 ведра теплой или тепловатой воды, кладут для брожения в сосуд либо остатки предшествующей дистилляции, отчего напиток получает, впрочем, неприятный запах или привкус, либо ягоды жимолости; от этого настоей приобретает очень большую крепость, становится приятнее и дает большое количество водки; или же всю смесь ферментируют окисленной мукою; спустя 24 часа ее подвергают перегонке и получают тогда ведро водки». Наконец, ученый делится следующими забавными наблюдениями: «Остатки перегонки являются самым приятным для коров кормом, почему эти животные повсюду шатаются по улицам острога, посещая места, где гонят водку, и там обычно располагаясь. Таким образом, скотина часто вместо телохранителей сопровождает своих хозяев к кабакам, что неоднократно заставляло меня смеяться».

Энтузиазм, порожденный изобретением камчатских казаков, не знал границ и побуждал к дальнейшим «испытаниям». В качестве водочного сырья пытались использовать даже закисшую рыбу. Тот же Стеллер пишет: «То, что рассказывается о якобы изготовляемых из рыбы напитках и водке в Сибири, при проверке оказывается сущей ложью. Действительно, кое-кто пытался гнать водку из воючей рыбы, но в результате получалась невкусная и зловонная слизь».

Попытаемся резюмировать сказанное. Несомненно, описания алкогольного быта Сибири, сделанные участ-

никами академического отряда Второй Камчатской экспедиции, иногда оставляют удручающее впечатление. Читая их, понимаешь, что «ничто не ново под луной», и те вещи, которые слишком хорошо знакомы нам — «пьяный бюджет», «теневая экономика», коррупция, «крышевание» и пр., — родились не сегодня; они «растут» из далекого прошлого. В среде современных исследователей отношение к свидетельствам ученых-путешественников XVIII века неоднозначно. Временами их резкий тон объясняют «национальным» высокомерием — дескать, немцы и не могли по-иному писать о русских. Эти объяснения вряд ли корректны. Во-первых, национальные «разборки» в науке вообще не слишком плодотворны, а во-вторых, наиболее яркие зарисовки пьянства сибиряков принадлежат перу как раз русского ученого — С. П. Крашенинникова.

Знакомясь с невеселыми картинками, набросанными участниками экспедиции, нужно понять, «услышать» их авторов. Ведь главное в этих рассказах — не негатив, а поиск путей выхода из сложившейся ситуации. Ученые не только живописуют пьянство, но и предлагают рекомендации по устранению недостатков. И эти рекомендации остаются актуальными по сию пору. Следует лишь вычленив из них рациональное зерно. То есть, по большому счету, тут мы имеем дело не с «чистой» наукой — впрочем, абсолютно «чистой» она, видимо, и не бывает никогда.

Источники и литература

1. СПбФ АРАН. — Фонды 3, 21.
2. РГАДА. — Фонды 181, 199.
3. Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. — Часть 1: Морские отряды. — М., 2001.
4. Георг Вильгельм Штеллер. Письма и документы. 1740. — М., 1998.
5. Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. — Иркутск, 1968.
6. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. — М.—Л., 1949.
7. С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. — М.—Л., 1966.
8. Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. — Петропавловск-Камчатский, 1999.
9. Georg Wilhelm Steller. Briefe und Dokumente. 1739. — Halle, 2001.
10. Georg Wilhelm Steller, Stepan Krašeninnikov, Johann Eberhard Fischer — Reisetagebücher 1735 bis 1743. — Halle, 2000.
11. Gmelin I. G. Reise durch Sibirien. — Th. 1–4. — Göttingen, 1752. — S. 323.
12. Johann Georg Gmelin. Expedition ins unbekante Sibirien. — Ulm, 1999.

В публикации использованы иллюстрации из кн. И. Р. Такала «Веселие Руси»: История алкогольной проблемы в России» (СПб.: Издательство «Журнал «Нева»», 2002)

А.Х. ЗЛЕРТ

Алкоголь и галлюциногены в жизни аборигенов Сибири

По материалам Второй Камчатской экспедиции

1. Екатеринбург	8. Сургут	15. Иркутск	22. Охотск
2. Тюмень	9. Нарым	16. Кяхтинская слобода	23. Петропавловск
3. Тобольск	10. Томск	17. Читинский острог	
4. Тара	11. Абаканский острог	18. Нерчинск	
5. Омск	12. Красноярск	19. Аргунский острог	
6. Семипалатинск	13. Енисейск	20. Илимск	
7. Березов	14. Мангазья	21. Якутск	

Журнал «НАУКА из первых рук» неоднократно публиковал на своих страницах статьи, посвященные Второй Камчатской, или Великой Северной, экспедиции (1733—1743), в том числе жизни и научной деятельности участников ее академического отряда: Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, Г. В. Стеллера. Не остались без внимания и научные материалы Второй Камчатской экспедиции, касающиеся роли алкоголя в жизни русских сибиряков XVIII века. В данной статье говорится о распространении алкогольных напитков среди коренных жителей Сибири, а также об употреблении аборигенами грибов-галлюциногенов и наркотических средств, оказывающих возбуждающее и одурманивающее воздействие на их психику

Якутская колдунья
По рисунку из книги: Народы России:
Живописный альбом.— СПб., 1880

Как складывались взаимоотношения между русскими и аборигенами в процессе присоединения Сибири к России? На сей счет высказываются самые полярные мнения: одни признают значимость мирной цивилизаторской миссии русских; другие утверждают, что их методы были колонизаторскими, что значительная часть местного населения и самобытная культура были уничтожены, а сами колонизаторы ничего существенного не дали покоренным народам, кроме алкоголя.

В последние десятилетия большинство ученых согласилось с тем, что процесс вхождения Сибири в состав России, а также взаимоотношения между русскими и аборигенами носили неоднозначный и противоречивый характер. Это касается и распространения алкогольных напитков в среде коренного населения. Помощь в выяснении реального положения могут оказать документальные источники; однако следует также признать несомненную ценность научных трудов, экспедиционных материалов, личных свидетельств и оценок тех исследователей прошлых веков, которые в разное время путешествовали по Сибири. В рамках настоящей статьи мы обратимся к материалам участников академического отряда Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции 1733—1743 гг. — академиком Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина, адъюнкта Г. В. Стеллера, студента С. П. Крашенинникова и переводчика Я. И. Линденау.

Нижнее течение реки Палана, недалеко от места ее впадения в Охотское море

Якутские чороны — деревянные трехногие сосуды с резным орнаментом для кумысопития

Миллер подробно рассказал о процессе приготовления кумыса из кобыльего молока. По его данным, кумыс «иногда делают и из коровьего молока, но он не так крепок и не имеет у этих народов такого приятного вкуса, как тот, который делается из кобыльего». В основном этим занимались бедняки, поскольку кобыльего молока у них могло просто не быть. Проанализировав данные о производстве кумыса монголами, содержащиеся в записках путешественника XIII в. В. Рубрика, и сопоставив их с собственными наблюдениями над народами Южной Сибири, ученый пришел к выводу о том, что данная технология за пять столетий практически не претерпела изменений.

Как правило, те, кто изготовлял кумыс, производили из него и крепкий алкогольный напиток — молочную водку. Лишь в отношении якутов существуют противоречивые мнения. Гмелин называет их в ряду народов, которые производят водку из кумыса, Миллер же категорически утверждает, что якуты «не выгоняют водки». Технологию изготовления этого напитка исследователь описывает следующим образом: «Языческие татары, калмыки, монголы, нерчинские тунгусы и брацкие и по ту, и по эту сторону Байкала употребляют кумыс не только лишь для питья, но и выгоняют из него водку, которую они называют *Araki*. Для этого они используют свой плоский котел из чугуна, накрывают его деревянным верхом, в котором имеется трубка, из которой водка стекает в подставленный под нее деревянный сосуд».

Оценивая качество молочной водки, Миллер пишет: «Водка очень слабая, слабее обыкновенной, или ординарной, хлебной водки,

и, кроме того, имеет неприятный для нас запах. <...> Однако крепость молочной водки бывает различной в зависимости от времени года. Лучше всего она из первого весеннего молока, а самая плохая — зимой. Можно еще сказать, что если бы кумыс перегонялся на европейский лад с холодильным бочонком и через плотно закрытые трубки, а также в приемник с узким горлом, чтобы испарение не было таким сильным, то она была бы гораздо крепче. Я неоднократно пытался объяснить этим народам наш способ, но они не проявляют к этому интереса и говорят, что их предки делали так, и поэтому они не желают вводить какие-либо новшества».

К вопросу о качестве молочной водки Миллер обращался неоднократно, каждый раз приходя к одному и тому же выводу: водка из кобыльего кумыса хуже, чем хлебная, но лучше, чем из кумыса коровьего. Он отмечает, что сибирские татары «изготавливают водку также и из коровьего молока, после того, как с него снято масло, но она хуже и от нее болит голова». Об этом же, собственно, писал и Гмелин, однако в оценке крепости водки из коровьего молока исследователи расходятся. По свидетельству опрошенных Гмелином нерчинских тунгусов, она напоминает водку из молока

кобыльего: «Мы действительно увидели, что водка, выгнанная в нашем присутствии из коровьего молока, была такой крепкой, что ее можно было поджечь». Впрочем, в другом случае исследователь утверждает, что «кумыс из кобыльего молока дает больше алкоголя, чем приготовленный из коровьего».

Брагу из зерна, по наблюдениям ученых, изготавливали лишь некоторые народы Западной Сибири, преимущественно те, которые тесно общались с русскими. Делали ее из перебродившего проса, а также из ячменной или ржаной муки с добавлением хмеля. Объемы этого производства не были значительными.

Традиционные алкогольные напитки, особенно кумыс, практически у всех сибирских народов играли важную роль в языческой ритуальной практике. Не только кумысу, но и посуде, в которой его готовили, а также чашкам, из которых его пили, придавалось сакральное значение. Да и наиболее важные праздники обычно проводились в то время, когда начиналось массовое производство кумыса: весной и в начале лета. Рассказывая о самом важном в жизни якутов празднике Ысыах, во время которого происходило принесение кумыса в жертву наиболее почитаемым богам

Из молока домашних животных якуты изготавливали самые разнообразные продукты, в том числе и кумыс. Рисунок из книги: А. В. Савин. *Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии)*. — Якутск, 2005

Кумыс и арака

Известно, что скотоводы, в основном многочисленные тюрко- и монголо-язычные народы, а также забайкальские тунгусы, познакомились с алкоголем задолго до присоединения Сибири к России. Речь идет, прежде всего, о слабоалкогольном (1–3% спирта) кисло-молочном напитке кумысе, употреб-

ление которого в больших дозах, по наблюдениям путешественников, вызывало заметное опьянение. Один Линденау считал, что кумыс оказывает лишь расслабляющее, но не опьяняющее воздействие: «Если выпить его слишком много, то становишься больным и сонным, но не пьяным, как это утверждают некоторые».

В «Описании сибирских народов»

Тундра в окрестностях дер. Лесная (Тигильский район. Корякский АО)

В Сибири кумыс издавна изготовляли как из кобыльего, так и из коровьего молока.
На фото — бурятская корова и сибирская лошадь кузнецкой породы

В июле—августе 2006 г. состоялась очередная экспедиция на Камчатку, организованная Институтом филологии СО РАН. Два года назад группой сотрудников института был исследован Олюторский район Корякии, на этот раз работы велись на Западном побережье: в Тигильском районе Корякского АО и Быстринском районе Камчатской области. За время поездки удалось собрать самый разнообразный материал по фольклору и традиционной культуре коряков: сказки, личные песни, мифы; сделать множество ценных фото- и видеок кадров, которые дают представление о традиционных способах ведения хозяйства, а также о жилище и одежде этого народа

Деревянные ритуальные кубки для кумыса (чороны) — неперменный атрибут праздника Ысыах. На празднике Ысыах чороны, наполненные первым кумысом, символизировали центр мироздания — источник божественной созидающей энергии

Бубен не только обычный музыкальный инструмент, но и незаменимый атрибут шамана. Обычный бубен есть во многих корякских семьях; под его аккомпанемент исполняются личные песни, танцы. Прикасаться же к оживленному шаманскому бубну разрешено лишь самому шаману или его помощникам: ведь инструмент этот — фатальный...

и духам, Миллер пишет: «Первое молоко якуты собирают, пока не ожеребятся все кобылы, заквашивают и делают кумыс для Ысыаха. <...> Весь заготовленный кумыс выпивается во время Ысыаха». И только некоторое время спустя, по свидетельству исследователя, разрешалось употреблять кумыс как обычный напиток.

Подобные сведения Миллер сообщает и о тюрках Красноярского уезда: «*Tin*, или *Urüss*, — так называют татары жертву из первого кумыса, которую они весной приносят божествам и духам. Когда весной они привязывают жеребят и начинают доить кобылиц, то первые три дня собирают молоко в *Kögör* и заквашивают его на кумыс. На 4-й день рано утром, еще до восхода солнца, мужчины семьи <...> отправляются с маленьким сосудом, наполненным кумысом, чашкой и ложкой в сторону от юрты в чистое поле, хотя и не очень далеко. Здесь они ждут, пока солнце не покажется над горизонтом. Как только они его увидят, кумыс наливают в чашку, глава семьи берет ложку и брызгает из чашки вначале в сторону восхода солнца, затем по кругу по ходу движения солнца во все стороны. Если это старый и опытный человек, то он называет при этом по именам божества и всех духов земли — различных рек, речек, озер, гор, скал. <...> Если поблизости имеется шаман, то и его могут взять с собой, чтобы осуществить жертвоприношение. <...> После того, как это произойдет, они возвращаются к своим юртам и угощаются в этот день новым кумысом. Женщины, однако, в этот день еще не должны пить его, а получают это удовольствие лишь на следующий день. <...> А на третий день из кумыса начинают выгонять вино».

То же самое Миллер наблюдал в обрядовой практике бурятов, которые приносили в жертву не только кумыс, но и молочную водку: «Жертвование скота, которое брацкие делают чертям и умершим, они называют *Kirik*. Весной, подобно якутам, они жертвуют также божествам и чертям вино и кумыс. Такую церемонию они называют *Sazogö*. <...> Перед питьем они всегда брызгают немного вина и кумыса в огонь. <...> Во время [обряд] *Kirik* они также жертвуют чертям и умершим вино, кумыс

и *Tarak* *, брызгая вверх». Известно, что у тюркских народов Сибири существовал культ коня. Когда коней (как правило, жеребцов) посвящали божествам, их непременно обрызгивали кумысом.

Изредка (в основном на территории Западной Сибири) во время языческого жертвоприношения вместо кумыса и молочной водки использовались брага или хлебная водка. В сентябре 1734 г. церемонно жертвоприношения у тюлиберских татар Кузнецкого уезда наблюдал Крашенинников: «У сих березок оные татары по всякой год жертву приносят богу, наваривши браги великую кадь, и, к тем березкам вынесши, на них льют и сами пьют, и таким образом бога молят».

«...мужики и бабы, и малые ребята всегда пьяны»

Бытовое пьянство среди аборигенов в XVIII в. было весьма редким явлением, да и распространялось оно лишь на немногих коренных жителей, которые утратили связь с сородичами и жили в городах и острогах, нанимаясь на работу к русским. По мнению исследователей, исключение составляли богатые скотоводы юга Восточной Сибири, в первую очередь буряты. Однако и у них злоупотребление алкогольными напитками носило сезонный характер и приходилось на лето: дело в том, что именно тогда изготовлялось большое количество кумыса и молочной водки. Согласно Миллеру, даже название второго летнего месяца у бурятов (*Chani-chara*) напрямую связано с этим фактом: «Слово *Chani* означает дикий, поскольку в это время они [буряты] постоянно напиваются пьяными». Миллеру вторит Крашенинников, который, характеризуя «братских татар» (бурят), сообщает следующее: «В летнее время так, как и прочие

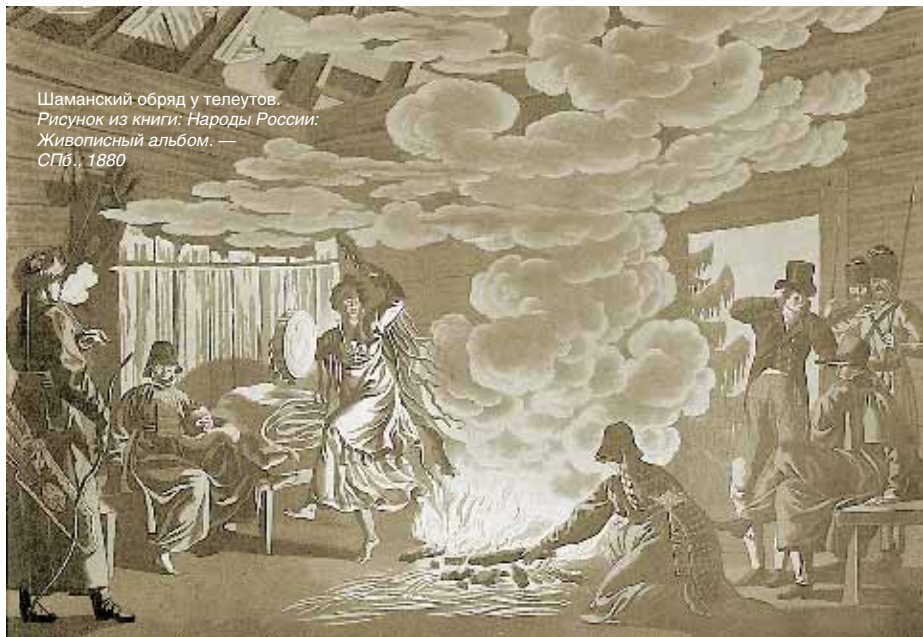

татары, мужики и бабы, и малые ребята всегда пьяны, потому что <...> из кобылья молока они вино сидят».

Русскую хлебную водку, или «вино», коренные жители употребляли лишь в пору редких посещений городов и островов, а также сбора ясака. Представители русских властей угощали их водкой, что

Шаман и шаманка.
Рисунок второй половины XIX в. из книги: *Народы России: Живописный альбом*. — СПб., 1880

* *Tarak* — кислое молоко, приготовленное из кипяченого коровьего молока

Шаманский обряд у телеутов.
Рисунок из книги: Народы России:
Живописный альбом. —
СПб., 1880

служило своеобразной формой награды за верность и исправную уплату ясака. В основном подобной награды удаивались родовые начальники (князцы), однако в некоторых уездах угощали всех ясачных. Крашенинников наблюдал этот процесс у тюрков Красноярского уезда — качинцев: «Ясак платят иные по соболу, иные по 2, и по 3, и по 6, а выше сего не бывает. <...> дается им вино по числу соболов, кто один соболь платит, тому и чарка одна, и так до 6».

Водка в больших объемах была и своеобразной формой жалования, которое получали представители самых знатных аборигенных кланов. Так, по сведениям Миллера, титулованные внуки и правнуки знаменитого князя Гантимура, перешедшего с подвластными ему тунгусами на русскую территорию из Китая, получали в составе жалования от 5 до 20 ведер водки в год. Правда, с 1734 г., по представлению Нерчинского воеводы, который обвинил князей Гантимуровых в том, что они «не выполняют никакой службы, а все время проводят в кутежах», подобные выплаты были приостановлены. Как сообщает Миллер, хорошо знавший князей, один из них действительно был «очень подвержен пьянству». «Только много ли в Нерчинске и в большей части Восточной Сибири таких, о ком нельзя этого сказать? — добавляет

ученый не без сарказма. — Если по этой причине лишать жалования, то немногие избегут этого». Истинной же причиной, вызвавшей недовольство воеводы, по мнению Миллера, стало то, что Гантимуровы перестали давать ему взятки, ссылаясь на указы, запрещающие подобную практику.

Торговля водкой в местах расселения коренных жителей была строжайше запрещена. Не зафиксировано фактов, которые свидетельствовали бы о массовых нарушениях этого закона в XVII—XVIII вв. Не получила широкого распространения и практика обмена водки на меха частными лицами и государством. Однако в сенатском указе, который был вручен В. Берингу, отправленному во Вторую Камчатскую экспедицию, говорится следующее: «К тому же вино сидеть на Камчатке ис тамошней слаткой травы и цену налагать не весьма тягостную, но умеренную, также и того надзирать, чтоб тамошней народ за необыкновенно до смерти не опивался». «Надзирать», видимо, нужно было не только за русскими, но и за ительменами, поскольку, согласно тому же указу, в обмен на водку у жителей Камчатки следовало брать меха.

Ко времени пребывания на Камчатке Стеллера (1740—1744 гг.) ительмены уже успели приобщиться

к этим своеобразным «плодам цивилизации», с которыми они познакомились лишь четверть века назад: «Многие ительмены очень любят водку, напиваясь ею до бесчувствия во время своего пребывания в русских острогах и в значительной мере от этого разоряясь. Другие же безо всякого удовольствия только для того изрядно напиваются, чтобы походить на казаков; они полагают, что такое опьянение — признак культурности последних. В состоянии же опьянения они очень стараются не упустить без подражания ничего из того, что они когда-либо замечали у пьяных казаков; при этом они навещают всех, даже лиц, которых обязаны уважать, чрезвычайно смешно хвастаясь, заявляя: «Я пьян, не сердись... я русскую натуру приобрел... я ведь русский...», — и изрекая разные тому подобные глупости. Из этого видно, чего недостает этим бедным и добрым людям, а именно: просвещения, хороших примеров и рассудительности». Нечто подобное сообщает и Крашенинников.

Однако нельзя утверждать, что пьянство, о котором говорят исследователи, было распространено везде, где существовали тесные контакты коренных жителей с русским населением. Известно, что татары Туринского уезда, которых крестили в массовом порядке в первой четверти XVIII в., жили, окруженные многочисленными русскими деревнями, на одном из самых оживленных путей из европейской части России в Сибирь, однако порок пьянства практически не поразил их.

Чем закусывать мухомор?

У большинства народов таежной полосы и лесотундры, которые не занимались разведением молочного скота, своеобразным заменителем алкоголя стали мухоморы — гри-

бы-галлюциногены. В древности употребление мухоморов, вероятно, было широко распространено по всему северу Евразийского континента. Об этом, в частности, свидетельствуют изображения этого гриба на петроглифах, которые были обнаружены на Крайнем Севере, в том числе на Чукотке, и датированы 1 тыс. до н.э. — сер. 1 тыс. н.э.

В традиционной культуре обских утров, самодийцев и палеоазиатов мухоморы употреблялись в самых разных сферах. В сакральных песнях мухомор представлен как лаконство духов; шаманы, поедая мухоморы, исполняли магические и обрядовые песни, общались с духами, переносились в иные миры; ворожен и предсказатели под воздействием этих галлюциногенов впадали в транс, во время которого к ним являлись духи-советчики. Что касается обычных людей, то они в состоянии своеобразного ритуального «грибного опьянения» исполняли психоделические песни, именуемые «мухоморными», «грибными» или «пьяными».

Упоминания об употреблении мухоморов встречаются в исторических преданиях хантов и селькупов. В них говорится, что враги совершали набеги, «пьяные от гриба-мухомора», а мирное соглашение, которым завершилась междоусобица, бывшие противники отметили следующим образом: «мухоморы съели», так как «вина тогда не было»

Во время камлания в шамана вселяется дух, которого нужно «угостить», чтобы он остался доволен. Дух может попросить поесть, выпить или закурить, а может и песно захотеть услышать: мало ли что ему «взбрет в голову» — и попробуй не исполнить все его желания! На снимке — шаманка, которая в обычной жизни никогда не курила, а вот человеку, дух которого в нее вселился, вздумалось покурить: потому что курил при жизни еще как! Вот теперь и ублажай его...

и т. п. Примечательно, что традиция ритуального поедания мухоморов и психоделического пения от аборигенов перешла к некоторым группам русских старожилов Индигирки и Камчатки. В материалах участников Второй Камчатской экспедиции есть данные о том, что мухоморы являлись одним из важных товаров, продававшихся северным народам, на территории проживания которых мухоморы встречались очень редко или не встречались вообще.

Участники экспедиции обращали внимание преимущественно на вынужденный аспект употребления мухоморов: они называли его «пьянством». Миллер не только собирал сведения о данном явлении, но и включал их в программы и инструкции, предназначенные для других участников экспедиции. В инструкции, написанной для И. Э. Фишера, этой теме посвящено три пункта: «545. О употреблении мухомора,

или панги, у остяков при реке Оби и какия бывают от него действия. 546. Употребляют ли мухоморов юкагиры, коряки и камчадалы. 547. Убогие между юкагирами, как Страленберг пишет, не собирают ли у богатых сцак и не бывает ли от того такого же действия, будто бы они сами мухоморов ели».

В экспедиционных материалах самого Миллера содержатся немногочисленные данные по этому вопросу. Как правило, исследователь приводит информацию лишь о том, как называются мухоморы на языке того или иного народа и употребляют ли они этим народом в пищу. Более подробные описания процесса употребления мухоморов коряками, юкагирами и ительменами, в соответствии с инструкциями Миллера, оставили Линдену, Стеллер и Крашенинников. Вот что писал о коряках Линдену: «Некоторые шаманы, наевшись мухомора *Wapach*, начинают предсказывать будущее. Другие же едят его потому, что они от этого пьянеют. Мухомор у коряков — угощение богачей, бедные же довольствуются мочой последних; когда такой опьяневший от мухомора мочится, то к нему сбегаются многие и, выпив его мочи, пьянеют еще больше, чем сам наевшийся мухоморов. Эти грибы собирают летом и сушат; перед едой гриб свертывают, макают в жир и проглатывают целиком. Но каждый гриб полагается заесть полной ложкой порсы**». Зараз можно съесть

5—7 и даже 9 грибов, но непременно натоцка. Наевшись мухоморов связывают руки и ноги, чтобы он не бсновался. На следующий день, когда он проснется, его развязывают. Связывают также и тех, кто после него напились мочи. Когда *Gitoepschan*'ы*** посещают друг друга, то они обычно угощаются сами и угощают своих гостей мухомором».

Ительмены, по свидетельству Стеллера, практически перестали практиковать употребление мухоморов вблизи русских острогов, однако в отдаленных местностях этот гриб оставался «в особом почете»: «Туземцы сушат эти грибы, поедают их, не пережевывая, целыми кусками и запивают их значительной порцией холодной воды. Уже через полчаса после этого они впадают в дикое опьянение и им мерещатся самые причудливые вещи. Коряки и юкагиры еще более падки на эту пищу и настолько любят ее, что повсюду скупают мухоморы у русских; те же из них, которые по бедности не в состоянии купить их, собирают мочу опьяненных и, выпивая ее, становятся от этого столь же возбужденными и еще более сумасбродными. Моча эта действует, даже пройдя через четверых или пятерых». Поверить в это

** *Порса* — высушенная и мелко истолченная рыба

*** *Gitoepschan* — старшина, глава патриархальной группы

Ритуальное употребление мухоморов до сих пор широко практикуется у коряков (в отличие, например, от эвенгов). «Готовят» мухоморы следующим образом: высушивают, нанизав их на веточку; сухие грибы мелко нарезают, но их можно есть и целиком. Запивают обычно теплым чаем. Что ж, приятного аппетита!

Исполнение песен, сказок и преданий нередко сопровождается ритуальным употреблением мухоморов. Некоторые исследователи даже выделяют особый фольклорный жанр «мухоморных» песен

трудно, отмечает исследователь, однако сказанное им «не подлежит сомнению». Вот что Стеллер пишет о необычайной силе воздействия, которое мухомор оказывает на живое существо: «Северные олени, вообще очень падкие на грибы, между прочим, не раз поедали мухоморы, после чего падали наземь и буйно вели себя, подобно пьяным, в продолжение некоторого времени, а затем впадали в глубокий сон. И вот, если коряки находят дикого северного оленя в подобном состоянии, они связывают его по ногам, пока он не выспится и пока грибной сок не прекратит своего действия; только после этого они оленя закалывают: если бы они умертвили его во время сна и в состоянии опьянения, то всех, кто отведал бы его мясо, обуяло бы точно такое же бешенство, как если бы они сами поели мухоморов».

Еще интереснее наблюдения, сделанные Крашенинниковым над ительменами и коряками, у которых было два способа употребления мухоморов «для веселья»: 1) мухоморы замачивали в кипящем сусле и затем пили его; 2) сухие грибы сворачивали трубкой и глотали целиком. «Первой и обыкновенной знак, по чему усмотреть можно человека, что его мухомор размывает, — дергание членов, кото-

рое по прошествии часа или меньше последует, потом пьяные, как в огневой, бредят; и представляются им различные привидения, страшные или веселые, по разности темпераментов: чего ради иные скачут, иные пляшут, иные плачут и в великом ужасе находятся, иным скважины большими дверьми и лошка воды морем кажется. Но сие о тех разуметь должно, которые чрез меру его употребляют, а которые немного, те чувствуют в себе чрезвычайную легкость, веселие, отвагу и бодрость, так как сказывают о турках, когда они опия наедаются. <...> Сие примечания достойно, что все, кои мухомор едали, единогласно утверждают, что какие они сумозбродства тогда ни делают, все делают по приказу мухоморову, которой им повелевает невидимо. Но все их действия столь им вредны, что естли бы за ними не было присмотра, то бы редкой оставался в живе». Мухоморы ели только мужчины. Согласно Крашенинникову, и ительмены, и коряки употребляли в пищу мухоморы не только «для веселья», но и в тех случаях, «когда убить кого намеряются». А вот данные, которые исследователь приводит по поводу употребления коряками мочи тех сородичей, которые съедали мухоморы: «Впрочем, у сидячих коряк мухомор в такой чести, что пьяному не дают мочиться на пол, но подставляют посуду и мочу его выпивают, от чего также беснуется, как и те, кои грибы ели; ибо они мухомор получают у камчадалов, а в их сторонах не родится». Умеренным считалось потребление максимум четырех грибов, а «для пьянства» съедали около десяти мухоморов.

Опыт ительменов переняли и русские служилые люди. До того, как был открыт морской путь на Камчатку, они вынуждены были с боями прорываться через земли воинственных коряков на Камчатском перешейке и просто физически не могли везти на полуостров ни водку, ни продукты, необходимые для производства алкоголя на месте. По этой причине алкоголь заменили именно мухоморы. Впрочем, и в 1730—1740-х гг., когда проблем с алкоголем у населения Камчатки не стало, многие русские все-таки продолжали есть мухоморы.

На сей счет Крашенинников приводит немало комических, а подчас и трагических примеров «сумозбродств» служилых, когда употребление мухоморов толкало их на совершение самых невероятных поступков, в том числе и приводивших к смерти. Вот один из этих примеров: «Денщику подполковника Мерлина, которой был на Камчатке у следствия и розыску, приказал мухомор удавиться с таким представлением, что все ему дивиться будут.<...> Другому из тамошних жителей показался ад и ужасная огненная пропасть, в которую надлежало быть низвержено: чего ради по приказу мухомора принужден он был пасть на колени и исповедывать грехи свои, сколько мог вспомнить. Товарищи его, которых в ясашной избе, где пьяной

приносил покаяние, было весьма много, слушали того с великим удовольствием, а ему казалось, что он в тайне пред богом кается о грехах своих. <...> Некоторой служивой едал, сказывают, мухомор умеренно, когда ему в дальней путь итти надлежало, и таким образом переходил он знатное расстояние без всякого устатка, наконец, наевшись его допьяна, раздавил себе яйца и умер. Бывшей у меня в толмачах большерешкой казачей сын, опоенной мухомором в незнании, разрезал было себе брюхо по приказу мухоморову, отчего насилу его избавить успели, ибо уже в самом замахе руку ему задержали».

Интересно, что потребление мухоморов ительменами не приводило к столь опасным для жизни «сумозбродствам». Крашенинников связывал этот факт с тем, что ительмены либо соблюдали разумную «меру», либо так «въелись» в мухоморы, что «организм привык к ним».

На смену мухоморам к коренным народам Сибири постепенно приходили алкогольные напитки. Вот что пишет Крашенинников об ительменах: «Для веселья пивали они мухомор, в воде настоянной <...> а ныне пьют и вино, как и тамошние жители, и совсем на нем пропиваются». Тем не менее, в ряде мест с традиционным укладом жизни поедание мухоморов, а также особое сакральное отношение к ним сохранились до начала XXI в. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы этнографических экспедиций последних лет, которые были организованы на территорию проживания коряков.

Лучше голод претерпеть

Среди удовольствий сомнительного толка, получивших повсеместное распространение у сибирских народов после присоединения к России (а точнее, с начала XVIII в.), ученые особо выделяют пристрастие к курению, которое буквально разоряло многих курильщиков по причине дороговизны табака в отдаленных районах. В работе «География и нынешнее состояние земли Камчатки» Миллер свидетельствует о том, что «камчадалы» (ительмены), которые только недавно узнали, что такое табак, «ныне к тому так привыкли, что им лучше голод претерпевать, нежели от того отстать». «Мужья, жены, дети и челядинцы — все курят табак и каждому надобно в год по последней мере 2, 3 и 4 фунта». Между тем проблемы с доставкой табака на Камчатку, а также последствия недальновидной политики государства, объявившего монополию на его продажу, привели к тому, что цена табака в лучшие годы составляла, по данным ученого, 6 лисец за фунт, а бывало и такое, что он продавался по лисце за золотник. Дабы камчатские народы не пришли во «всеконечное убожество», по мнению Миллера, необходимо было разрешить свободную продажу табака всем желающим; из казны же продавать

его по цене, не превышающей более чем в два раза той цены, которую предлагают за него китайцам. Как считал исследователь, на широкое распространение табакокурения среди русских жителей Камчатки большое влияние оказал образ жизни ительменов: «Понеже они на камчадалских холонках женаты или от оных родились, все камчатские обычаи приняли и потому столько же или еще больше, как камчадалы, табаку курят».

Курению табака также нередко придавалось ритуальное значение. Вместо мухоморов его использовали и шаманы в качестве возбуждающего или одурманивающего средства. Вот как Миллер описывает процесс камлания у качинских татар Красноярского уезда: «Потом шаманка, несмотря на то, что помимо камланий она не курила, потребовала табаку для курения. Это означало, что требовала не сама шаманка, а черт, которым она была одержима. Тогда ей дали раз за разом 7 трубок с табаком, которые она <...> большей частью растрясла и, как и до этого, каждый раз между двумя трубками выпрыгивала из юрты. С последней трубкой она имела вид совершенно лишившейся чувств <...> Поэтому ее поддерживали, и вскоре она пришла в себя».

В числе «классических» наркотических средств ученые называют лишь опиум. Судя по всему, на территорию Сибири опиум ввозили из Средней Азии купцы; употребляли же его преимущественно западносибирские «бухарцы», а также тобольские, тюменские, тарские и томские татары. Миллер оставил упоминания об этом наркотике в нескольких экспедиционных рукописях. Наиболее пространная заметка на сей предмет содержится в «Известиях о якутах и их шаманах, о юкагирах, остяках, тунгузах, самоедах, камасинцах, тайгинцах, качинцах, татарах и об обычаях разных сих народов»: «*Afim* (опиум) татары и бухарцы охотно пьют с чаем точно так же, как турки. Доза на один раз для мужчины — с большую горшину. От опиума становятся очень веселыми и возбужденными. Если у них имеются трудные для чтения книги, то <...> опиум так проясняет их сознание, что они могут понять и самые трудные места. Однако те, кто употребляет много опиума, какими бы тучными они ни были прежде, от этого становятся очень худыми, высыхают и, наконец, приобретают чахотку». Ни Миллер, ни Гмелин ничего не говорят о наркотической зависимости от опиума, ограничиваясь указаниями на последствия злоупотребления этим зельем.

Итак, на основании экспедиционных материалов участников Второй Камчатской экспедиции, можно сделать следующие выводы: употребление традиционных для аборигенных культур Сибири алкогольных напитков носило сезонный характер, было тесно связано с языческими обрядами и верованиями, но не приводило к массовому появлению зависимых от алкоголя людей. Путешественники не оставили данных, свидетельствовавших о серьезном влиянии русских на пристрастие

коренных жителей Сибири к алкогольным напиткам, которое они практиковали еще до начала XVIII в.

Ситуация кардинально изменилась лишь в первой половине XIX в., особенно после того, как в 1833 г. был разрешен ввоз «горячих» напитков на территории проживания аборигенов. С этого момента, вплоть до установления в 1902 г. государственной винной монополии, коренные жители получили право самостоятельно продавать сородичам алкогольные напитки. Таким образом, не только частные торговцы, но и само государство фактически стало проводить политику по замене еще только складывающихся товарно-денежных отношений на товарно-вещные. В эти годы процесс спаивания коренного населения Сибири приобрел массовый характер и особенно пагубное воздействие оказал на те народы, в традиционной культуре, а также в ритуальной и обрядовой практике которых употреблялись не алкогольные напитки, а грибы-галлюциногены как возбуждающее и одурманивающее средство.

Литература
СПбФ АРАН. — Фонд 21.
РГАДА. — Фонды 181, 199.

Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730—1733. — Часть 1. Морские отряды. — М., 2001.

Крашенинников, С. П. Описание земли Камчатки. — М.—Л., 1949.

С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. — М.—Л., 1966.

Линденау, Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. — Маадаи, 1983.

Стеллер, Г. В. Описание земли Камчатки. — Петропавловск-Камчатский, 1999.

Georg Wilhelm Steller, Stepan Krašeninnikov, Johann Eberhard Fischer — Reisezeitgücher 1735 bis 1743. — Halle, 2000.

Gmelin, I. G. Reise durch Sibirien. — Göttingen, 1752. — Th. 1—4. Johann Georg Gmelin. Expedition ins unbekannt Sibirien. — Ulm, 1999.

Автор и редакция журнала выражают благодарность сектору фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, а также сотруднику сектора К. Сагалаву за фотоматериалы, использованные в публикации

Селенга. Фото В. Урбазаева

«Сколько приятных в Сибири путей я не имел, однако по Нерчинской дороге веселее всех было ехать. Натуральная тамошней земли превосходства весьма тому способствовали. Там по степям, прекрасными цветами распещренными, инде холмы и инде долины наиприятнейшим образом показывались; там нигде зрение густыми лесами не пресекалось, но часто какую-нибудь вещь за несколько миль впереди, также и позади себя на толикое ж расстояние можно было видеть; там при источниках и реках, коих множество находится, и кои самую чистую воду в себе имеют, хотя русских малое число, однако тем более тамошних природных жителей, бурят и тунгусов кочует, кои с многочисленным своим скотом подобно как первых веков люди по плодоноснейшим лугам с места на место переезжают. Наипаче полезно нам было сие, что оные язычники, с коими нам нужда была всегда обходиться, такую ласку и почтение к нам показывали, что и от самых учтивейших народов не можно б было ожидать нам сего лучше. Они пригоняли к нам лошадей впряжных и верховых табунами и выбирали из них для нас самых лучших <...> Довольствовались они нас всякими съестными припасами, какия у себя имели <...> А припасов получали мы от них в толиком излишестве, что из пригоняемых к нам молодых бычков, телят и овец на всю нашу свиту менее половины расходилось».

Г.Ф. Миллер (СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 5, д. 63, л. 91 об.–92 об.)